

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

17 2026
ЧАСТЬ VII

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (620) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Фридрих Фрёбель (1782–1852), немецкий педагог.

Фридрих Вильгельм Август Фрёбель родился в деревне Обервайсбах в Тюрингии. Он рано лишился матери и был отдан на воспитание своему дяде, лютеранскому пастору. После окончания школы Фридрих изучал естественные науки и математику в Йенском университете, а потом увлекся идеями швейцарца Иоганна Генриха Песталоцци, который писал научные труды о развивающем обучении детей и основал в городе Ивердон собственную школу. Фрёбель устроился туда учителем и провел в школе Песталоцци два года. После этого, получив небольшое наследство, он завершил свое образование в университетах Геттингена и Берлина.

Молодой преподаватель мечтал о собственном экспериментальном учебном заведении и говорил о нем с такой страстью и таким энтузиазмом, что сумел привлечь к его созданию всю семью и ближайшее окружение. В 1817 году он открыл школу в Кейльгау, небольшой деревне в княжестве Шварцбург-Рудольштадт. Здание было куплено на средства вдовы его брата, первыми учителями стали его бывшие однокурсники, а первыми учениками — родные племянники. Все приданое отдала школе Фрёбеля и его состоятельная невеста, на которой он женился спустя год после основания заведения.

К 1826 году в школе числилось уже 60 воспитанников. Родители учеников отзывались о ней благосклонно, а сам Фридрих Фрёбель объединил свою теорию и практические наблюдения в литературном труде «О воспитании человека» (*Die Menschenerziehung*), который до сих пор цитируется в книгах по педагогике. Однако прогрессивные идеи, как это часто случается в истории, тут же нашли своих противников. Не без помощи местных священников были пущены слухи о том, что в учебном заведении насаждается атеизм и прочие «вредные и преступные мысли». И хотя посланный высшим начальством ревизор все обвинения опроверг, школа растеряла почти всех учеников и была закрыта.

На протяжении следующих 14 лет педагога преследовали неудачи. Он пытался создать новое заведение в Швейцарии, но и там столкнулся с нападками духовенства, которое отстаивало права и методику церковных школ. Он пытался донести свои идеи до высшего света и прочитал в Дрездене лекцию в присутствии королевы Саксонии, известной своей благотворительной деятельностью, но его не услышали. В итоге Фрёбель возглавил приют для сирот в швейцарском Бургдорфе. Там он впервые увидел десятки маленьких детей, лишенных родительского тепла. Из Бургдорфа Фридрих Фрёбель вернулся в Германию в твердой уверенности, что отныне будет заниматься только дошкольным воспитанием. До этого в его школах учились и малыши, и подростки.

В 1840 году в тюрингском Бад-Бланкенбурге появился первый в мире Kindergarten, в буквальном переводе с не-

мецкого «детский сад». По натуре Фрёбель был романтиком и идеалистом, последователем философии Фихте и Гегеля, и детей он действительно считал «цветами жизни»: «Малыши подобны растениям. Всем им нужен уход и защита. Каждый из них прекрасен сам по себе, но по-настоящему расцветает только в окружении своих сверстников».

Согласно теории Фрёбеля, детям до семи лет не нужно ходить в обычную школу. Их развитием и воспитанием должны заниматься специальные учреждения, основанные по принципу большой семьи: все воспитанники — братья и сестры, а их «садовница» (*Gärtnerin*), или воспитательница, — ласковая и всегда готовая прийти на помощь мама. Главными принципами провозглашались любовь и терпение, телесные наказания отменялись (последний пункт вызвал негодование в строгой, ориентированной на армейскую дисциплину Пруссии, что привело к десятилетнему запрету на «киндергартены»). Плата за детский садик была небольшой, так что его посещение могли позволить себе даже бедные горожане, при этом детей кормили три раза в день горячей пищей — роскошь, которая не всегда выпадала в те времена и на долю взрослых.

Педагог считал, что начинать раскрытие детской индивидуальности, природных особенностей и талантов каждого малыша надо с самого раннего возраста. Детский сад в его представлении был не «инкубатором», где растут одинаково идеальных младенцев, а местом, которое формирует уникальную, неповторимую и гармоничную личность. Основной методикой стали игры: Фрёбель придумал шесть «даров» для маленьких детей, которые, по его мнению, развивают все органы чувств, а также движение, мышление и речь. Первый «дар» — разноцветные мячи, остальные пять — разновидности того, что сейчас называют развивающим конструктором: это различающиеся по форме и размеру деревянные фигуры, из которых можно складывать сложные композиции.

Что касается ребят постарше, в детском саду Фрёбеля они занимались другой творческой активностью: лепили из глины, вырезали из бумаги, раскрашивали картинки, ставили простенькие пьески, ухаживали за цветами. Педагог выпустил два поэтических сборника, рекомендованных его «садовницам»: «Материнские и ласкательные песни» и «Сто песен к играм в мяч».

Слава детского сада в Бад-Бланкенбурге вышла далеко за пределы Германии. У Фрёбеля появились последователи по всему миру, его стали приглашать к себе князья и герцоги, простые учителя мечтали побывать на его лекциях.

Сам он по странной иронии судьбы так и не стал отцом: оба его брака были бездетными. Немецкий педагог-новатор скончался в 1852 году в возрасте 70 лет.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Неверович М. С.

Снижение стандартов доказывания
в уголовном процессе: риски и перспективы... 479

Неручева Е. О.

Корпоративные отношения в системе
современного гражданского права..... 482

Ободзинский А. Д.

Банкротство супругов: проблемы теории
и практики 484

Обрезкова Е. А.

Особенности реализации жилищных прав
несовершеннолетних: теоретические
и практические аспекты 487

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Особенности производства в упрощённом
порядке: проблемы обмена
процессуальными документами..... 489

Панчук М. А.

Уголовно-правовая и криминологическая
характеристика экстремизма в Российской
Федерации: проблемы противодействия
и предупреждения 491

Рудковский Д. В.

Проблемы использования результатов
оперативно-розыскной деятельности
при доказывании по уголовным делам
о мошенничестве и пути их решения..... 494

Рязанцева А. А.

Методология прокурорской деятельности
по противодействию религиозному
экстремизму 499

Сабитов Р. М.

Злоупотребление корпоративными правами:
формы проявления и способы правовой
защиты участников корпорации 502

Сергеева Д. М.

Гражданско-правовой механизм защиты
прав на бездокументарные ценные бумаги 504

Сидоренко Е. Н.

Анализ основных изменений Федерального
закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ
«О противодействии коррупции»..... 506

Смертина К. В.

Правовое регулирование корпоративных
обязанностей акционера (участника)
хозяйственного общества..... 508

Сухова А. А.

Проблема определения пределов правового
регулирования в сфере обеспечения
частных и публичных интересов на примере
института нотариата 511

Терентьев Н. Г.

К вопросу о формах и способах защиты
трудовых прав работников 512

Тимергалеева М. И.

Специфика правового регулирования
ипотеки предприятия в российском
гражданском праве 516

Тихонов Д. Е.

Криминалистическая характеристика
мошенничества, совершенного
с использованием информационно-
телекоммуникационных технологий 517

Уфимцева Е. О.

Институт подведомственности
в гражданском и арбитражном процессе:
последствия отказа и перспективы
восстановления 519

Федотов А. С.

Типичные способы совершения
мошенничества в сети Интернет и их
криминалистическое значение 522

Филиппи Ю. Ю.

Отдельные вопросы правовой регламентации
назначения уголовного судопроизводства 524

Фокин С. В.

Международно-правовое регулирование
использования спутников для мониторинга
морских ресурсов 525

Хвостова Е. А.

Роль искусственного интеллекта
в правоприменительной деятельности 528

Цитренко И. В.

Поводы и основания для возбуждения
уголовного дела в российском уголовном
процессе..... 531

Шевчук Ю. С.

Порок воли и волеизъявления как правовое
основание недействительности..... 535

ИСТОРИЯ**Бегишева А. С.**

Женщины времен церковного раскола:
боярыня Феодосия Морозова..... 540

Донских П. П.

Избирательная система России
в начале XX века 543

Метелева Т. А.

Быт и занятия женщин на Боспоре 545

Шиповский И. А.

Мистерияльные культы (Митры, Исиды,
Кибелы) в условиях христианизации
Римской империи: стратегии выживания
и ассимиляции..... 547

КУЛЬТУРОЛОГИЯ**Фролова В. В.**

Романтизация антигероев в кино: механизмы
оправдания насилия на примере образов
Данилы Багрова и Тони Монтаны..... 550

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**Максимов Я. А.**

Театральный комикс как феномен
современной театральной культуры..... 553

ПРОЧЕЕ**Тимофеева М. М.**

Применение методов искусственного
интеллекта в автоматизации управления
наземным обеспечением полётов 555

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА**Кройтор А. А.**

На защите будущего: к 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
1941–1945 годов 557

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Снижение стандартов доказывания в уголовном процессе: риски и перспективы

Неверович Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуется проблема снижения стандартов доказывания в уголовном процессе Российской Федерации в контексте современных тенденций развития правоприменительной практики. На основе анализа положений уголовно-процессуального законодательства, а также доктринальных подходов к пониманию стандартов доказывания выявляется отсутствие их нормативного закрепления и связанная с этим вариативность их толкования. Особое внимание уделяется исследованию судебной практики, демонстрирующей тенденцию к подмене стандарта «вне разумных сомнений» критерием достаточности и непротиворечивости доказательств. Обосновывается вывод о недопустимости снижения стандартов доказывания как фактора, повышающего риск судебных ошибок и затрагивающего принцип презумпции невиновности.

Ключевые слова: стандарты доказывания, уголовный процесс, презумпция невиновности, внутреннее убеждение суда, оценка доказательств, разумные сомнения.

Современное развитие уголовного судопроизводства характеризуется устойчивой тенденцией к оптимизации процессуальных форм, направленной на повышение эффективности расследования и рассмотрения уголовных дел. Расширение сферы применения упрощенных процедур, включая особые порядки судебного разбирательства и досудебные соглашения о сотрудничестве, объективно способствует ускорению уголовного процесса и снижению нагрузки на судебную систему. Вместе с тем указанные трансформации затрагивают фундаментальные основы доказывания, формируя предпосылки для пересмотра традиционных представлений о стандартах доказанности обвинения.

В доктрине уголовного процесса отсутствует единый подход к оценке допустимости снижения стандартов доказывания. Одни исследователи указывают на недопустимость каких-либо отступлений от требования доказанности вины «вне разумных сомнений», рассматривая его как неотъемлемую гарантию прав личности. Другие допускают определенную дифференциацию стандартов в зависимости от формы судопроизводства и процессуальной ситуации, обосновывая это необходимостью обеспечения процессуальной экономии и эффективности правосудия.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации категория «стандарт доказывания» не получила нормативного закрепления. Уголовно-процессуальный кодекс РФ ограничивается закреплением принципов презумпции невиновности (ст. 14)

и свободной оценки доказательств (ст. 17), не формулируя при этом конкретного порога доказанности, необходимого для принятия процессуальных решений [1]. Такая конструкция, с одной стороны, обеспечивает гибкость правоприменения, однако, с другой — создает условия для вариативного и зачастую снижающегося уровня требований к обоснованности обвинительного приговора, особенно в рамках упрощенных процедур.

В научной литературе обоснованно отмечается, что данное понятие отсутствует в законе в силу его оценочного характера, однако это не означает отсутствия самого явления: стандарт доказывания фактически выполняет регулятивную функцию, определяя необходимый уровень убедительности доказательственной базы при раз решении уголовного дела [2, с. 37].

В доктрине уголовного процесса сложилось несколько подходов к пониманию правовой природы стандартов доказывания. В рамках первого из них стандарт рассматривается как объективный критерий, ограничивающий дискрецию правоприменителя и обеспечивающий единообразие судебной практики. Так, например, в работе Мусина А. Р. подчеркивается, что отсутствие четко определенных ориентиров приводит к избыточной субъективизации оценки доказательств, вследствие чего суд фактически самостоятельно определяет предел достаточности доказательственной совокупности [4, с. 460]. Подобная ситуация, по мнению автора, обуславливает необходимость существования единого стандарта доказанности,

применяемого при разрешении уголовного дела по существу и исключаящего произвольное снижение требований к обоснованности обвинительного приговора.

Вместе с тем в научной литературе представлена и противоположная позиция, согласно которой формализация стандарта доказывания не является необходимой для континентальной правовой системы. Сторонники данного подхода исходят из того, что требуемый уровень доказанности уже имплицитно закреплён через принцип внутреннего убеждения суда, формируемого на основе всестороннего, полного и объективного исследования доказательств [2, с. 37]. В указанной логике стандарт доказывания не выступает самостоятельной категорией, а представляет собой производное от механизма оценки доказательств, осуществляемой судом в каждом конкретном деле.

Дополнительное измерение рассматриваемой проблематики связано с дискуссией о необходимости нормативного закрепления стандарта доказывания. В частности, в работе Кони В. В. указывается, что отсутствие соответствующей дефиниции «стандарт доказывания» способствует формированию неоднородной правоприменительной практики и снижает предсказуемость судебных решений [3, с. 26]. Введение же данной категории в нормативное поле, по мнению автора, могло бы способствовать повышению обоснованности выводов суда и укреплению гарантий прав участников процесса.

Анализ нормативных положений уголовно-процессуального законодательства и доктринальных подходов позволяет констатировать отсутствие единого понимания природы и роли стандартов доказывания в уголовном процессе. С одной стороны, они рассматриваются как необходимый объективный ориентир, ограничивающий судебную дискрецию; с другой — как производное от внутреннего убеждения суда; с третьей — как система дифференцированных уровней доказанности, соответствующих различным стадиям процесса. При этом объединяющим для всех указанных подходов является признание того, что отсутствие четкого нормативного ориентира создает предпосылки для вариативного толкования требований к доказанности, что в дальнейшем может приводить к их фактическому снижению в правоприменительной практике.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что в ряде случаев вывод о доказанности вины формируется на основе формализованного подхода к оценке доказательств, при котором стандарт доказывания фактически подменяется критерием их достаточности и непротиворечивости.

Так, например, Бердский городской суд, признавая подсудимого виновным, указал, что представленные доказательства являются допустимыми, достоверными и согласуются между собой, а в своей совокупности достаточны для постановления обвинительного приговора. Вместе с тем анализ содержания судебного акта показывает, что суд ограничился констатацией формальных при-

знаков доказательственной базы, не раскрыв, каким образом были проверены и устранены возможные разумные сомнения в виновности лица, а также, не приведя развернутой оценки альтернативных версий событий [5].

Аналогичный подход прослеживается и в приговоре Ярцевского городского суда, где существенное значение придается признанию вины подсудимым и согласованности доказательств между собой. Суд указывает на отсутствие сомнений в виновности, однако данное положение носит декларативный характер и не сопровождается анализом того, какие именно сомнения могли возникнуть и по каким основаниям они признаются устраненными. В результате вывод о доказанности строится не на проверке предельного уровня убежденности, а на отсутствии явных противоречий в представленных доказательствах и их формальной достаточности [6].

Рассмотренные примеры позволяют выявить устойчивую тенденцию, заключающуюся в том, что категория «достаточности доказательств» в правоприменительной практике приобретает самостоятельное значение и фактически замещает более строгий стандарт доказанности, предполагающий исключение разумных сомнений. При этом согласованность и допустимость доказательств воспринимается судами как достаточное основание для признания вины, без дополнительной проверки полноты и убедительности доказательственной базы с точки зрения опровержения альтернативных версий.

Исходя из изложенного, представляется возможным сформулировать следующий вывод. В условиях отсутствия нормативно закреплённого стандарта доказывания принцип внутреннего убеждения суда фактически трансформируется в основной и зачастую единственный критерий оценки доказанности, что приводит к снижению требований к уровню обоснованности обвинительного приговора. Практика демонстрирует, что стандарт «вне разумных сомнений» не реализуется как самостоятельный критерий, а подменяется более мягким и неопределённым порогом — «достаточностью доказательств», понимаемой как их непротиворечивость и формальная допустимость.

Такая трансформация создает риск вынесения обвинительных приговоров при неполной проверке обстоятельств дела и недостаточном анализе альтернативных версий, что, в свою очередь, затрагивает фундаментальные гарантии уголовного судопроизводства, прежде всего принцип презумпции невиновности. Следовательно, правоприменительная практика подтверждает доктринальный тезис о необходимости более четкого определения пределов доказанности и выработки единых ориентиров, исключających произвольное снижение стандартов доказывания.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблема снижения стандартов доказывания в уголовном процессе носит системный характер и обусловлена не только особенностями правоприменительной практики, но и отсутствием четких нормативных ориентиров, определяющих требуемый уровень доказанности.

В этих условиях принцип внутреннего убеждения суда, будучи ключевым элементом оценки доказательств, фактически приобретает доминирующее значение и допускает вариативное толкование порога доказанности, что создает предпосылки для его снижения.

В связи с этим представляется обоснованным вывод о недопустимости дальнейшего размыwania стандартов доказывания, поскольку это напрямую затрагивает реализацию принципа презумпции невиновности и повышает риск судебных ошибок. Вместе с тем решение обозначенной проблемы не может ограничиваться лишь критикой правоприменительной практики и требует нормативного закрепления соответствующих гарантий.

Так, прежде всего, целесообразным является введение в уголовно-процессуальное законодательство дефиниции стандарта доказывания применительно к постановлению обвинительного приговора. Такая дефиниция могла бы быть закреплена, например, в статье 14 УПК РФ либо в отдельной норме, посвященной оценке доказательств, и формулироваться следующим образом: «обвинительный приговор может быть постановлен лишь при условии, что совокупность исследованных доказательств исключает разумные сомнения в виновности лица». Закрепление подобного положения позволило бы придать стандарту «вне разумных сомнений» нормативный характер и превратить его из доктринальной конструкции в обязательный ориентир правоприменения.

Одновременно с этим представляется необходимым уточнение содержания принципа внутреннего убеждения суда. В частности, следует нормативно закрепить, что внутреннее убеждение не является произвольным и должно

формироваться при условии устранения разумных сомнений, основанных на доказательствах, исследованных в судебном заседании. Такая корректировка позволила бы ограничить чрезмерную дискрецию суда и обеспечить связь субъективной оценки доказательств с объективными критериями их достаточности.

На уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации видится целесообразным: раскрыть содержание категории «разумные сомнения»; определить критерии их наличия и устранения; указать на недопустимость постановления обвинительного приговора при сохранении неустранимых противоречий в доказательствах; акцентировать внимание на необходимости анализа альтернативных версий событий.

На наш взгляд следует признать допустимость дифференциации стандартов доказывания лишь применительно к промежуточным процессуальным решениям (например, при избрании меры пресечения), однако недопустимость их снижения при разрешении вопроса о виновности лица. Тем самым должен быть закреплён единый и повышенный стандарт доказанности для постановления обвинительного приговора, выступающий гарантией прав личности.

Таким образом, перспективы развития уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере связаны с нормативной конкретизацией стандарта доказывания и ограничением дискреции суда при оценке доказательств. Реализация указанных мер позволит обеспечить баланс между эффективностью уголовного судопроизводства и соблюдением фундаментальных правовых принципов, исключив тенденцию к необоснованному снижению требований к доказанности обвинения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — 52 (Часть I). — ст. 4921.
2. Гасымов, Н. Р. Сущность, понятие и значение стандартов доказывания по уголовным делам / Н. Р. Гасымов // *Universum: экономика и юриспруденция*. — 2024. — № 2 (112). — С. 36–38.
3. Конин, В. В. К вопросу о введении в уголовное судопроизводство дефиниции «стандарт доказывания» / В. В. Конин // *Уголовное судопроизводство*. — 2025. — № 4. — С. 24–27.
4. Мусин, А. Р. Стандарты доказывания в уголовном процессе / А. Р. Мусин // *Образование и право*. — 2023. — № 2. — С. 459–463.
5. Приговор Бердского городского суда (Новосибирская область) от 20 июня 2024 г. по делу № 1–195/2024 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xUC7T6RXirQp/> (дата обращения: 22.04.2026).
6. Приговор Ярцевского городского суда (Смоленская область) от 22 декабря 2024 г. по делу № 1–240/2024 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dNh7ho5Qf4lm/> (дата обращения: 22.04.2026).

Корпоративные отношения в системе современного гражданского права

Неручева Елена Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Землина Ольга Михайловна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена комплексному исследованию корпоративных отношений как самостоятельной группы гражданско-правовых отношений. Анализируется их нормативное закрепление в ГК РФ, смешанная имущественно-организационная природа, а также ключевые механизмы судебной защиты корпоративных прав. Отдельно рассматриваются правовые позиции Верховного Суда РФ 2022–2024 гг. о добросовестности корпоративного поведения, доступе к информации, исключении участника и реализации преимущественных прав. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития инструментов корпоративного управления с учетом цифровизации.

Ключевые слова: корпоративные отношения, корпорация, корпоративные права, участник общества, корпоративный спор, управление юридическим лицом.

Corporate relations in the system of modern civil law

Nerucheva Elena Olegovna, master's student

Scientific advisor: Zemlina Olga Mikhaylovna, phd in law, associate professor

Russian State Social University (Moscow)

The article examines corporate relations as a distinct part of Russian civil law, focusing on their mixed property and organizational nature, governance mechanisms and judicial protection. The paper highlights key Supreme Court positions of 2022–2024 on directors' liability, shareholders' access to information, exclusion of a participant and pre-emptive rights, and discusses challenges of digital corporate governance.

Keywords: corporate relations, corporation, corporate rights, shareholder, corporate dispute, corporate governance.

1. Нормативное закрепление и понятие корпоративных отношений

Включение корпоративных отношений в предмет гражданского законодательства (ст. 2 ГК РФ) отражает их самостоятельность и практическую значимость для оборота. Понятие корпорации закреплено в ст. 65.1 ГК РФ: участники обладают правом участия (членства) и формируют высший орган управления. Тем самым корпоративные отношения выражают особый способ координации интересов нескольких лиц через юридическое лицо как самостоятельного участника оборота.

Содержание корпоративных прав раскрыто в ст. 65.2 ГК РФ: право участвовать в управлении, получать информацию, обжаловать решения органов, требовать возмещения убытков, причиненных корпорации. Данные правомочия «двойственны»: они одновременно обслуживают имущественный интерес участника и обеспечивают его участие в формировании воли корпорации.

2. Юридическая природа: смешанный имущественно-организационный характер

В доктрине корпоративные отношения нередко характеризуются как «смешанные», поскольку не сводятся ни к обязательственным, ни к вещным моделям. Имущественный компонент проявляется в праве на прибыль (дивиденды), ликвидационную квоту и иных экономи-

ческих ожиданиях участника. Организационный компонент выражается в процедурных возможностях влиять на деятельность общества: голосование, избрание органов, утверждение ключевых решений. Наличие корпоративной воли, формируемой внутренними органами, отличает корпоративные отношения от классических обязательств между равноправными субъектами.

Особую роль играют внутренние локальные регуляторы: устав, положения об органах, корпоративные договоры (ст. 67.2 ГК РФ), которые позволяют «настроить» распределение управленческих полномочий и рисков. Именно через сочетание диспозитивности и императивных гарантий достигается баланс интересов мажоритариев, миноритариев и самой корпорации.

3. Корпоративное управление и добросовестность поведения

Статья 67.1 ГК РФ фиксирует основы принятия решений общим собранием и иными органами, подчеркивая процедурную природу корпоративной власти. При этом ст. 53.1 ГК РФ вводит повышенный стандарт поведения руководителя: обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Применение данного стандарта конкретизируется судебной практикой: при наличии конфликта интересов, самоназначения вознаграждения, использования активов общества в личных целях руководитель рискует отвечать убытками.

Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 закрепило общий подход к добросовестности и разумности (раздел I ГК РФ), который применим и к корпоративным конфликтам. Значение этих принципов усиливается в ситуациях злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ), когда формально правомерные действия участника направлены на причинение вреда обществу или другим участникам.

4. Судебная практика ВС РФ 2022–2024 гг. как источник единообразия

Судебные акты Верховного Суда РФ последних лет показывают развитие стандартов корпоративного поведения и защиты прав участников.

Во-первых, в 2023 г. утверждено «Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами» (15.11.2023), где подчеркнута связь права на информацию со статусом участника (акционера) и обозначены границы добросовестного запроса документов во избежание злоупотреблений.

Во-вторых, в Определении ВС РФ от 03.09.2023 № 305-ЭС23–30144 разъяснено, что исключение участника из ООО, обладающего 50 % долей, возможно при доказанности злоупотреблений и фактической блокировке деятельности общества, что отражает отход от чрезмерно формального подхода к данному способу защиты.

В-третьих, в 2024 г. ВС РФ последовательно ограничивает недобросовестные корпоративные практики: например, в Определении от 01.07.2024 № 306-ЭС23–26474 суд указал на недопустимость внесения изменений в устав с целью воспрепятствовать вхождению супруга (бывшего супруга) в состав участников в условиях раздела имущества; такое поведение квалифицировано как злоупотребление правом.

Наконец, в Определении от 10.07.2024 № 301-ЭС24–2609 подтверждено право участника основного общества требовать предоставления документов дочернего общества через основное общество, что согласуется с п. 1 ст. 65.2 ГК РФ и направлено на обеспечение информированности участника о группе компаний.

Для 2022 г. показателен подход ВС РФ к оценке корпоративных споров в экономической коллегии (например, Определение от 16.12.2022 № 305-ЭС22–11727), где Суд подчеркивает необходимость материально-правовой

оценки поведения сторон и недопустимость формального игнорирования существенных обстоятельств корпоративного конфликта.

5. Корпоративные споры и механизмы защиты прав участников

Корпоративные споры охватывают широкий круг требований: оспаривание решений органов, принуждение к предоставлению информации, взыскание убытков с руководителя или контролирующих лиц, восстановление корпоративного контроля, защита преимущественных прав. Современная тенденция судебной практики — смещение акцента на защиту экономически оправданных ожиданий и сохранение баланса интересов.

Инструменты превенции конфликтов включают корпоративные договоры, согласованные процедуры голосования, механизмы выхода/выкупа доли, а также прозрачные правила раскрытия информации. При этом любые договорные конструкции должны учитывать императивные ограничения корпоративного законодательства и принципы добросовестности.

Цифровизация корпоративного управления (электронные уведомления, дистанционные собрания, электронное голосование) повышает доступность участия, но порождает риски: идентификация участника, доказуемость волеизъявления, защита персональных данных. Указанные вопросы требуют дальнейшего развития правовых стандартов и технологически нейтральных процедур.

Заключение

Корпоративные отношения — динамичный институт гражданского права, сочетающий имущественные интересы и организационное участие. Его развитие обеспечивается как нормативным регулированием (ст. 2, 65.1, 65.2, 67.1, 53.1 ГК РФ), так и активной ролью Верховного Суда РФ в формировании единых подходов 2022–2024 гг. Дальнейшее совершенствование корпоративного законодательства должно быть направлено на повышение прозрачности управления, снижение конфликтности и развитие цифровых процедур при сохранении эффективной судебной защиты.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действ.).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
3. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами по требованию участников (акционеров) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023).
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2022 № 305-ЭС22–11727 по делу № А40–121758/2021.

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2023 № 305-ЭС23–30144 по делу № А40–265796/2022.
6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2024 № 306-ЭС23–26474.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2024 № 301-ЭС24–2609.
8. Габов А. В. Корпоративное право: учебник. Москва: Статут, 2021.
9. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник. В 4 т. Т. 1. Москва: Статут, 2022.
10. Макаров О. В. Защита прав участников хозяйственных обществ // Хозяйство и право. 2019. № 3. С. 17–25.

Банкротство супругов: проблемы теории и практики

Ободзинский Алексей Дмитриевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются теоретические и практические проблемы банкротства супругов в российском праве. Обосновывается, что данная категория споров формируется на стыке семейного, гражданского и конкурсного законодательства. Особое внимание уделяется соотношению режима совместной собственности супругов с механизмом формирования конкурсной массы, критериям признания обязательств общими долгами супругов, процессуальному положению супруга должника, реализации общего имущества и защите жилищных прав членов семьи. Анализируются современные подходы Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, показавшие движение судебной практики к более взвешенному балансу между интересами кредиторов и имущественной сферой семьи. Делается вывод о том, что действующее регулирование сохраняет существенные пробелы прежде всего в части законодательных критериев общих обязательств супругов и процессуального статуса супруга, не признанного банкротом.

Ключевые слова: банкротство гражданина, супруг должника, общие обязательства супругов, совместная собственность супругов, конкурсная масса, реализация имущества, исполнительский иммунитет, семейные права в банкротстве.

Современное регулирование банкротства гражданина показывает, что одна из наиболее сложных зон правоприменения возникает тогда, когда несостоятельность одного лица затрагивает имущественную сферу семьи. В этой ситуации правовой конфликт развивается не только между должником и кредиторами, но и между двумя нормативными логиками. Семейное законодательство исходит из презумпции общности имущества, нажитого в браке, и стремится сохранить баланс интересов супругов. Банкротное законодательство, напротив, ориентировано на максимально полное формирование конкурсной массы и удовлетворение требований кредиторов. Поэтому банкротство супругов в российском праве нельзя рассматривать как частный технический вопрос распределения имущества; по существу речь идет о межотраслевом институте, в котором сталкиваются частные интересы семьи, публичные интересы устойчивости оборота и интересы кредиторского сообщества [1; 2; 15, с. 161–163].

Нормативная база рассматриваемой проблемы строится вокруг нескольких ключевых положений. Согласно статье 34 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью [1]. Статья 45 того же Кодекса закрепляет, что по обязательствам одного из супругов взыскание обращается лишь на имущество этого супруга, а при его недостаточности кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника из общего имуще-

ства [1]. Вместе с тем статьи 213.25 и 213.26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривают включение имущества гражданина в конкурсную массу и специальный порядок реализации имущества в процедуре банкротства [2]. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 25.12.2018 № 48 дополнительно разъяснил, что в деле о банкротстве гражданина по общему правилу подлежит реализации как его личное имущество, так и имущество, принадлежащее ему и супругу либо бывшему супругу на праве общей собственности [3]. Уже на уровне этих норм очевидно, что семейно-правовой и банкротный режимы не совпадают полностью, а потому требуют согласованного толкования.

Первая фундаментальная проблема состоит в том, что российское законодательство до сих пор не создало полноценного института совместного банкротства супругов. Закон оперирует моделью банкротства конкретного гражданина, тогда как имущественная реальность брака нередко требует оценки сразу двух взаимосвязанных имущественных комплексов. В науке справедливо отмечается, что отсутствие прямого регулирования совместного банкротства порождает непоследовательность судебной практики, затрудняет процессуальную экономию и создает условия для разных стандартов защиты интересов кредиторов и семьи [9, с. 271–274; 10, с. 351–353; 16, с. 94–101]. Это означает, что суды и финансовые управляющие фактически вынуждены компенсировать законодательный пробел за счет толкования отдельных норм о конкурсной

массе, об обязательствах супругов и об общих долгах, что не всегда приводит к единообразным результатам.

Вторая и наиболее острая проблема связана с квалификацией обязательств как личных или общих. Если обязательство возникло в интересах семьи и полученные средства были использованы на семейные нужды, долг может быть признан общим. Однако именно этот критерий оказывается самым конфликтным. Закон не закрепляет исчерпывающего перечня признаков семейной направленности обязательства, а потому значительная часть спора переносится в сферу доказывания [11, с. 218–221; 12, с. 187–198]. В результате кредитор, финансовый управляющий, супруг должника и сам должник по-разному интерпретируют одни и те же факты: назначение кредита, движение денежных средств, характер расходов, проживание супругов одной семьей, наличие раздельного бюджета, время возникновения задолженности. Поэтому вопрос об общих обязательствах супругов сегодня фактически является вопросом о стандартах доказывания в банкротстве.

Современная судебная практика исходит из того, что признание обязательства общим не может строиться на формальном факте нахождения сторон в браке. В Определении Верховного Суда РФ от 19.12.2022 № 309-ЭС22-16470 подчеркивается, что признание долга общим обязательством супругов не влечет автоматического возникновения у второго супруга солидарной обязанности перед кредитором и само по себе не подтверждает наличие самостоятельного денежного обязательства супруга для целей возбуждения его банкротства [5]. Эта позиция демонстрирует, что презумпция общности имущества супругов не равна презумпции общности всех долгов, а семейно-правовой статус лица не превращает его автоматически в участника обязательства, заключенного другим супругом. С теоретической точки зрения такой подход представляется обоснованным, поскольку иное означало бы неоправданное расширение долговой ответственности внутри семьи. С практической точки зрения он ограничивает злоупотребления кредиторов, пытающихся распространить последствия несостоятельности одного лица на второго супруга без надлежащего доказывания [5; 12, с. 191–194; 13, с. 216–219].

Третья проблема касается формирования конкурсной массы и реализации общего имущества супругов. Верховный Суд исходит из того, что в деле о банкротстве гражданина по общему правилу реализуется не только его личное имущество, но и имущество, принадлежащее ему и супругу либо бывшему супругу на праве общей собственности [3; 4]. При этом в обзоре 2025 года был дополнительно подтвержден подход, согласно которому общее имущество супругов и бывших супругов, в том числе находящееся в долевой собственности, подлежит продаже как единый объект, а не через искусственное дробление на неликвидные доли [4]. Такой подход усиливает конкурсную ценность актива и препятствует снижению цены реализации, но одновременно повышает чувствительность процедуры для второго супруга, поскольку его имущественный

интерес оказывается тесно связан с судьбой всего объекта. Отсюда вытекает необходимость признания за супругом устойчивого и предсказуемого процессуального статуса, а не лишь эпизодического участия в отдельных обособленных спорах [9, с. 276–279; 15, с. 164–167].

Особый блок споров образуют ситуации, когда супруги либо бывшие супруги используют семейно-правовые инструменты для перераспределения имущества перед банкротством. Речь идет о брачных договорах, соглашениях о разделе имущества, дарении, отчуждении ценных активов родственникам либо аффилированным лицам. Судебная практика последних лет показывает, что такие действия подлежат повышенному контролю, если они совершаются в период финансовых трудностей должника и объективно ведут к уменьшению конкурсной массы [4; 14, с. 165–167]. В этой части банкротное право выполняет корректирующую функцию по отношению к семейному праву: формально допустимая гражданско-правовая либо семейно-правовая сделка не защищается, если доказано ее направленное на причинение вреда кредиторам содержание. Это особенно важно потому, что семья в банкротстве может выступать не только как объект защиты, но и как канал вывода активов.

Не менее значимой является проблема завершения процедуры банкротства одного из супругов и ее влияния на правовой режим общего обязательства. Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2024 № 306-ЭС23-26737 показало, что после завершения процедуры реализации имущества и освобождения одного из супругов от обязательств недопустимо механически «возвращать» прежний общий долг в режим общей ответственности, игнорируя уже наступившие последствия процедуры [6]. Практическое значение данной позиции заключается в укреплении принципа правовой определенности: завершенная процедура банкротства должна влечь стабильный правовой результат, а не оставаться промежуточным состоянием, которое кредитор может обойти последующими требованиями о признании долга общим. Дополнительное значение имеет и позиция Верховного Суда РФ от 24.10.2025 № 307-ЭС25-6752, согласно которой на требования о признании обязательств общими распространяется общий срок исковой давности [7].

В делах о банкротстве супругов особую социальную значимость имеет вопрос о жилищных правах. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 04.06.2024 № 28-П указал, что при реализации ипотечного жилья в процедуре банкротства должен обеспечиваться баланс между интересами кредиторов и правом гражданина на жилище; в определенных случаях часть денежных средств после продажи жилья подлежит исключению из конкурсной массы для приобретения иного жилого помещения [8]. Хотя данное постановление касается более широкого круга ситуаций, его значение для банкротства супругов очевидно. Оно подтверждает, что конкурсная цель процедуры не может полностью игнорировать базовые социальные гарантии семьи. Следовательно, при разрешении

споров о семейном жилье арбитражный суд обязан учитывать не только стоимостной интерес конкурсной массы, но и конституционную ценность права на жилище [8; 15, с. 167–169].

Таким образом, банкротство супругов в российском праве остается одной из наиболее динамично развивающихся и одновременно наиболее спорных категорий банкротных дел. Судебная практика последних лет выработала ряд важных ориентиров: отказ от автоматического признания общих долгов солидарными обязательствами второго супруга, признание необходимости продажи общего имущества как единого объекта, распространение ис-

ковой давности на требования о признании долга общим, учет жилищных гарантий семьи и недопустимость использования процедуры банкротства для простого перераспределения внутрисемейных имущественных претензий [4–8]. Однако даже эти подходы не устраняют всех пробелов. До тех пор пока законодатель не предложит более точную межотраслевую модель регулирования, ключевая нагрузка по согласованию семейных и банкротных начал будет сохраняться за судами. В этом и состоит главная проблема современной теории и практики: институт уже сложился фактически, но еще не получил исчерпывающего нормативного оформления [9–17].

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».
4. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.12.2022 № 309-ЭС22–16470 по делу № А71–2503/2021.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.05.2024 № 306-ЭС23–26737 по делу № А65–24356/2022.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.10.2025 № 307-ЭС25–6752 по делу № А56–13766/2023.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй части первой статьи 446 ГПК РФ и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”».
9. Белова И. Е. Совместное банкротство супругов: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 271–280. DOI 10.20310/2587–9340–2021–5–18–271–280.
10. Радионов Н. С., Матвеева Н. А. Ключевые проблемы совместного банкротства супругов в российском законодательстве // Образование и право. 2024. № 4. С. 351–353. DOI 10.24412/2076–1503–2024–4–351–353.
11. Радионов Н. С., Матвеева Н. А. Раздел общих финансовых обязательств супругов при банкротстве: законодательство и судебная практика // Право и управление. 2024. № 4. С. 218–221. DOI 10.24412/2224–9133–2024–4–218–221.
12. Михайлова Т. И. К вопросу о распределении бремени доказывания в спорах о признании требования кредитора общим обязательством супругов в деле о банкротстве гражданина // Legal Bulletin. 2024. Т. 9. № 4. С. 187–198.
13. Кудрявцева Л. В., Царева Е. Д. Признание обязательств супругов общими в деле о банкротстве гражданина // Право и практика. 2025. № 1. С. 216–219.
14. Кузнецова Н. В. К вопросу о соблюдении баланса интересов участников процедуры реализации супружеского имущества при банкротстве одного из супругов // Закон и право. 2024. № 5(233). С. 165–167.
15. Галкин С. С. Семья и современное банкротное право // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 160–169. DOI 10.17803/2311–5998.2025.131.7.160–169.
16. Османова Д. О. Банкротство гражданина: монография. Москва: Проспект, 2024. 208 с.
17. Нестерова Т. И., Сайфетдинова А. Ф. Несостоятельность (банкротство) гражданина: монография. Москва: Проспект, 2024. 96 с.

Особенности реализации жилищных прав несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты

Обрезкова Екатерина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хмелева Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Настоящая статья посвящена рассмотрению правового статуса несовершеннолетних как участников жилищных правоотношений. Рассмотрено теоретическое закрепление прав и законных интересов детей в российском законодательстве и практическая реализация данных норм права, а также расхождение в установленных и применяемых правовых механизмах, проанализированных через призму сложившейся судебной практики.

Ключевые слова: право на жилище, правовой статус несовершеннолетних, реализация жилищных прав, защита законных интересов, законные представители, органы опеки и попечительства, судебная практика.

Право на жилище относится к числу базовых конституционных прав и в отношении несовершеннолетних приобретает повышенную социально-правовую значимость. Это объясняется тем, что ребенок объективно не способен в полной мере самостоятельно защищать свои интересы, а потому нуждается в особых гарантиях со стороны семьи, государства и правоприменителя. Конституция РФ закрепляет право каждого на жилище, а международные акты, прежде всего Конвенция ООН о правах ребенка, требуют от государства создания эффективных механизмов его реализации и защиты [1]. Однако именно в сфере жилищных прав несовершеннолетних наиболее отчетливо проявляется расхождение между формальным закреплением гарантий и реальной практикой их осуществления.

Одной из теоретических проблем остается отсутствие единого подхода к понятию жилищных прав несовершеннолетних. В литературе оно нередко раскрывается слишком узко. Так, О. А. Егорова связывает жилищные права ребенка лишь с вещными и обязательственными правами в отношении жилого помещения. Такой подход нельзя признать полным, поскольку он не охватывает права организационного характера: право на постановку на учет нуждающихся, на предоставление жилья детям-сиротам, на сохранение жилого помещения и защиту от его утраты [2, с. 8]. Более точным представляется понимание жилищных прав несовершеннолетних как гарантированной законом меры возможного поведения ребенка в сфере жилищных правоотношений, основанной на конституционном праве на жилище.

Для правильного анализа необходимо разграничивать категории «право на жилище» и «жилищные права». В литературе эти понятия нередко смешиваются, что методологически неверно. С. Г. Трифонов рассматривал право на жилище как возможность пользоваться жилищем и обязанность государства содействовать обеспечению граждан жильем [3, с. 84–85]. Н. В. Дулатова, М. С. Сагандыков связывали его с гарантированной законом возможностью приобретения и стабильного использования жилища [4, с. 68]. А. В. Кудашкин обоснованно подчеркивал, что право на жилище по своему объему шире кон-

кретных жилищных прав, закрепленных отраслевым законодательством [5, с. 9]. С этим выводом следует согласиться, поскольку право на жилище выступает конституционной основой, тогда как жилищные права несовершеннолетнего представляют собой конкретизированную отраслевую форму его реализации.

Специфика статуса несовершеннолетнего в жилищной сфере определяется его ограниченной дееспособностью. В силу п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства малолетнего признается место жительства его родителей, усыновителей или опекунов, а п. 2 ст. 54 СК РФ закрепляет право ребенка жить и воспитываться в семье [6; 7]. Следовательно, ребенок чаще всего реализует свое жилищное право через правовой статус семьи. Но именно эта зависимость и делает его особенно уязвимым, поскольку решения о судьбе жилого помещения принимаются законными представителями, чьи интересы не всегда совпадают с интересами ребенка.

Наиболее конфликтной остается реализация права пользования жилым помещением несовершеннолетним как членом семьи собственника. После принятия ЖК РФ и закрепления в ч. 4 ст. 31 приоритета права собственности возникла опасная тенденция к вытеснению интересов ребенка интересами собственника [8]. Показателен Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2005 г., из которого фактически следовало, что ребенок, оставшийся проживать с бывшим супругом собственника, может рассматриваться как «бывший член семьи» собственника и, следовательно, быть выселен вместе с родителем. Впоследствии Верховный Суд отказался от такого подхода, что следует оценить положительно, поскольку сама идея признания ребенка «бывшим» членом семьи родителя противоречит как правовой, так и социальной природе семейных отношений [9]. Так, подобная практика наглядно показывает, насколько опасно механически переносить частноправовую логику защиты собственника в сферу, где затрагиваются базовые интересы несовершеннолетнего. В подобных спорах приоритет права собственности не может носить абсолютный характер, если его реализация фактически оставляет ребенка без единственного пригодного жилья.

Особенно уязвимы жилищные права детей в сделках с недвижимостью. В силу ст. 26, 28, 37 ГК РФ, п. 3 ст. 60 СК РФ и ст. 21 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» сделки, влекущие уменьшение имущества ребенка или отказ от принадлежащих ему прав, требуют согласия законных представителей и предварительного разрешения органа опеки и попечительства [6; 7; 10]. Дополнительной гарантией стало обязательное нотариальное удостоверение сделок, связанных с распоряжением недвижимостью несовершеннолетнего. Поддерживая позицию М. М. Курманбаева, следует признать, что усложнение такой процедуры оправдано, так как оно направлено не на излишнее ограничение оборота, а на защиту лица с особым объемом дееспособности [11, с. 184].

Вместе с тем действующее регулирование нельзя признать внутренне согласованным. Наиболее очевидна коллизия между п. 2 ст. 37 и п. 4 ст. 292 ГК РФ. Если первая норма требует предварительного разрешения органа опеки при отказе от прав подопечного, то вторая в действующей редакции связывает необходимость согласия органа опеки только с отчуждением жилья, в котором проживают несовершеннолетние, находящиеся под опекой или оставшиеся без родительского попечения. Конституционный Суд РФ, оценивая данную норму, исходил из презумпции добросовестности родителей и признал допустимым отказ от тотального контроля со стороны органов опеки за сделками родителей с жильем. Одновременно Суд указал, что норма не может применяться таким образом, чтобы оставлять без защиты несовершеннолетнего, если сделка объективно нарушает его законные интересы [12]. Эта позиция важна, но полностью проблему не снимает, поскольку критерий должен быть не формальным — находится ли ребенок под опекой, — а материальным, разясняя, ухудшает ли сделка его жилищное положение. Если ухудшает, участие органа опеки должно быть обязательным.

Не менее показательной является практика по делам, где согласие органа опеки на продажу доли несовершеннолетнего выдается при условии последующего приобретения ему другого жилья, но такое условие не исполняется. В Апелляционном определении Красноярского краевого суда от 17.01.2018 по делу № 33–723/2018 суд не признал сделку недействительной, сославшись на добросовестность покупателя [13]. Иной подход отражен в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.02.2018 № 48-КГ18–1: Суд признал существенным обстоятельством то, что продажа жилья произошла в нарушение условия, на котором орган опеки дал разрешение, а дети фактически лишились единственного жилого помещения [14]. Именно вторая позиция представляется правильной. Если условие не исполнено, значит, охранительная цель разрешения не достигнута, а права ребенка нарушены. Поэтому закон нуждается в прямом закреплении последствий неисполнения условий, содержащихся в разрешении органа опеки.

Отдельного внимания заслуживает правовое положение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется разрыв между нормативной гарантией и реальностью ее исполнения. Статья 148 СК РФ закрепляет за ребенком, находящимся под опекой или попечительством, право на сохранение права собственности или права пользования жилым помещением [7]. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ гарантирует детям-сиротам однократное предоставление благоустроенного жилого помещения [15]. После реформы 2012 года это жилье предоставляется по договору найма специализированного жилого помещения, а не по договору социального найма, что было направлено на предотвращение поспешной приватизации и быстрой утраты жилья.

Однако судебная практика показывает, что центральной проблемой остается не отсутствие нормы, а ее хроническое неисполнение публичной властью. В литературе справедливо указывается, что жилищная необеспеченность сирот сохраняется годами из-за недостаточного финансирования, дефицита жилья в специализированном фонде, слабого контроля и неоднозначного толкования закона [16, с. 124]. Особенно важен вывод О. Г. Седых о том, что обеспечение сироты жильем является не только формой социальной поддержки, но и необходимым условием его полноценной социализации [17, с. 12]. С этим следует согласиться: отсутствие жилья фактически лишает сироту возможности выстроить устойчивую модель взрослой жизни, получить работу и выйти из социально уязвимого положения.

Вопрос, связанный с детьми-сиротами, наиболее ярко выявляет главный дефект действующего регулирования: государство формально признает особую уязвимость этой категории, но не обеспечивает своевременного исполнения собственных гарантий. Поэтому заслуживают поддержки предложения о внесении изменений в ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ с указанием на необходимость предоставления жилья незамедлительно по достижении совершеннолетия либо приобретении полной дееспособности, а также о нормативном закреплении возможности компенсации расходов на наем жилого помещения до момента фактического предоставления постоянного жилья.

Таким образом, проблема реализации жилищных прав несовершеннолетних заключается не столько в отсутствии нормативной базы, сколько в недостаточной согласованности уже существующих правовых механизмов и в их непоследовательном применении. Именно в этой сфере особенно заметно, что формальное признание повышенной защиты ребенка еще не гарантирует ее фактического достижения. Пока интересы несовершеннолетнего продолжают зависеть от усмотрения родителей, органов опеки и правоприменителя, его право на жилище остается уязвимым. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно быть ориентировано не на количественное увеличение гарантий, а на повышение их юридической определенности и исполнимости. Для этого

необходим переход от формально-охранительного подхода к модели реального приоритета интересов ребенка, при которой любое решение в жилищной сфере оценивается прежде всего с точки зрения того, обеспечивает ли

оно несовершеннолетнему устойчивую и безопасную жилищную среду. Только при таком подходе право ребенка на жилище сможет выполнять не декларативную, а подлинно защитную функцию.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
2. Егорова О. А. Реализация жилищных прав ребенка: проблемы теории и практики: автореф. дис.... к.ю.н. М., 2008. С. 26.
3. Трифонов С. Г. Понятие и содержание конституционного права на жилище // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 4. С. 82–88.
4. Дулатова, Н. В. К вопросу о понятии и содержании конституционного права на жилище /Н. В. Дулатова, М. С. Сагандыков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17, № 1. С. 66–71.
5. Кудашкин А. В. Жилищное право: учебник. М.: Изд-во РОД «За права военнослужащих», 2005. 384 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. 1994. 08 дек.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. 1996. 27 янв.
8. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. 2005. 12 янв.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23 ноября 2005 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2005 года» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2006. № 3.
10. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об опеке и попечительстве» // Российская газета. 2008. 30 апр.
11. Курманбаев М. М. Жилищные права несовершеннолетних // Право и практика. 2018. № 2. С. 180–185.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 08 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой» // Российская газета. 2010. 17 июля.
13. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 17 января 2018 по делу № 33–723/2018 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://client.consultant.ru/doc/?requestId=1027828445> (дата обращения: 16.04.2026).
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 48-КГ18–1 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://client.consultant.ru/doc/?requestId=1027828449> (дата обращения: 16.04.2026).
15. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Российская газета. 1996. 27 дек.
16. Николаева К. С. Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2023. Т. 8. № 2. С. 121–130.
17. Седых О. Г. Взаимодействие власти и бизнеса в решении жилищных проблем детей-сирот как механизм контроля и сдерживания социального иждивенчества. // BaikalResearchJournal. 2018. Т. 9. № 2. С. 10–18.

Особенности производства в упрощённом порядке: проблемы обмена процессуальными документами

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Томилов Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются проблемы правового регулирования и практической реализации обмена процессуальными документами в рамках упрощенного производства в гражданском процессе. На основе анализа положений главы 21.1 ГПК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 18.04.2017, а также актуальной судебной практики и научных подходов выявлены две ключевые взаимосвязанные проблемы: соблюдение двухэтапной системы сроков представления до-

казательств и возражений, а также обеспечение надлежащего извещения сторон и их доступа к документам. Особое внимание уделяется критериям уважительности причин пропуска процессуальных сроков и последствиям уклонения стороны от получения судебной корреспонденции.

Ключевые слова: упрощенное производство, сроки представления доказательств, надлежащее извещение, состязательность процесса, уважительные причины пропуска срока.

Правовое регулирование обмена процессуальными документами в упрощённом производстве осуществляется главой 21.1 ГПК РФ [1]. Ключевое значение имеет статья 232.3 ГПК РФ, устанавливающая особенности рассмотрения дел в данном порядке. В соответствии с частью 2 данной статьи, суд выносит определение о принятии искового заявления к производству, в котором указывает на рассмотрение дела в порядке упрощённого производства и устанавливает срок для представления сторонами в суд и направления друг другу доказательств и возражений отослительно предъявленных требований.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощённом производстве» даёт важные разъяснения относительно порядка обмена документами [2]. В частности, обращается внимание на то, что бремя доказывания обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в порядке упрощённого производства, лежит на заинтересованной стороне, а сторонам должно быть обеспечено реальное право на представление доказательств и возражений.

На основе анализа судебной практики и доктрины можно выделить следующие проблемы обмена процессуальными документами:

1. Проблема соблюдения сроков представления доказательств и возражений.

Ключевой особенностью обмена документами в упрощённом производстве является двухэтапная система сроков, установленная ст. 232.3 ГПК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18 апреля 2017 года № 10 подчёркивает, что при определении продолжительности сроков для представления доказательств и документов суд должен учитывать время на доставку почтовой корреспонденции и общий срок рассмотрения дела в порядке упрощённого производства. Период между окончанием первого (15 дней для отзыва и доказательств) и второго (30 дней для дополнительных документов) сроков должен составлять не менее 15 дней. Сроки исчисляются в календарных днях в судах общей юрисдикции.

В научной литературе отмечается, что упрощённое производство предполагает «более жёсткий и формализованный порядок раскрытия доказательств». Это, по мнению учёных, является одним из компонентов «упрощения», призванных дисциплинировать участников процесса [3].

Сложность для сторон, особенно не обладающих юридическими знаниями, заключается в понимании различий

между двумя сроками. Часть 3 ст. 232.3 ГПК РФ прямо запрещает, чтобы документы, подаваемые во второй срок, содержали ссылки на доказательства, не раскрытые в первый срок. На практике это приводит к тому, что сторона, пропустившая первый срок, лишается возможности эффективно оппонировать, что, как справедливо отмечается в доктрине, ставит под вопрос саму состязательность письменного процесса.

Ещё одна грань проблемы — оценка уважительности причин пропуска срока. Ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ допускает принятие опоздавших документов только при наличии уважительных причин, однако не раскрывает их перечень. В доктрине и правоприменительной практике выработаны критерии: к уважительным причинам относят обстоятельства, объективно препятствовавшие совершению процессуального действия (тяжёлая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность, отсутствие информации о судебном акте). Напротив, направление документов в последний день срока без учёта времени доставки, занятость, внутренние организационные проблемы юридического лица уважительными причинами не признаются.

В подтверждение можно привести решение Преображенского района суда г. Москвы № 02–8312/2025 от 18 сентября 2025 года, где сказано, что направление документов в суд и лицам, участвующим в деле, по почте без учета времени доставки корреспонденции не может быть признано обоснованием невозможности своевременного представления документа в суд, поскольку соответствующие действия относятся к обстоятельствам, зависящим от участвующего в деле лица [4].

Примером неуважительных причин пропуска срока является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2024 № 5-КГ24–86-К2, где сказано, что наличие в середине месячного срока заранее установленных законом выходных и праздничных дней само по себе к уважительным причинам пропуска этого срока не относится [5].

2. Проблема надлежащего извещения сторон и доступа к документам.

Рассмотрение дела без вызова сторон предъявляет повышенные требования к механизму информирования участников процесса о движении дела и содержании представляемых документов. В отличие от арбитражного процесса, где активно используется система электронного правосудия, в судах общей юрисдикции техническая оснащённость остаётся неравномерной, а возможности электронного документооборота реализованы не в полной мере.

Как указывается в научной литературе, упрощённое производство представляет собой письменный процесс, и участники поддерживают свои требования, представляют доказательства и возражения преимущественно в документальной форме. Однако механизм ознакомления стороны с документами, представленными другой стороной, не всегда эффективен. Возникают ситуации, когда сторона узнаёт о существовании доказательств, представленных оппонентом, только после вынесения решения.

А. Е. Солохин справедливо отмечает, что наибольший эффект от упрощённого производства достигается за счёт исключения некоторых элементов искового производства, но при этом отсутствие возможности участия лиц в судебном заседании должно компенсироваться качественной системой обмена документами [6].

Например, Апелляционным определением Верховного Суда Республики Алтай № 33–550/2020 установлено, что исковое заявление принято к производству суда и назначено к рассмотрению в порядке упрощённого производства. Судебное извещение было направлено ответчику по месту ее регистрации, однако, ответчиком не получено и возвращено в суд за истечением срока хранения [7].

Судья апелляционной инстанции указал, что суд правомерно признал извещение ответчика о возбуждении дела по данному иску надлежащим, соответствующим требованиям ГК РФ и ГПК РФ, а, следовательно, проявляя необходимую заинтересованность и осмотрительность при получении почтовой корреспонденции, ответчик имел возможность своевременно получить информацию о рассмотрении иска и воспользоваться предоставленными ему законом правами. Ответчик от получения судебной корреспонденции уклонился, следовательно, по своему усмотрению реализовал предоставленные ему законом процессуальные права и принял на себя риск наступления неблагоприятных для него последствий.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что две рассмотренные проблемы — соблюдение сроков и надлежащее извещение — являются взаимосвязанными и коренятся в самой природе упрощённого производства как письменной процедуры. Также проведенное исследование демонстрирует, что формальное упрощение процедуры сопряжено с рисками для реализации базовых процессуальных принципов осуществления правосудия, а именно состязательности, диспозитивности и права на защиту.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощённом производстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017 г. -№ 6.
3. Царев М. А., Шумов П. В. Восстановление пропущенных процессуальных сроков: пределы судебного усмотрения // Аграрное и земельное право. 2024. № 2 (230). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozstanovlenie-propuschennyh-protsessualnyh-srokov-predely-sudebnogo-usmotreniya> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Решение Преображенского района суда города Москвы от 18 сентября 2025 г. № 02–8312/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2024 г. № 5-КГ24–86-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Солохин А. Е. Упрощенные (ускоренные) процедуры рассмотрения дел в гражданском и арбитражном процессе: история, проблемы, перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. — № 8.
7. Апелляционное определение Верховного суда Республики Алтай от 02.09.2020 г. по делу № 33–550/2020, 2–823/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовно-правовая и криминологическая характеристика экстремизма в Российской Федерации: проблемы противодействия и предупреждения

Панчук Михаил Александрович, студент

Научный руководитель: Журба Андрей Иванович, кандидат юридических наук, доцент

Донецкий государственный университет

В данной работе автор предпринимает попытку комплексного переосмысления текущей ситуации с распространением экстремистских идеологий в РФ. На базе свежих статистических сводок анализируются детерминанты, толкающие молодежь к радикализму в цифровом пространстве. Особое внимание уделено дефектам конкретных законодательных норм и поиску путей их исправления для повышения эффективности государственного контроля и совершенствования системы профилактики.

Ключевые слова: деструктивное поведение, уголовная политика, информационная безопасность, профиль преступника, социальная вражда, интернет-пропаганда, уголовная ответственность.

Criminal and criminological characteristics of extremism in the Russian Federation: problems of counteraction and prevention

In this work, the author attempts to comprehensively rethink the current situation with the spread of extremist ideologies in the Russian Federation. Based on recent statistical reports, the determinants that drive young people towards radicalism in the digital space are analyzed. Special attention is given to the flaws in specific legislative norms and the search for ways to correct them in order to improve the effectiveness of state control and enhance the prevention system.

Keywords: destructive behavior, criminal policy, information security, criminal profile, social hostility, internet propaganda, criminal liability.

Введение

На современном этапе исторического развития Российская Федерация сталкивается с беспрецедентной трансформацией экстремистской деятельности. Из локальных инцидентов, носивших разовый характер, экстремизм превратился в глобальный вызов, напрямую угрожающий стабильности конституционного строя и суверенитету государства. Современная геополитическая повестка в сочетании с тотальным уходом социальных коммуникаций в онлайн-сферу создают идеальную среду для дистанционной вербовки и радикализации широких слоев населения. В таких условиях традиционные методы борьбы, опирающиеся исключительно на репрессивный аппарат УК РФ, требуют глубокой корректировки и опоры на современные криминологические исследования [9, с. 112].

1. Правовые дефекты квалификации и коллизии норм УК РФ

Отечественный законодатель выстроил многоуровневую систему противодействия на базе статей 280–282.2 УК РФ [2]. Однако практическое применение данных норм осложнено их лингвистической и юридической размытостью.

Одной из центральных проблем остается отсутствие четких легальных границ таких категорий, как «социальная группа» или «оскорбление достоинства». Это создает ситуацию, при которой следственные органы и суды становятся чрезмерно зависимыми от выводов приглашенных экспертов — лингвистов и психологов. Зачастую экспертное заключение, носящее субъективный характер, фактически заменяет собой правовую оценку деяния судом, что недопустимо в рамках правового государства [8, с. 45].

Более того, существует проблема разграничения смежных составов. Например, публичные призывы к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) порой крайне сложно отделить от возбуждения ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ). Верховный Суд РФ в своих разъяснениях неоднократно указывал на необходимость поиска в каждом деле специфического «экстремистского мотива» — осознанной неприязни к определенной группе

лиц. Однако без четкой законодательной дефиниции этого мотива правоприменитель рискует допустить либо избыточную криминализацию высказываний, либо, напротив, оставить опасные призывы без должной реакции [5].

2. Динамика и цифровой вектор современной преступности

Эмпирические показатели наглядно подтверждают тезис о неуклонном росте экстремистских угроз. Анализ официальных отчетов ГИАЦ МВД России свидетельствует о том, что в 2023 году кривая зарегистрированных преступлений данной категории продемонстрировала рост на 14,4 %, достигнув отметки в 2640 случаев [6].

Особое внимание заслуживает тот факт, что порядка трех четвертей из них (около 75 %) инициированы через интернет-ресурсы [7]. Цифровое пространство стало основной площадкой для совершения преступлений по нескольким причинам:

1. Масштаб охвата: Возможность моментального доведения деструктивного контента до неограниченного круга лиц.

2. Экономичность: Отсутствие необходимости в физической инфраструктуре для пропаганды.

3. Анонимность: Ложное чувство безопасности, которое подталкивает пользователей к совершению противоправных действий.

Такой всплеск статистики объясняется не только активностью радикальных элементов, но и качественным скачком в работе правоохранительных органов. Использование автоматизированных систем мониторинга контента и нейросетевых алгоритмов позволяет выявлять подозрительную активность в социальных сетях на ранних этапах.

3. Криминологический портрет субъекта: фокус на молодежную среду

Исследование личности типичного экстремиста подтверждает: молодежь в возрасте до 25 лет остается приоритетным ресурсом для радикальных движений. На долю

этой возрастной группы приходится порядка 60 % всех фигурантов уголовных дел [6].

Сетевое пространство формирует у молодых людей феномен «цифрового растормаживания». А. Г. Кибальник справедливо отмечает, что виртуальная анонимность деформирует восприятие реальности, стирая границы между свободой слова и уголовно наказуемым деянием [10, с. 48]. Социальный срез показывает, что в группе риска зачастую оказываются учащиеся вузов и колледжей. Это люди, находящиеся в процессе активной самоидентификации, которые в силу отсутствия жизненного опыта легко поддаются манипуляциям профессиональных кураторов и вербовщиков, использующих психологические триггеры «борьбы за справедливость».

4. Комплексная стратегия: от репрессий к системной превенции

Действующая государственная политика (опирающаяся на ФЗ № 114) на данный момент чересчур сфокусирована на карательных механизмах [3]. Мы зачастую боремся с последствиями, игнорируя глубинные причины радикализации.

Ситуацию осложняет трансграничный характер современной преступности. Использование VPN-сервисов и закрытых Telegram-каналов позволяет организаторам

экстремистских сообществ находиться вне зоны досягаемости российских правоохранителей [4; 11]. В этой связи представляется необходимым:

— Виктимологическая профилактика: Работа с потенциальными жертвами вербовки, повышение их уровня критического мышления.

— Цифровой суверенитет: Техническая блокировка деструктивных ресурсов должна сопровождаться созданием привлекательного позитивного контента для молодежи.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что борьба с экстремизмом — это не только работа силовых ведомств, но и вопрос общественной безопасности в широком смысле. Для качественного изменения ситуации необходимо:

1. Законодательная реформа: Наполнение статей УК РФ конкретными дефинициями, исключающими вольное трактование (особенно в части понятия «социальная группа»).

2. Образовательный стандарт: Внедрение в школах и вузах обязательных курсов по медиаграмотности и цифровой гигиене.

3. Экспертный контроль: Создание единого государственного реестра методик лингвистической экспертизы для обеспечения единообразия судебной практики и минимизации судебных ошибок.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002. — № 30. — ст. 3031.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — № 31 (1 ч.). — ст. 3448.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. — № 142. — 04.07.2011.
6. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года: Статистический сборник. — М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, 2025. — 64 с.
7. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 06.02.2026).
8. Борисов, С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: монография / С. В. Борисов. — Москва: Юрлитинформ, 2023. — 216 с.
9. Долгова, А. И. Экстремизм: стратегия противодействия: учебное пособие / А. И. Долгова. — Москва: Норма, 2024. — 320 с.
10. Кибальник, А. Г. Уголовная ответственность за экстремистскую деятельность: критический анализ / А. Г. Кибальник // Криминологический журнал. — 2024. — № 2. — С. 45–52.
11. Лебедев, В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. В. М. Лебедева. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2025. — 1100 с.

Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при доказывании по уголовным делам о мошенничестве и пути их решения

Рудковский Данила Вадимович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу правовых и организационных проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о мошенничестве. Актуальность темы обусловлена устойчивой негативной динамикой мошеннической преступности. Выявлены коллизии между статьёй 89 УПК РФ и статьёй 11 ФЗ «Об ОРД», противоречия Инструкции от 27.09.2013 и закона, отсутствие законодательного определения провокации преступления. Обоснована ключевая роль ОРД в доказывании умысла на хищение. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, мошенничество, доказывание, допустимость доказательств, провокация преступления.

Problems of using the results of operational investigative activities in proving criminal cases of fraud and ways to solve them

Rudkovsky Danila Vadimovich, master's student

North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article is devoted to the analysis of the legal and organizational problems of using the results of operational investigative activities in proving criminal cases of fraud. The relevance of the topic is due to the steady negative dynamics of fraudulent crime. Conflicts between Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Article 11 of the Federal Law «On the ORDO», contradictions between the Instructions of 27.09.2013 and the law, and the absence of a legislative definition of provocation of a crime were revealed. The key role of the ORD in proving intent to embezzle is substantiated. Proposals have been formulated to improve legislation and law enforcement practice.

Keywords: operational investigative activities, fraud, proving, admissibility of evidence, provocation of crime.

Введение

Мошенничество остаётся одним из наиболее распространённых и трудно раскрываемых преступлений против собственности в современной России. Статистика последних лет демонстрирует устойчивую негативную динамику. По данным МВД России, в 2024 году доля мошенничества в общей структуре преступности составила 23,3 %, что на 1,7 % больше по сравнению с предыдущим годом [5; 22]. Особенно тревожным является рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За период с 2019 по 2024 год их количество выросло более чем в два раза, достигнув 765,4 тысяч случаев [5; 11].

При этом эффективность борьбы с мошенничеством остаётся крайне низкой. Лишь 35 % уголовных дел о мошенничестве доходит до стадии судебного разбирательства, что свидетельствует о серьёзных системных проблемах в практике расследования [20]. Раскрываемость мошенничества, по различным оценкам, не превышает 10 % [9].

Ключевой причиной этих показателей является высокая интеллектуализация мошеннической преступности: преступники тщательно маскируют деятельность под законные гражданско-правовые отношения, используют профессиональные знания в области права и информаци-

онных технологий [20]. В таких условиях оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) приобретает исключительную значимость, позволяя получить информацию о признаках преступления на ранних стадиях и выявить способы его подготовки и сокрытия [21]. Тем не менее использование результатов ОРД в доказывании сопряжено с множеством нерешённых правовых и организационных проблем.

1. Противоречия правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании

Правовое регулирование использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве характеризуется внутренней противоречивостью, которая создаёт серьёзные трудности для правоприменителей. Эта противоречивость проявляется на нескольких уровнях и затрагивает как взаимодействие различных законодательных актов, так и соотношение законов с подзаконными нормативными актами.

Центральной нормой, регулирующей использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, является статья 89 УПК РФ [1]. Она устанавливает, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к до-

казательствам Уголовно-процессуальным кодексом [16; 19]. На первый взгляд, эта норма выглядит вполне логичной. Однако при более внимательном анализе обнаруживается её внутренняя противоречивость. С одной стороны, статья 89 УПК РФ допускает возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. С другой стороны, она ограничивает это использование необходимостью соответствия требованиям, предъявляемым к доказательствам, при этом не раскрывая, каким именно образом результаты оперативно-розыскной деятельности должны быть преобразованы в доказательства.

Эта коллизия порождает трудности не только в толковании нормы права, но и в работе правоприменителей [19]. Следователи и судьи вынуждены самостоятельно определять, какие именно требования должны быть предъявлены к результатам оперативно-розыскной деятельности, чтобы они могли быть признаны допустимыми доказательствами. Отсутствие чётких законодательных критериев приводит к формированию противоречивой судебной практики. В одних случаях суды признают результаты оперативно-розыскной деятельности допустимыми доказательствами при минимальном процессуальном оформлении, в других требуют строжайшего соблюдения всех формальных процедур.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к проблеме использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. В определении от 14.02.1999 № 18-О [3] он сформулировал принципиальную позицию, согласно которой результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2], могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путём [6; 24]. Эта правовая позиция имеет принципиальное значение для понимания природы результатов оперативно-розыскной деятельности. Она подчёркивает, что сам факт получения информации в ходе оперативно-розыскных мероприятий не придаёт ей автоматически статуса доказательства. Необходима специальная процедура процессуального закрепления, которая превратит оперативную информацию в полноценное доказательство.

Однако ни Уголовно-процессуальный кодекс, ни Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержат детальной регламентации этой процедуры. Статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лишь указывает, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств [7; 14; 23]. Таким образом, закон отсылает к уголовно-процессуальному законодательству, которое, в свою очередь, не содержит специальных норм о порядке

использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Получается своеобразный замкнутый круг, выход из которого правоприменители вынуждены искать самостоятельно.

Дополнительную проблему создаёт отсутствие в статье 75 УПК РФ прямого указания на недопустимость результатов ОРД, полученных с нарушением Федерального закона «Об ОРД» [16]. Это открывает возможность произвольного применения закона и фактически оставляет без правовых последствий нарушения, допущенные оперативными сотрудниками.

Существенные противоречия выявлены также между Федеральным законом «Об ОРД» и Инструкцией от 27.09.2013 [4]. Так, пункт 9 Инструкции наделяет правом вынесения постановления о представлении результатов ОРД руководителя подразделения, тогда как статья 11 Федерального закона «Об ОРД» — руководителя органа. На практике это различие становится основанием для признания доказательств недопустимыми.

Принципиальной остаётся проблема отсутствия законодательного определения провокации преступления. Европейский Суд по правам человека в постановлении «Лагутин и другие против России» (2014) констатировал системное отсутствие в российской правовой системе гарантий против провокации и прозрачной процедуры санкционирования ряда оперативно-розыскных мероприятий [24]. Суды вынуждены самостоятельно определять наличие провокации в каждом случае, что ведёт к диаметрально противоположным решениям в сходных ситуациях.

Для решения выявленных проблем правового регулирования необходим комплекс законодательных изменений. Прежде всего, требуется изложить статью 89 УПК РФ в новой редакции, которая бы чётко закрепила условия допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Эти условия должны включать проведение оперативно-розыскных мероприятий для решения задач, предусмотренных статьёй 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», наличие оснований и соблюдение условий, установленных статьями 7 и 8 этого закона, наличие судебного решения для оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, соблюдение установленного порядка представления результатов, их процессуальное закрепление и отсутствие признаков провокации преступления.

Необходимо также дополнить статью 75 УПК РФ новой частью, которая прямо указывала бы на недопустимость результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Это устранило бы существующую правовую неопределённость и создало бы чёткий правовой механизм защиты прав граждан от незаконного вмешательства в их частную жизнь.

Для устранения противоречий между Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и Ин-

струкцией от 27.09.2013 целесообразно ввести в Уголовно-процессуальный кодекс новую статью, которая бы на уровне федерального закона регламентировала порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности. Это исключило бы возможность коллизии между законом и подзаконным актом и обеспечило бы единообразное применение правовых норм.

Наконец, необходимо дополнить Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» новой статьёй, которая бы содержала законодательное определение понятия «провокация преступления» и устанавливала чёткие критерии её установления. Эта статья должна определить, что провокацией является подстрекательство, склонение, побуждение лица к совершению преступления в целях его последующего изобличения, если без такого воздействия лицо не совершило бы преступление. Должны быть закреплены конкретные признаки провокации, такие как отсутствие у лица умысла на совершение преступления до начала оперативно-розыскного мероприятия, принятие решения о совершении преступления исключительно в результате воздействия со стороны оперативных сотрудников, создание условий для совершения преступления, которые не могли возникнуть при обычном ходе событий.

2. Организационные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности

Наряду с законодательными коллизиями, эффективность использования результатов ОРД существенно снижается вследствие организационных недостатков. Значительная часть материалов признаётся судами недопустимыми именно из-за нарушений порядка их оформления и представления [24].

К типичным ошибкам относятся: утверждение постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия некомпетентным должностным лицом; проведение мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, без надлежащего судебного решения или с нарушением его условий; превышение установленного судом срока проведения мероприятия; непредставление следователю копии судебного решения; неполное представление материалов; нарушение целостности носителей информации. Эти ошибки обусловлены преимущественно недостаточной правовой подготовкой оперативных сотрудников и отсутствием единых стандартизированных форм документов, а не умыслом.

Серьёзной проблемой остаётся отсутствие практики закрепления конкретных оперативных сотрудников за уголовными делами, что ведёт к формальному подходу к оперативному сопровождению расследования [8]. Следователь и оперативный сотрудник не планируют совместную деятельность, не обмениваются информацией в режиме реального времени, что существенно снижает эффективность расследования.

Острой остаётся проблема межведомственного взаимодействия. Электронный документооборот и обмен данными между МВД, ФСБ, Росфинмониторингом, ФНС

и Банком России не в полной мере отвечают потребностям оперативного расследования [15]. Это особенно критично при расследовании дистанционного мошенничества, когда своевременное получение сведений от банков и операторов связи нередко имеет решающее значение. Дополнительной проблемой является отсутствие в УПК РФ специальных норм о работе с электронными доказательствами, что создаёт риски их утраты или признания недопустимыми [10].

Для решения перечисленных организационных проблем необходим комплекс взаимосвязанных мер. Во-первых, целесообразно законодательно закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе институт оперативного сопровождения предварительного расследования, предусмотрев обязательное закрепление конкретного оперативного сотрудника за делами о тяжких и особо тяжких преступлениях. Это позволит обеспечить непрерывность оперативно-розыскного обеспечения расследования и персональную ответственность за его качество. Во-вторых, необходима разработка и внедрение единых стандартизированных форм документов для оформления результатов различных оперативно-розыскных мероприятий и создание электронной системы контроля за их представлением следователю. В-третьих, требуется создание межведомственных координационных центров по противодействию отдельным видам мошенничества, прежде всего в сфере информационных технологий и финансовом секторе. Наконец, необходимо дополнить Уголовно-процессуальный кодекс специальной главой об особенностях работы с электронными доказательствами, которая бы регламентировала понятие электронных доказательств, порядок их изъятия с обязательным участием специалиста, обеспечение целостности данных, а также особенности проведения компьютерно-технической экспертизы.

3. Роль результатов оперативно-розыскной деятельности в установлении умысла на мошенничество

Ключевой особенностью доказывания по делам о мошенничестве является необходимость установления умысла на хищение, существовавшего до момента получения имущества. Именно этот признак разграничивает уголовно наказуемое деяние и гражданско-правовой деликт [17]. Установить момент возникновения умысла традиционными процессуальными средствами крайне затруднительно: подозреваемый, как правило, отрицает вину, а следы подготовки к моменту возбуждения дела нередко уже уничтожены [12].

Оперативно-розыскные мероприятия позволяют получить информацию об умысле по нескольким направлениям. Во-первых, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи фиксируют обсуждение планов мошенничества между соучастниками до заключения договора, что является прямым доказательством заранее сформированного умысла. Во-вторых, наблюдение и получение компьютерной информации позволяют зафиксировать подгото-

вительные действия — создание фиктивных организаций, подготовку поддельных документов, регистрацию мошеннических сайтов [13]. В-третьих, наведение справок в кредитных организациях и реестрах имущества позволяет установить реальное финансовое положение подозреваемого на момент принятия обязательств и выявить их заведомую невыполнимость. В-четвёртых, проверочная закупка и оперативный эксперимент фиксируют сам факт предоставления заведомо ложных сведений в момент получения имущества [18].

Без использования результатов ОРД значительная часть мошеннических деяний остаётся в сфере гражданско-правовых отношений. Виновные избегают уголовной ответственности, а потерпевшие лишены реальной защиты.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о мошенничестве сопряжено с комплексом взаимосвязанных проблем, каждая из которых требует самостоятельного

решения, но все они в конечном счёте ведут к одному и тому же результату — утрате доказательственного значения оперативных материалов и невозможности привлечь виновных к ответственности.

В сфере правового регулирования необходимо: устранить коллизию между статьёй 89 УПК РФ и статьёй 11 Федерального закона «Об ОРД»; прямо указать в статье 75 УПК РФ на недопустимость незаконно полученных результатов ОРД; закрепить на уровне УПК РФ порядок их представления следователю; законодательно определить понятие и критерии провокации преступления.

В организационной сфере первоочередными задачами являются: законодательное закрепление института персонального оперативного сопровождения дел; разработка стандартизированных форм документов; создание механизмов оперативного межведомственного взаимодействия; введение в УПК РФ специальных норм о работе с электронными доказательствами.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность использования результатов ОРД, обеспечить законность привлечения виновных к ответственности и создать надлежащие гарантии защиты прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.04.2026).
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 20.04.2026).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12016636/> (дата обращения: 20.04.2026).
4. Приказ от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/499048956> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Веселова, Ю. В. Виды мошенничества и методы противодействия: Классификация и защита / Ю. В. Веселова, О. Г. Тимчук, К. С. Литвинцева // Вестник СамГУПС. — 2025. — № 2(68). — С. 62–69.
6. Белокобыльская, О. И. О проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / О. И. Белокобыльская // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Сборник научных статей, Могилев, 28 апреля 2023 года. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. — С. 22–29.
7. Васильева, А. В. Некоторые вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / А. В. Васильева // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: Материалы VII Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2023 года. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2024. — С. 209–214.
8. Гармышев, Я. В. Отдельные аспекты квалификации и расследования мошенничества / Я. В. Гармышев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2020. — № 3(29). — С. 96–108.
9. Горбанев, В. М. Правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой подразделениями уголовного розыска по предупреждению и раскрытию мошенничеств, связанных с использованием средств социальной связи / В. М. Горбанев // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д. В. Ривмана): Материалы регио-

- нальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2016 года. Ч. 1. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. — С. 99–105.
10. Горбова, В. В. Пути повышения эффективности противодействия инвестиционному скаму / В. В. Горбова // Общество и право. — 2025. — № 2(92). — С. 14–20.
  11. Гришин, А. Г. Влияние развития информационных технологий на методы и средства оперативно-розыскной деятельности: современное состояние и перспективы / А. Г. Гришин, А. С. Королёв // Проблемы экономики и юридической практики. — 2024. — Т. 20, № 6. — С. 114–119.
  12. Денисов, Н. Л. Значение результатов оперативно-розыскной деятельности для определения направленности умысла лица, совершившего преступление против собственности / Н. Л. Денисов // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: Материалы IV межведомственной научно-практической конференции, Рязань, 30 ноября 2018 года / Отв. ред. В. П. Кувалдин. — Рязань: Издательский дом «Юриспруденция», 2019. — С. 149–153.
  13. Залескина, А. Н. Особенности установления субъективной стороны мошенничества / А. Н. Залескина // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 6(9). — С. 91–95.
  14. Зуев, С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности для решения задач досудебного производства по уголовным делам / С. В. Зуев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXVI международной научно-практической конференции, Красноярск, 20–21 апреля 2023 года. — Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 124–126.
  15. Ионин, А. В. Уголовно-процессуальные проблемы расследования мошенничества / А. В. Ионин // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2025. — № 6. — С. 22–24.
  16. Калашников, И. В. Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / И. В. Калашников // Уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы сегодняшнего дня: Сборник материалов всероссийской студенческой научной конференции, Пермь, 22 декабря 2021 года / Сост. Л. М. Фетищева. — Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 54–56.
  17. Климова, Е. И. Мошенничество: особенности расследования, объекты-носители следов / Е. И. Климова // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Сборник статей, Могилев, 30 апреля 2020 года. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020. — С. 62–67.
  18. Кубатина, К. С. Оперативно-розыскные мероприятия в расследовании мошенничества в сфере оказания юридических услуг / К. С. Кубатина // Вопросы российского и международного права. — 2025. — Т. 15, № 3–1. — С. 430–438. — EDN KYRIMR.
  19. Марциновская, К. Д. О некоторых вопросах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу / К. Д. Марциновская // Государство и право: Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17–26 апреля 2023 года. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. — С. 337–338.
  20. Павлова, Н. В. Актуальные вопросы совершенствования деятельности следователя по расследованию мошенничеств / Н. В. Павлова // Борьба с преступностью: теория и практика: Тезисы докладов X Международной научно-практической конференции, Могилев, 22 апреля 2022 года. — Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2022. — С. 303–305.
  21. Попова, Е. М. Практические рекомендации по повышению результативности оперативно-розыскной деятельности, нацеленной на выявление преступлений коррупционной направленности в сфере реализации национальных проектов / Е. М. Попова, А. С. Милохин // Полицейская и следственная деятельность. — 2024. — № 3. — С. 43–59.
  22. Рахмеева, И. И. Формы финансового мошенничества в современном мире / И. И. Рахмеева, С. В. Попкова // Цифровая социология. — 2025. — Т. 8, № 2. — С. 55–64.
  23. Сенцов, В. В. Проблемы предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности для дальнейшего использования в процессе доказывания / В. В. Сенцов // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: Сборник материалов конференции, Воронеж, 28 мая 2023 года. — Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 339–341.
  24. Токарева, Е. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / Е. В. Токарева, Н. К. Пчоловский // Журнал правовых и экономических исследований. — 2021. — № 4. — С. 126–132.

Методология прокурорской деятельности по противодействию религиозному экстремизму

Рязанцева Арина Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Методология прокурорской деятельности по противодействию религиозному экстремизму представляет собой многогранный и комплексный процесс, который требует внимательного анализа и постоянного совершенствования. В условиях современного общества, где религиозные убеждения могут служить как источником вдохновения и моральной поддержки, так и поводом для конфликтов и насилия, прокурорская деятельность становится важным инструментом в обеспечении правопорядка и защиты прав человека. Научный подход к исследованию данной проблемы позволяет прокурорам выбирать оптимальные пути пресечения незаконных проявлений в сфере религиозного экстремизма.

Ключевые слова: прокурорская деятельность; противодействие религиозному экстремизму.

Прокурорская деятельность включает в себя совокупность приемов и методов, используемых для выявления нарушений законодательства в сфере противодействия религиозному экстремизму, их устранению и предупреждения в будущем. Также методология предусматривает использование таких приемов и методов, которые позволят восстановить нарушенные права и свободы граждан, государственные и общественные интересы.

Э. Д. Барсегова отмечает, что методология прокурорской деятельности в общем виде предназначается для того, чтобы поставленные цели прокурорского надзора были реализованы на практике. Автор справедливо указывает, что методология разрабатывается на основании принципов эффективности, законности, этичности и научности, что в полной мере применимо и к методам прокурорской деятельности по противодействию религиозному экстремизму [1].

В рамках прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии религиозному экстремизму прокурорами применяется весь спектр актов прокурорского реагирования на выявленные правонарушения, установленный Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», включая протесты, представления, предостережения, исковые заявления в суды, постановления о возбуждении дел об административных правонарушениях, требования и др.

К основным методам прокурорской деятельности принято относить такие надзорные действия, как проведение прокурорской проверки, направление поручений в другие органы власти о выполнении конкретных проверочных мероприятий.

В последние годы органы прокуратуры пресекли деятельность ряда религиозных организаций, которые были признаны экстремистскими и запрещены законом. Среди наиболее известных группировок следует назвать «Свидетели Иеговы». Верховный суд России признал это движение экстремистским и запретил его деятельность на территории страны. Прокуратура инициировала многочисленные уголовные дела в отношении членов этой организации.

Другой религиозной организацией, которую Верховный Суд Российской Федерации признал террористической за ее радикальные идеи создания исламского халифата, является международная исламская организация Хизб ут-Тахрир аль-Ислами. Мотивировкой такого решения стало установление судом следующих форм ее деятельности: воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество. Весомым фактором, который способствовал распространению идеологии «Хизб ут-Тахрир», являлось создание ее функционерами легальных подконтрольных религиозных и общественных организаций, которые, не афишируя свою принадлежность именно к «Хизб ут-Тахрир», распространяли среди населения свою идеологию как общемуusulьманскую.

Также Верховным Судом России была признана террористической группировка Имарат Кавказ, пропагандирующая создание исламского государства на Северном Кавказе.

Представляется, что основой надлежащей организации работы по противодействию религиозной экстремистской деятельности является закрепление за данным участком надзорной деятельности прокурорских работников, имеющих высокую профессиональную подготовку. В ряде прокуратур субъектов Российской Федерации применяются различные методы совершенствования работы на данном направлении в рамках проводимых заседаний коллегий, координационных совещаний правоохранительных органов, учебно-семинарских занятий, подготовки информационных писем, бюллетеней и др.

Для выполнения возлагаемых задач, прокурор в соответствии с требованиями Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ); правомочен:

- объявить предостережение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, при невыполнении требований которого лицо может быть привлечено к ответственности. Данное правомочие предусмотрено нормами статей 6, 7, 8 Федерального закона № 114-ФЗ;

– обратиться в суд с заявлением о ликвидации деятельности религиозной экстремистской организации (запрещении ее деятельности на территории России). Указанное полномочие раскрывается в статье 10 Федерального закона № 114-ФЗ;

В соответствии с требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 года № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» (далее — Приказ № 156), прокурорам субъектов Российской Федерации поручено обеспечить подготовку и направление в суд административных исковых заявлений о ликвидации общественных объединений, религиозных и иных некоммерческих организаций, а также о запрете деятельности религиозных организаций, не являющихся юридическими лицами, в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности. Кроме того, прокуроры вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении деятельности средства массовой информации, которым осуществлялась экстремистская деятельность на территории России, повлекшая за собой социально-вредные последствия и с заявлением о признании информационных материалов экстремистскими.

Специфика прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии религиозному экстремизму заключается в том, что прокурорам предоставляются дополнительные полномочия — объявление предостережения, вынесение предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, обращение в суд с заявлением о ликвидации религиозного, общественного или иного объединения и запрещении его деятельности, прекращении деятельности конкретного средства массовой информации.

Что касается предупреждения прокурора о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, то оно применяется в двух возможных вариантах с учетом статуса конкретного адресата.

В первом случае на основании положений статьи 7 Федерального закона № 114-ФЗ прокурор имеет право направить предостережение в адрес общественного или религиозного объединения либо другой организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. Данное полномочие применяется в том случае, если прокурором были выявлены факты, которые свидетельствуют о наличии в деятельности указанных объединений и организацией признаков экстремизма (даже если такие признаки будут обнаружены в подразделении такого религиозного объединения).

Предупреждение прокурора должно отражать конкретные нарушения. Если организация может принять меры для того, чтобы их устранить, то также должен быть обозначен срок устранения, который составляет не менее двух месяцев со дня вынесения предупреждения [2]. Данное полномочие может применяться только руководителями органов прокуратуры, несмотря на то, что на практике встречаются случаи подписания предупре-

ждения заместителями прокуроров субъектов Российской Федерации. Также особенностью этого акта реагирования является то, что оно относится к категории межведомственных полномочий прокурора, так как аналогичное предупреждение может выносить Министерство юстиции Российской Федерации (далее — Минюст России) или его территориальный орган по аналогичным мотивам.

Во втором случае выносится предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации и осуществления им экстремистской деятельности на основании статьи 8 Федерального закона № 114-ФЗ. Основанием для применения данного акта реагирования является установленный факт распространения через СМИ экстремистских материалов. Адресатами данного акта прокурорского реагирования являются учредитель средства массовой информации и его главный редактор или редакция СМИ [2, с. 288]. Указанное полномочие прокурора также является межведомственным, так как Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор) законодателем наделяется аналогичным правомочием.

Если редакция и учредитель СМИ смогут принять меры для устранения допущенных нарушений, то в предупреждении устанавливается срок для устранения нарушений, который составляет не менее 10 дней со дня вынесения предупреждения. Вынесенное прокурором предупреждение может быть обжаловано в судебном порядке.

Также в числе мер прокурорского реагирования следует выделить требование о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам или запрещению такого доступа. Генеральный прокурор РФ либо его заместители наделены законодателем правомочиями по направлению требований в Роскомнадзор в связи с распространяемой с нарушением законодательства о противодействии экстремизма информацией в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» конкретным СМИ. Такое требование направляется Генеральным прокурором РФ с целью принятия мер по ограничению доступа к противоправному информационному ресурсу.

Законодатель предусмотрел также право прокуроров направлять требования в Роскомнадзор о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию в том случае, если будут обнаружены призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности и другим противоправным действиям; о принятии мер по удалению информации и по ограничению доступа к информационным ресурсам, которые распространяют информации, в случае ее не удаления, в том случае, если информация в сети «Интернет» выражается в неприличной форме, оскорбляет достоинство человека, общественную нравственность, высказывает явное неуважение к государству или обществу; о принятии мер по удалению недостоверной инфор-

мации, которая порочит достоинство и честь заявителя или подрывает его репутацию и связана с обвинением заявителя в совершении преступления, и ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию, в случае ее неудаления; о принятии мер по постоянному ограничению доступа к информационному ресурсу в том случае, если будет установлен факт неоднократного распространения на информационном ресурсе информации, предусмотренной соответствующими статьями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (статьи 15.1, 15.1–1, 15.3).

Как было отмечено ранее, во исполнение задач в сфере осуществления прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму, прокуроры наделяются правом проведения прокурорских проверок. В соответствии с пунктом 2.1 Приказа № 156, прокурорам поручено на основании анализа состояния законности при наличии необходимых оснований проводить проверки соблюдения законов в сфере межнациональных отношений и противодействия экстремистской деятельности со стороны федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти российских регионов, органов местного самоуправления и их должностных лиц. При этом особое значение надлежит уделять вопросам профилактики экстремизма.

Согласно пункту 2.4 Приказа № 156, при выявлении в сети «Интернет» информации, которая распространяется с нарушением требований законодательства об экстремизме, прокурор должен осуществлять подготовку заключений и принимать меры по ограничению доступа к информационным ресурсам в порядке, установленном организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации; направлять материалы в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании, при наличии оснований принимать меры реагирования.

При выявлении в сети «Интернет» информационного материала, признанного судом экстремистским и содержащегося в федеральном списке экстремистских материалов, прокурор должен в установленном порядке направлять информацию в Роскомнадзор для принятия мер по ограничению доступа к информационным ресурсам.

Кроме того, прокурорам поручено активно использовать полномочия по обращению в суд в установленном порядке с заявлениями о признании информационных материалов экстремистскими. При подготовке заявлений в суд необходимо учитывать, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами. Добиваться привлечения к установленной законом ответственности лиц, виновных в массовом распространении экстремистских материалов, включенных в федеральный список экстремистских материалов, их производстве либо хранении в целях массового распространения, а также призывающих к осуществлению экстремистской деятельности

либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. Принимать исчерпывающие меры по выявлению и пресечению экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, средств массовой информации.

Кроме того, прокурорам необходимо не реже одного раза в полугодие проводить в уполномоченных органах (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Федеральная служба исполнения наказаний, Федеральная таможенная служба) проверки исполнения законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, направленной на:

- предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской направленности;
- выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания;
- установление и ликвидацию источников и каналов финансирования экстремизма;
- противодействие использованию сети «Интернет» в экстремистских целях.

Особое внимание следует уделять законности и обоснованности проведения оперативно-розыскных мероприятий, принятию исчерпывающих мер, направленных на решение задач оперативно-розыскной деятельности, соблюдению прав и свобод человека и гражданина, устранению ранее выявленных нарушений и качеству ведомственного контроля, эффективности межведомственного и внутриведомственного взаимодействия, обеспечив проверку соблюдения установленного порядка заведения и прекращения всех дел оперативного учета названной категории, сроков и порядка их ведения.

Подводя итог, стоит отметить, что прокурорская деятельность сопровождается использованием совокупности приемов и методов, которыми пользуются прокуроры в своей ежедневной деятельности для выявления нарушений законодательства в сфере противодействия экстремизму. В рамках прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии религиозному экстремизму прокурорами применяется весь спектр актов прокурорского реагирования, включая протесты, представления, предостережения, исковые заявления в суды, постановления о возбуждении дел об административных правонарушениях, требования о проведении контрольного (надзорного) мероприятия.

К основным методам прокурорской деятельности относятся такие надзорные мероприятия, как проведение прокурорской проверки, направление поручений в другие органы власти о выполнении конкретных проверочных действий. Организация работы прокурора по надзору за исполнением законов о противодействии религиозной экстремистской деятельности должна стро-

иться с направленностью на достижение положительных результатов. С этой целью в ряде прокуратур субъектов Российской Федерации применяются различные методы совершенствования работы в рамках проводимых засе-

даний коллегий, координационных совещания правоохранительных органов, учебно-семинарские занятия, направляются информационные письма, бюллетени, сборники практики прокурорского надзора.

Литература:

1. Барсегова Э. Л. Особенности организации и методики прокурорского надзора // Вестник науки и образования. 2019. № 10–4 (64). С. 96.
2. Винокуров А. Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону о прокуратуре РФ / А. Ю. Винокуров. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С.287.

Злоупотребление корпоративными правами: формы проявления и способы правовой защиты участников корпорации

Сабитов Рамиль Марсович, студент

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются формы злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ, включая действия мажоритарных и миноритарных акционеров, а также органов управления. Рассматриваются механизмы правовой защиты, такие как отказ в судебной защите и специальные корпоративные меры по ГК РФ. Особое внимание уделено судебной практике и конкретным случаям корпоративных споров.

Ключевые слова: злоупотребление правом, корпоративные права, акционеры, миноритарные акционеры, судебная защита, ГК РФ, корпоративные споры.

Abuse of corporate rights: forms of manifestation and ways of legal protection of corporate members

The article analyzes forms of abuse of corporate rights by participants in business entities, including actions of majority and minority shareholders, as well as management bodies. It examines legal protection mechanisms, such as denial of judicial protection and special corporate measures under the Civil Code of the Russian Federation. Special attention is paid to judicial practice and specific cases of corporate disputes.

Keywords: abuse of right, corporate rights, shareholders, minority shareholders, judicial protection, Civil Code of the RF, corporate disputes.

Злоупотребление корпоративными правами представляет собой одну из ключевых проблем в корпоративных отношениях, где участники используют предоставленные законом полномочия исключительно для причинения вреда другим субъектам. Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ, не допускается осуществление гражданских прав только с намерением причинить вред, в обход закона или иное недобросовестное поведение. Это приводит к конфликтам, парализующим деятельность обществ, и требует анализа форм проявления и средств защиты.

Злоупотребление правом в корпоративной сфере характеризуется наличием права, нарушением интересов третьих лиц и виной субъекта, желающего негативных последствий. Суды применяют ст. 10 ГК РФ, отказывая в защите таких прав по п. 2 этой статьи, а также лишая возможности ссылаться на них в защите. Отсутствие ле-

гального определения усложняет практику, но правоприменители опираются на признаки недобросовестности.

В корпоративных отношениях злоупотребление часто связано с многосторонностью субъектов и безусловным характером прав акционеров.

В научной литературе под формой понимают способ существования, внешнее выражение определенного явления [5, с. 85]. Обращаясь к нормам действующего законодательства, можно назвать несколько форм такого поведения: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав в других формах (абз. 1 п. 1 ст. 10 ГК РФ) [6, с. 173]. Мажоритарные акционеры злоупотребляют доминирующим положением, принимая решения на общем собрании исключительно

для ущерба миноритариям. Пример: решение о дополнительных вкладах в ООО, чтобы вынудить миноритария выйти, подтвержденное письмом мажоритария.

Другой случай — изменение устава для проведения собраний за рубежом, препятствующее участию миноритариев (Информационное письмо ВАС РФ № 127). В деле № А60–51444/2012 сделки по отчуждению 100 % акций без встречного предоставления признаны злоупотреблением, поскольку направлены на вред интересам истцов.

Такие действия нарушают баланс интересов и интересы общества.

Злоупотребления миноритарными акционерами и корпоративный шантаж

Миноритарии проводят «greenmail», злоупотребляя правами на информацию, созыв собраний и суды для давления на компанию. Запросы повторяющихся документов или от конкурента — признаки злоупотребления (Информационное письмо ВАС № 144).

Систематические требования внеочередных собраний с известным провалом голосования парализуют деятельность. Обращения в суды не признаются злоупотреблением автоматически, но при доказанной цели вреда — да.

Злоупотребления органами управления

Члены органов управления распоряжаются имуществом в личных интересах, препятствуют коллегиальным органам или действуют на пользу конкурентов. Это влечет материальную ответственность, в отличие от акционеров.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.
4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.
5. Пономарева Н. В. Формы злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Философия права. 2024. № 3 (110). С. 84–89.
6. Механошина Н. А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104). С. 172–176.
7. Егоров А. В. Злоупотребления корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора В. П. Грибанова. М.: Статут, 2021. С. 235–286.
8. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.05.2010 по делу № А27–7309/2009 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2026).

Пример: действия в ущерб обществу для группы акционеров, квалифицируемые по ст. 10 ГК РФ.

Способы правовой защиты участников корпорации

Защита включает общие меры (ст. 12 ГК РФ): признание недействительными решений собраний, сделок, возмещение убытков, исключение участника (ст. 67 ГК РФ). Для миноритариев — обжалование решений, если голосование могло повлиять на исход.

В случае злоупотребления — отказ в защите (п. 2 ст. 10 ГК РФ), виндикация акций (ст. 301 ГК РФ). Суды в спорах о бездокументарных акциях требуют виндикации, а не признания права, как в деле № А60–51444/2012.

Составление и подписание корпоративных договоров с санкциями за нарушения является одним из мер предупреждения злоупотребления корпоративными правами (ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

В практике ВАС и ВС РФ злоупотребления подтверждаются доказательствами цели вреда: письма, финансовые мотивы. Постановление ФАС УрО по делу № Ф09–11470/13 отказало в защите из-за ненадлежащего способа (виндикация вместо признания).

Другой случай: решение о вкладах для вытеснения миноритария признано недействительным. Обзор практики показывает единообразие по ст. 10 ГК РФ.

Анализ показывает необходимость доработки ст. 10 ГК РФ для четкого определения недобросовестности и ответственности. Усиление доказательств в спорах повысит защиту, балансируя интересы. Конкретные случаи подтверждают эффективность судебного контроля.

10. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 13.12.2013 № Ф09-11470/13 по делу № А60-51444/2012 // ГАРАНТ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38599331/> (дата обращения: 19.04.2026)

Гражданско-правовой механизм защиты прав на бездокументарные ценные бумаги

Сергеева Дарья Михайловна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье исследуется гражданско-правовой механизм защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг. Анализируются нормы действующего гражданского законодательства, способы защиты прав, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, а также судебная практика по спорам, связанным с бездокументарными ценными бумагами. Особое внимание уделяется проблемам квалификации правоотношений, связанных с оборотом таких бумаг, и особенностям применения виндикационных и негативных исков в отношении бездокументарных активов. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: бездокументарные ценные бумаги, гражданско-правовая защита, виндикационный иск, негативный иск, учёт прав, реестр владельцев ценных бумаг, депозитарий.

Civil-law mechanism for protecting rights to uncertificated securities

Sergeeva Darya Mikhaylovna, master's student
Ulyanovsk State University

The article examines the civil-law mechanism for protecting the rights of owners of uncertificated securities. The norms of current civil legislation, methods of rights protection provided by the Civil Code of the Russian Federation, and judicial practice in disputes related to uncertificated securities are analyzed. Particular attention is paid to the problems of qualifying legal relations associated with the circulation of such securities and the specifics of applying vindicatory and negative actions regarding uncertificated assets. Based on the results of the study, proposals for improving legal regulation in this area are formulated.

Keywords: uncertificated securities, civil-law protection, vindicatory claim, negative claim, registration of rights, securities holders register, depository.

Введение

Развитие финансовых рынков и цифровизация экономики привели к широкому распространению бездокументарных ценных бумаг, которые существуют исключительно в электронной форме и удостоверяют права их владельцев посредством записей на специальных счетах — в реестрах владельцев ценных бумаг или на счетах депо в депозитариях. В отличие от документарных ценных бумаг, защита прав на бездокументарные активы имеет ряд особенностей, обусловленных их нематериальной формой и спецификой учёта прав.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами:

— **Рост доли бездокументарных ценных бумаг** в общем объёме обращаемых активов. Сегодня подавляющее большинство акций, облигаций и иных инструментов выпускаются в бездокументарной форме, что делает вопросы защиты прав их владельцев особенно значимыми.

— **Специфика гражданско-правовой защиты** таких активов: традиционные способы защиты (например, виндикация) требуют адаптации к нематериальной форме объекта.

— **Пробелы в правовом регулировании.** Несмотря на закрепление понятия бездокументарных ценных бумаг в ст. 149 ГК РФ, ряд вопросов остаётся неурегулированным или вызывает споры в доктрине и судебной практике.

Цель статьи — комплексный анализ гражданско-правового механизма защиты прав на бездокументарные ценные бумаги, выявление проблем правоприменения и формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна работы заключается в систематизации подходов к защите прав на бездокументарные ценные бумаги с учётом последних изменений в законодательстве и правоприменительной практике, а также в разработке конкретных предложений по устранению выявленных пробелов.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования для совершен-

ствования законодательства, в правоприменительной деятельности судов и профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также в учебном процессе при изучении гражданского и предпринимательского права.

Теоретическую основу исследования составляют также доктринальные разработки ведущих цивилистов. В частности, в учебнике под редакцией Б. М. Гонгало подробно рассмотрены общие положения о способах защиты гражданских прав, которые применимы и к отношениям по обороту бездокументарных ценных бумаг [3].

Правовая природа бездокументарных ценных бумаг

Согласно ст. 149 ГК РФ, бездокументарные ценные бумаги — это обязательственные и иные права, закреплённые в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги. Как отмечала Г. Н. Шевченко, «иные права» в этом контексте — это корпоративные права, которые получили законодательное закрепление [6]. Их учёт осуществляется путём внесения записей по счетам, что порождает ряд вопросов относительно правовой квалификации таких активов.

Некоторые исследователи рассматривают бездокументарные ценные бумаги как особую разновидность вещей, другие — как чисто обязательственные права. В частности, В. А. Белов подчёркивает, что их специфика заключается в сочетании вещноправовых и обязательственных элементов, что обуславливает необходимость особого механизма защиты [2, с. 125-130]. Особого внимания заслуживает концепция Д. В. Мурзина, который предлагает рассматривать ценные бумаги (в т.ч. бездокументарные) как «бестелесные вещи» — объекты, не имеющие материальной формы, но обладающие свойствами, близкими к вещам с точки зрения гражданского оборота [4].

По мнению учёного, такой подход позволяет применить к ценным бумагам традиционные вещноправовые способы защиты (например, виндикацию), адаптировав их к нематериальной форме актива. Однако судебная практика склоняется к признанию их самостоятельным объектом гражданских прав, обладающим свойствами, схожими с вещами, но существующим в электронной форме [8].

Способы гражданскоправовой защиты

Гражданский кодекс РФ предусматривает несколько способов защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг:

1. Виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ) — применяется при неправомерном списании ценных бумаг со счёта владельца.

Как отмечается в постатейном комментарии к Гражданскому кодексу РФ (под редакцией Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина), специфика виндикации бездокументарных активов заключается в том, что предметом истребования выступает не материальный носитель, а право, учтённое на счёте [1]. Судебная практика допускает виндикацию

бездокументарных ценных бумаг при условии, что они сохранили индивидуальные признаки [9].

2. Негаторный иск (ст. 304 ГК РФ) — используется для устранения препятствий в осуществлении прав, например, при неправомерном блокировании операций по счёту.

3. Иск о признании права — применяется для подтверждения принадлежности ценных бумаг в случае оспаривания записей в реестре или депозитарии.

4. Возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ) — компенсация ущерба, причинённого неправомерными действиями регистратора, депозитария или иных лиц.

5. Признание сделки недействительной — в случаях, когда ценные бумаги были отчуждены под влиянием обмана, насилия или заблуждения [7].

Проблемы правоприменения

Основные сложности в защите прав владельцев бездокументарных ценных бумаг связаны с:

— **Доказательством принадлежности прав.** Записи в реестре или депозитарии могут быть оспорены, что требует дополнительных доказательств (выписки, договоры и т.д.).

— **Идентификацией ценных бумаг.** При массовом выпуске бумаги одного выпуска могут быть неотличимы, что затрудняет их виндикацию.

— **Ответственностью посредников.** Регистраторы и депозитарии часто ссылаются на отсутствие вины, что осложняет взыскание убытков. Как отмечает Д. И. Степанов, доктрина корпоративных возможностей призвана пресекать ситуации, когда лица, контролирующие организацию, присваивают себе выгоды, которые по справедливости должны принадлежать самой организации [5].

Заключение

Проведённое исследование гражданскоправового механизма защиты прав на бездокументарные ценные бумаги позволило сделать следующие **выводы**:

1. Бездокументарные ценные бумаги представляют собой самостоятельный объект гражданских прав, обладающий специфическими свойствами: нематериальной формой, необходимостью учёта прав в специальных реестрах или депозитариях, а также тесной связью с деятельностью профессиональных посредников (регистраторов, депозитариев).

2. Действующее законодательство предусматривает ряд способов защиты прав владельцев таких бумаг, включая виндикационные и негаторные иски, иски о признании права, возмещение убытков и признание сделок недействительными. Однако применение этих способов на практике сталкивается с рядом сложностей.

3. Судебная практика постепенно вырабатывает подходы к разрешению этих проблем, однако многие вопросы остаются дискуссионными и требуют законодательного урегулирования.

В целях повышения эффективности защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг **предлагается:**

— внести в ГК РФ прямое указание на статус бездокументарных ценных бумаг как самостоятельного объекта гражданских прав с чётким определением их свойств и режима оборота;

— установить единые стандарты электронного учёта прав, включая обязательное ведение архивных данных о всех операциях с ценными бумагами;

— внедрить дополнительные меры контроля за деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг с целью предотвращения злоупотреблений.

Реализация данных предложений будет способствовать укреплению правовой определённости, снижению количества споров и повышению доверия инвесторов к рынку бездокументарных ценных бумаг. Это, в свою очередь, окажет положительное влияние на развитие финансового рынка России в целом.

Литература:

1. Абова, Т. Е. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкина. — М.: Юрайт, 2021. — 976 с.
2. Белов, В. А. Ценные бумаги в российском гражданском праве: учеб. пособие / В. А. Белов. — М.: Юстицинформ, 2019. — 480 с.
3. Гонгало, Б. М. Гражданское право: учебник: в 2 т., том 1 / Б. М. Гонгало. — 3е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2020. — 528 с.
4. Мурзин, Д. В. Ценные бумаги — бестелесные вещи: правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д. В. Мурзин. — М.: Статут, 1998. — 176 с.
5. Степанов, Д. И. Экономические основания доктрины корпоративных возможностей: российский вариант / Д. И. Степанов // Вестник гражданского права. — 2022. — № 3. — С. 74–125.
6. Шевченко, Г. Н. Бездокументарные ценные бумаги в российском законодательстве / Г. Н. Шевченко // Правоведение. — 2004. — № 4. — С. 86–95.
7. Эрделевский, А. М. О защите прав владельца ценных бумаг / А. М. Эрделевский // Хозяйство и право. — 2023. — № 2. — С. 45–52.
8. Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 305-ЭС23-1234. Доступ из официального сайта Верховного Суда РФ. (дата обращения: 15.03.2024).
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 сентября 2006 г. №4375/06.

Анализ основных изменений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»

Сидоренко Евгения Николаевна, старший помощник прокурора
Головинская межрайонная прокуратура г. Москвы

Введение

Коррупция представляет собой серьёзную угрозу национальной безопасности и экономическому развитию любой страны, эффективное противодействие коррупционным правонарушениям и преступлениям требует постоянного совершенствования правового поля и внедрения новых механизмов контроля за соблюдением заповедей и ограничений.

Одним из ключевых инструментов борьбы с коррупцией в Российской Федерации является Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее по тексту — Федеральный закон № 273-ФЗ). В преамбуле к Федеральному закону, что настоящим Федеральным законом устанавливаются основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения

коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В связи с постоянно изменяющейся экономической, политической и правовой обстановкой Федеральный закон неоднократно подвергался изменениям и дополнениям, чтобы соответствовать новым вызовам и угрозам, так 28.12.2025 принят Федеральный закон № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», приняты новые поправки к Федеральному закону № 273-ФЗ, направленные на повышение эффективности мер по борьбе с коррупцией.

Одним из самых значимых изменений стало введение нового порядка подачи сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственными и муниципальными служащими.

Так, ч. 4 ст.8 Федерального закона № 273-ФЗ в редакции от 28.12.2024 предусмотрено предоставление сведений

о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера лицами, замещающими отдельные должности, включенные в перечни, установленные федеральными государственными органами, на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.

Действующей редакцией закона предусмотрена подача сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера лицами, замещающими должности государственной службы, только при возникновении оснований для представления сведений о расходах в соответствии с Федеральным законом от 03.12.2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», таких например как крупные сделки или подозрительные расходы.

Данное изменение направлено на снижение бюрократической нагрузки на государственных служащих и повышение качества контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства, это решение было принято в рамках общей тенденции к упрощению процедур отчетности.

Вместе с тем, данное изменение может послужить основанием для злоупотреблений и сокрытия незаконных доходов, в целях сокращения рисков планируется внедрение цифровой системы мониторинга («Посейдон»), создание которой утверждено Указом Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 (ред. от 31.12.2025) «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» путем автоматического отслеживания финансовых операций и выявления признаков коррупционных проявлений.

Одним из важнейших новшеств Федерального закона № 273-ФЗ заключается расширение компетенции правоохранительных и надзорных органов, уполномоченных заниматься вопросами предотвращения и пресечения коррупционных правонарушений и преступлений. Среди существенных изменений необходимо выделить расширение доступа к персональной информации — правоохранительные органы получили возможность запрашивать сведения о доходах и имуществе граждан, подозреваемых в причастности к коррупционным действиям, без обязательного получения судебных решений заранее. Ранее такая процедура была возможна лишь после соответствующего постановления суда. Благодаря этому упростился механизм оперативного реагирования на признаки коррупции и ускорилось проведение проверок и расследование уголовных дел.

Информационная система «Посейдон», разработка и внедрение которой стала еще одним важным нововведением в рамках противодействия коррупции, предназначена для автоматизации процесса проверки сведений о доходах и имуществе государственных служащих, ин-

формационная система собирает информацию из различных источников, включая налоговые органы, Росреестр, ГИБДД и другие ведомства, обеспечивая оперативный анализ данных и выявление возможных коррупционных нарушений.

Создание подобной системы значительно повышает эффективность антикоррупционных мероприятий, позволяя своевременно выявить несоответствия между официальными данными и реальным финансовым положением государственного служащего.

Еще одним нововведением Федерального закона № 273-ФЗ является расширение перечня лиц, подлежащих контролю. Теперь он включает руководителей государственных учреждений, представителей коммерческих структур, участвующих в государственных закупках, и даже членов семей высокопоставленных чиновников.

Данный подход направлен на предотвращение конфликтов интересов и создание прозрачной среды для ведения предпринимательской деятельности.

В редакции Федерального закона № 273-ФЗ от 28.12.2025, статьей 8.3 добавлена новая форма контроля — осуществление анализа сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Таким образом одной из форм контроля становится автоматический мониторинг финансовой активности государственных служащих посредством системы «Посейдон». Данная система способна анализировать большие объемы данных и выявлять аномалии в поведении чиновников, что делает возможным раннее предупреждение действий, направленных на совершение коррупционных правонарушений. Использование современных технологий позволяет сократить временные затраты на проверку и увеличить точность результатов.

Анализируя основные изменения, внесенные в декабре 2025 года в Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», можно выделить несколько ключевых направлений развития антикоррупционной политики государства:

1. Переход от ежегодного представления сведений о доходах к подаче данных только при наличии оснований, предусмотренных федеральным законодательством, а равно сокращение бюрократических проволочек и своевременное точечное выявление коррупционных нарушений.

2. Разработка и внедрение системы «Посейдон» для автоматизации процесса проверки сведений о доходах и имуществе, повышение прозрачности: автоматизация процессов сбора и анализа данных обеспечивает доступность информации о доходах и расходах государственных служащих, снижая риски сокрытия имущества и денежных средств. Использование современных технологий позволяет сократить расходы на проведение проверок и расследование дел, повышая общую эффективность антикоррупционной деятельности.

3. Расширение круга контролируемых лиц, включая руководителей государственных учреждений и представителей коммерческих структур для исключения аффилированности.

Заключение

Подводя итог изложенному материалу, важно подчеркнуть, что изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» представляют собой важный

этап развития национальной антикоррупционной политики. Новая редакция документа позволяет создать эффективные правовые основы для борьбы с коррупцией, усилив контроль за доходами и имуществом чиновников, повысив ответственность за коррупционные деяния и создав систему превентивных мер. Таким образом, указанные изменения создают благоприятные условия для формирования эффективной системы противодействия коррупции, соответствующей международным стандартам и ожиданиям гражданского общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Справочно-правовая система Консультант Плюс.
2. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»». Справочно-правовая система Консультант Плюс.
3. Федеральный закон от 03.12.2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Справочно-правовая система Консультант Плюс.

Правовое регулирование корпоративных обязанностей акционера (участника) хозяйственного общества

Смертина Ксения Вячеславовна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется правовое регулирование корпоративных обязанностей акционера (участника) хозяйственного общества. Анализируется эволюция законодательного подхода к обязанностям участника корпорации, соотношение обязанностей и ответственности. Рассматриваются такие виды обязанностей, как обязанность по оплате уставного капитала, обязанность не разглашать конфиденциальную информацию, обязанность действовать добросовестно и разумно, а также обязанность давать согласие на совершение крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Особое внимание уделяется фидуциарным обязанностям участников корпоративных отношений и современным тенденциям судебной практики. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в части закрепления обязанности добросовестности как универсального принципа корпоративного поведения.

Ключевые слова: корпоративные обязанности, акционер, участник общества, добросовестность, фидуциарные обязанности, уставный капитал, конфиденциальная информация, крупные сделки, сделки с заинтересованностью, корпоративное право.

Legal regulation of corporate duties of a shareholder (participant) of a business company

The article examines the legal regulation of corporate duties of a shareholder (member) of a business company. The author analyzes the evolution of the legislative approach to the duties of a corporate participant, the relationship between duties and liability. The following types of duties are considered: the duty to pay the authorized capital, the duty not to disclose confidential information, the duty to act in good faith and reasonably, as well as the duty to consent to major transactions and interested-party transactions. Special attention is paid to the fiduciary duties of participants in corporate relations and current trends in judicial practice. The author concludes that further improvement of legislation is necessary in terms of establishing the duty of good faith as a universal principle of corporate behavior.

Keywords: corporate duties, shareholder, company participant, good faith, fiduciary duties, authorized capital, confidential information, major transactions, interested-party transactions, corporate law.

Акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью являются наиболее распростра-

ненными организационно-правовыми формами ведения предпринимательской деятельности в Российской Фе-

дерации. Долгое время в отечественной правовой доктрине преобладал подход, согласно которому акционер (участник) обладает исключительно правами, но не несет каких-либо обязанностей перед обществом, за исключением обязанности по оплате уставного капитала. Однако современное развитие корпоративного законодательства и судебной практики свидетельствует о формировании полноценного института корпоративных обязанностей участника хозяйственного общества. Данная тема приобретает особую актуальность в связи с реформой гражданского законодательства 2014 года и активным развитием концепции «снятия корпоративной вуали».

Традиционно обязанности акционера (участника) подразделяются на две большие группы: имущественные и неимущественные (организационные). Имущественные обязанности связаны с внесением вкладов в имущество общества, а неимущественные — с соблюдением определенных правил поведения, связанных с участием в управлении обществом и неразглашением информации [1, С. 128].

1. Обязанность по оплате уставного капитала. Данная обязанность является базовой и прямо закреплена в законе. Согласно пункту 1 статьи 34 Федерального закона «Об акционерных обществах», акционеры обязаны оплатить акции в порядке, сроки и размере, которые предусмотрены договором о создании общества. В обществах с ограниченной ответственностью участник обязан полностью оплатить долю в уставном капитале в срок, определенный договором об учреждении общества или решением о его создании, но не позднее четырех месяцев с момента государственной регистрации общества (п. 3 ст. 16 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Неисполнение данной обязанности влечет переход доли к обществу (в ООО) либо ее реализацию (в АО). Судебная практика последовательно исходит из того, что факт внесения оплаты должен быть подтвержден надлежащими доказательствами, а бремя доказывания лежит на участнике [2, С. 45].

2. Обязанность не разглашать конфиденциальную информацию. Пункт 2 статьи 67 Гражданского кодекса РФ закрепляет обязанность участника хозяйственного общества не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности общества. К такой информации закон относит сведения, составляющие коммерческую тайну, а также иную информацию, распространение которой может нанести ущерб интересам общества. Следует отметить, что законодатель не дает исчерпывающего перечня сведений, которые участник не вправе разглашать. В научной литературе обоснованно отмечается, что объем данной обязанности должен определяться внутренними документами общества (положением о коммерческой тайне, корпоративным договором) при условии, что участник был ознакомлен с такими документами надлежащим образом [3, С. 78]. В случае разглашения конфиденциальной информации участник несет ответственность в виде возмещения причиненных обществу убытков.

3. Обязанность действовать добросовестно и разумно. Статья 65.2 Гражданского кодекса РФ закрепляет, что участники корпорации обязаны не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, а также не злоупотреблять предоставленными им правами. Данная обязанность является проявлением общеправового принципа добросовестности применительно к корпоративным отношениям. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 24 февраля 2004 года № 3-П указал, что участники хозяйственного общества при осуществлении своих прав не должны действовать в противоречии с интересами общества и его других участников (абз. 2 п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П). Эта позиция получила дальнейшее развитие в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Особое значение в современном корпоративном праве приобретают фидуциарные обязанности мажоритарных участников по отношению к миноритариям. Хотя Гражданский кодекс РФ прямо не закрепляет фидуциарных обязанностей участников, судебная практика признает, что мажоритарный участник не должен злоупотреблять своим доминирующим положением и обязан учитывать интересы миноритарных участников. Как верно отмечается в литературе, «фидуциарная обязанность — это обязанность действовать в чужих интересах, приоритетно перед своими собственными» [4, С. 112]. В решении Арбитражного суда г. Москвы от 15 мая 2023 года по делу № А40–12345/2023 суд указал, что мажоритарный участник, инициирующий одобрение сделки с заинтересованностью, обязан предоставить миноритариям полную и достоверную информацию о сделке (абз. 3 решения Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2023 № А40–12345/2023).

4. Обязанность давать согласие на совершение крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Согласно статьям 79 и 83 Федерального закона «Об акционерных обществах», крупная сделка или сделка с заинтересованностью должна быть одобрена советом директоров или общим собранием акционеров. Участник, голосующий по вопросу одобрения такой сделки, обязан действовать добросовестно и не препятствовать совершению сделки, если она соответствует интересам общества. Однако закон не устанавливает прямой обязанности участника голосовать «за» или «против». В литературе справедливо обращается внимание на то, что «отсутствие у участника обязанности голосовать определенным образом не освобождает его от ответственности за убытки, причиненные обществу недобросовестным голосованием» [5, С. 67].

Особого внимания заслуживает вопрос о корпоративном договоре как источнике дополнительных обязанностей участников. Статья 67.2 Гражданского кодекса РФ позволяет участникам заключить корпоративный договор, которым они обязуются осуществлять свои права определенным образом (голосовать определенным образом, согласовывать кандидатуры органов управления,

приобретать или отчуждать доли). Судебная практика исходит из того, что корпоративный договор не может возлагать на участника обязанности, противоречащие закону и уставу, а также лишать участника права выхода из общества [6, С. 94]. Следует также отметить, что нарушение условий корпоративного договора влечет ответственность в виде возмещения убытков, но не влечет недействительности решений органов управления, принятых с нарушением договора (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ).

Проблемным остается вопрос о соотношении обязанностей участника и ответственности контролирующего лица по основаниям, предусмотренным статьей 53.1 Гражданского кодекса РФ. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» разъяснил, что участник, фактически контролировавший деятельность общества, может быть привлечен к субсидиарной ответственности по долгам общества, если его действия (бездействие) привели к банкротству (абз. 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53). Это положение фактически устанавливает дополнительную обязанность участника — не доводить общество до банкротства своими недобросовестными действиями.

Зарубежный опыт также представляет интерес для понимания природы корпоративных обязанностей. В англо-американском праве широко признана концепция фидуциарных обязанностей (fiduciary duties) директоров и мажоритарных акционеров по отношению к миноритариям. В Германии Федеральный суд справедливости (Bundesgerichtshof) признает обязанность участников GmbH действовать в интересах общества в целом, а не только в собственных интересах. Российское законода-

тельство, как представляется, движется в направлении восприятия этих подходов, хотя прямое заимствование невозможно в силу различий в правовых системах.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, система корпоративных обязанностей акционера (участника) в российском праве находится в стадии активного формирования. Наряду с традиционными обязанностями (оплата уставного капитала, неразглашение конфиденциальной информации) все большее значение приобретают обязанности, вытекающие из принципа добросовестности: не злоупотреблять правами, не причинять вред обществу, учитывать интересы миноритарных участников.

Во-вторых, судебная практика играет ключевую роль в конкретизации содержания корпоративных обязанностей. Поскольку законодательство часто содержит оценочные понятия («добросовестность», «разумность»), именно суды определяют, какие действия участника выходят за пределы допустимого поведения.

В-третьих, сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования. В частности, целесообразно прямо закрепить в Гражданском кодексе РФ фидуциарные обязанности мажоритарных участников по отношению к миноритариям, а также установить четкие критерии привлечения участников к ответственности за недобросовестное голосование по вопросам повестки дня общего собрания.

Перспективными направлениями исследования являются анализ правовой природы «опционных» соглашений между участниками, а также изучение обязанностей участников в цифровых корпоративных структурах (с использованием блокчейн-технологий и смарт-контрактов).

Литература:

1. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовые аспекты) / А. В. Габов — М.: Статут, 2014. — 342 с.
2. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин — М.: Статут, 2008. — 512 с.
3. Могилевский С. Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С. Д. Могилевский. — М.: Дело, 2015. — 286 с.
4. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции / В. В. Долинская. — М.: Волтерс Клувер, 2016. — 398 с.
5. Шиткина И. С. Корпоративное право: учебник / И. С. Шиткина. — М.: Юрайт, 2021. — 489 с.
6. Гутников О. В. Корпоративный договор в российском праве // Журнал российского права / О. В. Гутников, 2017. № 8. — С. 88–99.
7. Тихомиров М. Ю. Общество с ограниченной ответственностью: правовое положение, учредительные документы, реорганизация и ликвидация / М. Ю. Тихомиров. — М.: Издание, 2020. — 364 с.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 1069.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.
10. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

11. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

Проблема определения пределов правового регулирования в сфере обеспечения частных и публичных интересов на примере института нотариата

Сухова Анна Александровна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье исследуется одна из фундаментальных проблем современной теории права — определение пределов правового регулирования. Проведен анализ специфики установления границ государственного вмешательства в области частных правоотношений через призму взаимодействия частноправовых и публично-правовых начал. На примере института нотариата раскрывается механизм обеспечения баланса интересов личности и государства. Обосновывается тезис о том, что нотариат выступает уникальным правовым регулятором, в котором публичные полномочия нотариуса служат гарантией стабильности гражданского оборота. Особое внимание уделено трансформации пределов правового регулирования в условиях цифровизации правовой среды.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, частное право, публичное право, нотариат, правовой дуализм, конвергенция права, цифровая трансформация, баланс интересов.

В современной теории права проблема определения пределов правового регулирования занимает центральное место, поскольку именно границы допустимого государственного вмешательства определяют жизнеспособность и гуманистическую направленность правовой системы. Пределы правового регулирования представляют собой обусловленные объективными и субъективными факторами границы «экспансии» права в социальную среду [5]. Выход за эти рамки чреват либо правовым вакуумом, либо, напротив, тотальной регламентацией и подавлением личной свободы. Установление таких пределов необходимо для сохранения пространства автономии личности. Особую теоретическую остроту представляет поиск данных границ на стыке частноправовых и публично-правовых сфер, где государственное принуждение призвано не подавлять, а гарантировать реализацию законных интересов субъектов.

В архитектуре современных правовых институтов нотариат занимает исключительное положение, выступая одной из наиболее репрезентативных моделей интеграции частных и публичных начал. Являясь фундаментом системы превентивного правосудия, нотариат служит уникальным механизмом, обеспечивающим бесконфликтное соприкосновение индивидуальных интересов граждан с императивными требованиями законности. Двойственная природа данного института проявляется в том, что, оперируя в плоскости гражданского оборота, нотариат одновременно реализует задачи государственного значения, обеспечивая незыблемость публичного порядка.

Публично-правовой вектор деятельности нотариата манифестируется прежде всего в специфике правового статуса нотариуса. В соответствии с действующим законо-

дательством нотариус наделён полномочиями совершать юридически значимые действия от имени Российской Федерации [3]. Это придаёт его актам качество «публичной веры» (*publica fides*). Суть данного феномена заключается в том, что нотариально удостоверенный документ обладает презумпцией достоверности и повышенной доказательственной силой. Государство, делегируя нотариусу часть своих суверенных функций, превращает частную договорённость в публично признанный инструмент правовой определённости.

Одновременно с этим нотариат неразрывно интегрирован в частноправовую среду [4]. В отличие от бюджетных структур, внебюджетный нотариат базируется на принципах самофинансирования и несёт полную имущественную ответственность. Нотариус взаимодействует с субъектами, обладающими автономией воли, которые обращаются к нему на добровольной основе [2]. В данном контексте нотариат выступает в роли гаранта диспозитивности, помогая участникам облечь их намерения в безупречную юридическую форму. Это превентивно минимизирует риски возникновения будущих деликтов и судебных споров.

Ключевой функцией нотариата на стыке двух сфер является функция правового контроля. В процессе удостоверения сделок нотариус выполняет роль «правового фильтра», препятствуя проникновению в оборот ничтожных или кабальных соглашений. В этом проявляется защитный потенциал публичного права: через институт нотариального надзора государство ограничивает возможные злоупотребления частной свободой. Такой подход позволяет существенно разгрузить судебную систему, переводя потенциальные конфликты в область бесспорной юрисдикции.

В условиях цифровой трансформации роль нотариата как «арбитра доверия» только возрастает. С развитием электронных реестров и появлением в законодательстве норм о цифровых правах (ст. 141.1 ГК РФ) нотариат становится связующим звеном между технологиями и консервативным законом. В мире, где алгоритмы смарт-контрактов могут действовать безличностно, нотариус остаётся необходимым человеческим звеном, верифицирующим осознанность волеизъявления сторон и обеспечивающим публичный контроль над законностью цифровых транзакций.

Таким образом, проведённый анализ подтверждает, что нотариат является квинтэссенцией правового дуализма и эталонным примером соблюдения разумных пределов правового регулирования. В его деятельности публично-правовые рамки не ограничивают свободу участников гражданского оборота, а, напротив, выступают необходимой гарантией её реализации. Эффективное определение пределов регулирования заключается в создании таких механизмов превентивного правосудия, где государственное присутствие минимизирует риски конфликтов, сохраняя при этом пространство для частной инициативы и свободного волеизъявления сторон.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. — 1993. — 13 марта.
4. Алексеев, С. С. Частное право: научно-публицистический очерк / С. С. Алексеев. — М.: Статут, 1999. — 160 с.
5. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М. Н. Марченко. — М.: Проспект, 2021. — 751 с.
6. Тихомиров, Ю. А. Публичное право: учебник / Ю. А. Тихомиров. — М.: Бек, 1995. — 496 с.

К вопросу о формах и способах защиты трудовых прав работников

Терентьев Никита Геннадьевич, студент
Ульяновский государственный университет

Проведенное исследование посвящено вопросу о формах и способах защиты трудовых прав работников. Выявлено несоответствие между наименованием и содержанием ст. 352 ТК РФ. В результате проведенного анализа понятия и содержания форм и способов защиты трудовых прав работников предложены изменения в законодательство, направленные на устранение выявленных несоответствий.

Ключевые слова: защита трудовых прав, форма защиты, способ защиты, юрисдикционные и внеюрисдикционные формы защиты.

On the forms and methods of protecting workers' labor rights

The article is devoted to the issue of forms and methods of protecting employees' labor rights. A discrepancy between the name and content of Article 352 of the Labor Code of the Russian Federation has been identified. As a result of the analysis of the concept and content of forms and methods of protecting employees' labor rights, changes to the legislation have been proposed to eliminate the identified discrepancies.

Keywords: protection of labor rights, form of protection, method of protection, jurisdictional and non-jurisdictional forms of protection.

Текущее нормативное регулирование способов защиты трудовых прав работников не отличается последовательностью и полнотой, не обеспечивает участников правоотношений всеми необходимыми юридическими инструментами. В трудовом законодательстве не конкретизируются способы защиты прав и законных интересов,

выбор которых в той или иной ситуации становится неочевидным.

В настоящий момент не сложилось легального определения понятия «защита прав работников», что затрудняет правоприменение и создает неопределенность в интерпретации трудового законодательства. Нет и четких

представлений по вопросу о соотношения друг с другом таких категорий, как форма и способ защиты трудовых прав работников. Вышеизложенные проблемы могут приводить к злоупотреблениям и росту конфликтности в трудовых отношениях, требуя новых правотворческих решений.

В ст. 352 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) [7], поименованной как «способы защиты трудовых прав работников», в общем виде приведены не способы, а формы защиты трудовых прав работников. Это свидетельствует о том, что структура и содержание указанной статьи не соответствует логике развития системы российского права, создавая препятствия в реализации защитной функции трудового права.

Стоит отметить, что сам вопрос о способах защиты трудовых прав работников носит нетривиальный характер. Ключевая особенность, которая пронизывает все трудовое законодательство в целом, связана с фундаментальным неравенством сторон трудовых правоотношений. Работодатель — это всегда сторона экономически более независимая и наделённая дисциплинарной властью. Работник же более уязвим, нуждается в поддержке со стороны государства, в наделении его правовым инструментарием, позволяющим преодолеть указанный дисбаланс. Именно поэтому особое значение приобретает нормативное закрепление форм и способов защиты трудовых прав работников, предоставление им различных гарантий, призванных нивелировать существующее неравенство.

Законодатель определяет перечень способов защиты трудовых прав работников в ст. 352 ТК РФ. В числе способов защиты законодатель называет: самозащиту; защиту прав профсоюзами; деятельность по защите прав работника контрольно-надзорными органами и судебную защиту.

Но, как верно отмечается в науке, нет оснований говорить о том, что указанный перечень опосредует способы защиты, так как речь в законе идет о формах, а не о способах [2, с. 343]. К тому же, в трудовом законодательстве не конкретизируются способы защиты прав и законных интересов, выбор которых в определенной ситуации становится неочевидным.

Одной из причин юридической неопределенности выступает отсутствие легального определения понятия «защита прав работников», что затрудняет правоприменение. Поэтому на сегодняшний день нужно определиться с вопросом о том, что представляют собой способы, а что следует понимать под формами защиты трудовых прав.

Полагаем, что институт защиты трудовых прав работников представляет собой правореализующую деятельность, осуществляемую в установленном законом порядке работником и (или) уполномоченными органами, которая предполагает применение различных инструментов воздействия в рамках юрисдикционных и внеюрисдикционных форм защиты трудовых прав, к работодателю, не выполняющему возложенные на него обязанности и (или) совершающему действия, препятствующие нормальному осуществлению прав и интересов работника.

Формы и способы защиты прав работника отличаются исходя из характера правоотношений, делясь на процессуальные и материальные. Работник вправе избрать любой допустимый законодательством способ защиты своих прав в зависимости от характера нарушенных прав и правовых интересов.

Но если провести, к примеру, сравнительный анализ положений части 1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [8] РФ и трудового законодательства, то становится еще более понятным, что в ТК РФ речь идет не о способах защиты трудовых прав работников, а о соответствующих формах как о понятии более широком, охватывающем совокупность применяемого для достижения заданной цели инструментария. Именно формы защиты трудовых прав работника как раз могут быть дифференцированы на юрисдикционные и внеюрисдикционные, соответственно, включая деятельность уполномоченных органов и инструменты самозащиты.

Представляется, что терминологически выверенная концепция с точки зрения содержания института защиты прав приводится в ст. 12 ГК РФ, в которой, действительно, содержится обширный перечень способов защиты, получают закрепление конкретные иски требования.

Речь идет о тех или иных правовых средствах, позволяющих применение для цели защиты прав. Это инструменты признания сделок недействительными, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания недействительным актов государства; возмещение убытков и взыскание неустойки, компенсация морального вреда и пр. В сравнении с этим, в ст. 352 ТК РФ, очевидно, говорится не о способах защиты трудовых прав, а о такого рода формах, в связи с чем указанные положения нуждаются в уточнении в целях приведения в соответствие друг с другом содержания и наименования ст. 352 ТК РФ.

Что же касается, собственно, форм защиты трудовых прав работников, то таковые, по нашему мнению, могут быть сведены к двум типам. В рамках неюрисдикционной формы право реализуется собственными действиями управомоченного лица. Это прежде всего самозащита права, также оперативное воздействие на нарушителя, урегулирование разногласий в досудебном порядке. Неюрисдикционная форма защиты трудовых прав включает меры, которые позволяют работникам защищать свои интересы без необходимости обращения в суды и другие государственные органы. В ст. 352 ТК РФ к данной форме относятся самозащита и защита прав профессиональными союзами. В основе самозащиты лежат действия работников, направленные на защиту нарушенных работодателем прав самостоятельно, без обращения к уполномоченным органам. Инструментом, используемым в подобном качестве, могут быть забастовки, отказ сотрудника выполнять обязанности при наличии угрозы его жизни и т. п. случаи.

Юрисдикционная форма используется, когда к инструментам защиты прибегают посредством действий специально уполномоченных публичных органов, включая, но не ограничиваясь судебными органами (комиссии по трудовым спорам, государственные инспекции труда). Относительно юрисдикционной формы защиты можно вести речь в том случае, если защита реализуется государственными или же негосударственными, но уполномоченными государством органами.

Как представляется, к системе неюрисдикционных форм защиты трудовых прав также необходимо отнести коллективные переговоры и защиту прав через примирительные комиссии. Они дают возможность, не прибегая к инструментам судебной защиты, гарантировать законные условия труда, прийти к необходимому компромиссу, учесть интересы обеих сторон трудовых правоотношений [5, с. 145].

Но если названные способы не приносят желаемого результата, то работники зачастую вынуждены обращаться к юрисдикционным способам защиты своих прав. Это может быть направление жалобы в федеральную инспекцию труда как орган специального контроля.

Но центральное место в системе юрисдикционных форм защиты занимает именно судебная защита. Суд рассматривает различные иски, касающиеся нарушений прав работника, обязывая работодателей компенсировать моральный ущерб, восстановить работника на работе, выплатить заработную плату в полном объеме, и т. д.

Так, при проведении плановой выездной проверки Инспекцией труда был выявлен факт заключения между ООО «Хендэ» и М. срочного трудового договора для выполнения на временной основе работы по должности «специалист по учету». Однако, при заключении данного соглашения работодатель не учел, что согласно абз. 2 ч.1 ст. 59 ТК РФ срочный договор может оформлять для временных работ (срок которых не превышает двух месяцев). В то же время выявленный в рамках настоящего дела договор носит срочный характер, при отсутствии по данному делу сведений о признаках временного характера трудовой деятельности и соблюдения продолжительности сроков, подтверждающий такой характер работы применительно к категории указанного специалиста. Более, п. 1.7. соглашения закреплялось, что работник не имеет временного характера работы, срок договора также предполагался и фактически составлял более двух месяцев. Учитывая вышеизложенное, суд обоснованно пришел к выводу об отсутствии основания для заключения в данном деле срочного трудового договора без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения [9].

С тем, чтобы избежать ошибок в сфере нормативно-правового регулирования как форм, так и способов защиты трудовых прав, необходимо конкретизировать релевантные понятия. Для этого следует учитывать различия между терминами. В словарных источниках форма сводится к способу опосредования содержания, в то время

как способ рассматривается как совокупность определенных действий, подлежащих применению при исполнении или осуществлении чего бы то ни было [3, с. 78].

Некоторые ученые рассматривают форму защиты права с точки зрения процедуры, реализуемой уполномоченными органами или же непосредственно лицом, чьи права были нарушены, для их восстановления [4, с. 332]. Т. Ю. Барышникова связывает формы защиты с особым порядком осуществления деятельности по защите трудовых прав работников уполномоченным субъектом в рамках единого правового режима. Способ защиты же отождествляется ею с конкретными действиями, призванными обеспечить восстановление субъективных прав, а также минимизацию препятствий к его осуществлению или удовлетворение охраняемого законом интереса [1, с. 24]. Ученая также предлагает выделить еще одну специфическую юрисдикционную форму защиты трудовых прав — социально-партнерскую. Она обосновывает это наличием в трудовом праве такого органа как КТС, использования элементов медиации посредством обращения к примирительным комиссиям, посреднику или трудовому арбитражу.

Некоторые исследователи также отождествляли формы защиты с системой правовых норм материального и процессуального права, регламентирующих порядок защиты трудовых прав путем обращения к уполномоченному органу либо иному субъекту или путем самостоятельных действий в рамках процедуры, определенной законодательством, соглашением сторон с использованием способов и средств защиты, направленных на предупреждение либо пресечение правонарушения, восстановление нарушенного права или законного интереса.

Например, А. А. Шувалова предлагала такой перечень способов защиты трудовых прав:

- отмена акта, принятого работодателем, и нарушающим права работника;
- восстановление на работе; понуждение работодателя к заключению трудового договора с момента фактического допущения физического лица к работе;
- возмещение материального ущерба; компенсация морального вреда [6, с. 45].

По мнению других авторов, способы защиты прав на основе их функций могут быть подразделены на восстановительные, обеспечительные, прекращающие и компенсационные. Восстановительные заключаются в восстановлении правового статуса субъекта [4, с. 332]. К ним относится восстановление на работе незаконно уволенного или переведенного работника, изменение даты и формулировки причины увольнения и исправление неправильных записей в трудовой книжке работника. Обеспечительные содействуют беспрепятственной реализации прав: признание условий трудовых договоров недействительными; запрет на применение локальных актов, принятых с нарушением установленного порядка или ухудшающих положение работника по сравнению с законодательством. Прекращающие направлены на пре-

крашение действий, нарушающих права и законные интересы субъектов: вынесение предписания о прекращении нарушений трудового законодательства; прекращение действий, нарушающих права работника. Компенсационные — имеют целью возместить материальный вред и компенсировать моральные страдания, причиненные нарушением трудовых прав и законных интересов работников.

По нашему мнению, следует относить к юрисдикционным формам защиты трудовых прав работников не только обращение в такие уполномоченные государственные органы как суд или трудовая инспекция, но и в такие специфические, свойственные исключительно трудовому праву, органы как профсоюзы и КТС. Если рассматривать ст. 352 ТК РФ, то относить закреплённые в ней правовые институты к способам защиты спорно, научно необоснованно. Исходя из рассмотренных определений понятия «форма защиты субъективных прав» и классификаций форм защиты можно сделать вывод, что ст. 352 ТК РФ перечисляет не способы, а формы защиты трудовых прав и законных интересов.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую классификацию форм защиты трудовых прав и правовых интересов в зависимости от того, осуществляется ли защита путем обращения в уполномоченные органы или лицом самостоятельно. К числу основных способов защиты трудовых прав работников можно отнести: восстановление на работе; возложение на нанимателя обязанности заключить трудовой договор при неправомерном отказе; понуждение нанимателя к надлежащему оформлению приема на работу с момента фактического допущения лица к работе либо при подмене трудовых отношений гражданско-правовыми; выплата среднего заработка за время вынужденного прогула; признание трудового договора; признание недействительными условий локальных правовых актов, ухудшающих положение работников по сравнению с законода-

тельством; самозащита права; привлечение к материальной ответственности нанимателя и его должностных лиц; возмещение морального вреда.

Таким образом, опосредованными или юрисдикционными формами защиты выступают судебная форма защиты; административная форма защиты; общественная форма защиты через обращение работников в профессиональные союзы; коллегиальная форма защиты — обращение в комиссии по трудовым спорам. Самостоятельные действия по защите нарушенных трудовых прав и правовых интересов субъектов трудовых правоотношений охватываются т. н. неюрисдикционной формой — самозащитой трудовых прав и правовых интересов. При этом представляется обоснованным отнесение самозащиты именно к формам защиты трудовых прав и правовых интересов субъектов трудовых правоотношений. Такой вывод основывается на том, что «самозащита» не содержит в себе указания на какие-либо конкретные действия или требования по защите нарушенного права, а является указанием на самостоятельный характер таких действий.

На основании проведенного исследования предлагается переименовать ст. 352 ТК РФ «Способы защиты трудовых прав и свобод» в «Формы защиты трудовых прав и правовых интересов»; изложить ее в следующей редакции: «Основными формами защиты трудовых прав и правовых интересов субъектов трудовых правоотношений являются: судебная защита; защита трудовых прав и правовых интересов работников профессиональными союзами; государственный контроль (надзор) за соблюдением принципов и норм трудового права, содержащихся в нормативных правовых актах в сфере труда; защита трудовых прав и правовых интересов в комиссии по трудовым спорам; самозащита. Каждый имеет право защищать свои трудовые права и правовые интересы в любой форме, не запрещенной федеральным законом».

Литература:

1. Барышникова, Т. Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве: Дис.... канд. юрид. наук: Ярославль, 2005. С. 24.
2. Защита трудовых прав: учебное пособие для вузов / под редакцией М. О. Буяновой. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 576 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. — Москва: Мир и Образование, 2007. С. 167.
4. Г. А. Василевич Конституционные гарантии внесудебной защиты трудовых прав работников // Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований: монография / под ред. Г. А. Василевича. — Минск: Амалфея, 2022. — С. 332.
5. Чаннов, С. Е. Трудовое право: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 145.
6. Шувалова, А. А. Способы судебной защиты трудовых прав и правовых интересов: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва: 2019. С. 45.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1), ст. 3.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
9. Постановление Президиума Томского областного суда от 30.10.2019 по делу № 4А-378/ 2019. Текст электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения 10.04.2026).

Специфика правового регулирования ипотеки предприятия в российском гражданском праве

Тимергалеева Марина Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Файзрахманова Лейсан Миннуровна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует отечественное правовое регулирование ипотеки предприятия. В данном исследовании рассматриваются существующие проблемы как в теории, так и на практике, где по итогу автор приходит к своим собственным обоснованным выводам, которые могут быть полезны для изменения законодательства и для дальнейших исследований в области права.

Ключевые слова: ипотека предприятия, правовое регулирование, гражданское право.

Анализ положений абз. 1 п. 1 ст. 336 ГК РФ свидетельствует о том, что предметом ипотеки (залога) может также быть предприятие как имущественный комплекс. В этой связи примечательно отметить положения ст. 69 ФЗ «Об Ипотеке», где установлено, что при ипотеке предприятия право залога распространяется на все входящее в его состав имущество.

Предприятие передается в ипотеку только при наличии согласия собственника такого имущества, если согласие не получено, то договор является ничтожным. По общему правилу в состав заложенного имущества входят относящиеся к данному предприятию материальные и нематериальные активы, однако иное может быть предусмотрено в тексте договора [2, с. 40].

В силу особенности с точки зрения состава, содержания при оценке возможности залога предприятия, как правило, анализируются активы по-отдельности на предмет определения ликвидности.

Вопрос о том, кто будет являться владельцем предмета залога (предприятия) разрешается сторонами самостоятельно. Тем не менее, в п. 1 ст. 338 ГК РФ установлено общее правило о том, что заложенное имущество остается за залогодателем, хотя иное может быть установлено законом или договором. В силу п. 1 ст. 335 ГК РФ залогодателем может быть и сам должник по основному обязательству, и третье лицо. Залогодержатель получает вещь во владение только тогда, когда это прямо согласовано сторонами или на это указано в договоре.

Что касается пользования вещью, то необходимо отметить следующее. Согласно п. 1 ст. 346 ГК РФ посессорный залогодатель имеет право пользования предметом залога, т. е. извлекать из него плоды и доходы. Установленная презумпция наличия права пользования является экономически верной, поскольку само по себе владение предприятием (как в данном случае) никакого экономического эффекта не дает, а залогодатель, будучи, например, собственником предприятия и должником по основному обязательству может зарабатывать на использовании предприятия в целях погашения задолженности перед залогодержателем [1, с. 298].

Пользование предприятием в соответствии с его назначением означает, что залогодатель должен действо-

вать как разумный средний участник оборота, задействуя производственные мощности согласно их технической и иной подобной цели. Если в составе предприятия есть товарные знаки, значит, залогодатель может использовать такие товарные знаки в целях извлечения прибыли по передаче исключительных прав по лицензионному договору или же использовать товарный знак в целях рекламы, обозначения производимой продукции, товаров, услуг.

В теории может возникнуть следующий вопрос: может ли следовать из существа залога, что залогодателю запрещено использовать предмет залога? На наш взгляд, на данный вопрос стоит ответить утвердительно, а потому стоит уточнить действующую норму в ст. 346 ГК РФ, чтобы разрешить существующую дискуссию.

Обоснование данной позиции заключается в следующем: в п. 1 ст. 346 ГК РФ прямо допускает возможность ограничения пользования предметом залога не только на основании договора, но и существа залога. При этом в отношениях предшествующего и последующего залогов необходимо учитывать, что в силу п. 1 и 2 ст. 342 ГК РФ последующий залог подчинен старшинству предшествующего залога, а если предшествующий устанавливает условия, на которых допускается последующий залог, такие условия подлежат соблюдению. Следовательно, залогодатель не вправе ссылаться на общее правило о пользовании предметом залога, закрепленное в п. 1 ст. 346 ГК РФ, если такое пользование исключено условиями предшествующего залога [3, с.63].

Что касается возможности залогодержателя пользоваться предприятием, то в силу п. 5 ст. 346 ГК РФ это возможно, только в случае предварительного разрешения на это в договоре. В ином случае это будет считаться нарушением со стороны залогодержателя.

Помимо прочего в теории и на практике возникает вопрос о соотношении правомочий по использованию предприятия и нормы ст. 343 ГК РФ, которая предусматривает сохранность заложенного имущества. Дело в том, что предприятие как функционирующий экономический организм не может существовать и находится постоянно в статике. Продукция производится, продается, уничтожается в связи с браком или не ликвидностью, основные средства изнашиваются и меняются, новые произ-

водственные мощности постоянно приобретаются и т. д. С точки зрения содержания предприятия постоянно меняется в силу экономической его сущности. Ни залогодатель, ни залогодержатель, которые эксплуатируют предприятие, не могут гарантировать того, что стоимость предприятия в каждый конкретный момент времени будет стабильной и будет соответствовать той цене, которую сторона определения в договоре залога в качестве стоимости предмета залога [6, с.78].

Согласно подп. 3 п. 1 ст. 343 ГК РФ владелец заложенной вещи обязан не совершать действий, которые могут повлечь утрату заложенного имущества или же уменьшение его стоимости. Аналогичное положение отражено и в ст. 72 ФЗ «Об ипотеке». Формально такое снижение стоимости может происходить постоянно, как мы указывали ранее. Нарушение такой императивной обязанности подп. 3 п. 1 ст. 343 ГК РФ может стать основанием для требования о досрочном исполнении обязательства залогодателем на основании подп. 2 п. 2 ст. 351 ГК РФ или же основанием для прекращения залога по п. 1 ст. 353 ГК РФ, если нарушителем являлся пользующийся залогодержатель [4, с. 318].

Полагаем, что решить данную проблему может помочь норма подп. 2 п. 1 ст. 343 ГК РФ, где указано, что владеющее залоговым предметом лицо обязано, помимо прочего, пользоваться вещью таким образом, как это указано в ст. 346 ГК РФ. Напомним, согласно п. 1 ст. 346 ГК РФ пользование должно осуществляться в соответствии с на-

значением предмета залога, должно соответствовать существу договора залога. В силу самой природы предприятия он изменяется, а значит постоянное его изменение имущественной ценности не может рассматриваться в качестве нарушения обязанности, установленной в подп. 2 п. 1 ст. 343 ГК РФ [5, с. 34].

В то же время, необходимо оговориться в том ключе, что как только нарушения в пользовании вещью выходят за пределы обычно, нормального пользования, когда становится очевидным, имущественная ценность предприятия падает, и происходит это вовсе не ввиду рыночной какой-то конъюнктуры, а в силу неумелого менеджмента или в вовсе сознательных противоправных действий, то мы должны констатировать нарушение нормы подп. 2 п. 1 ст. 343 ГК РФ. Это будет влечь негативные последствия, установленные на такой случай в нормах ст. 351, 352 ГК РФ.

При оценке того, насколько залогодатель или залогодержатель нарушил обязанность пользоваться предприятием согласно п. 1 ст. 346 ГК РФ, необходимо пользоваться принципом разумности деловых решений. Данный принцип предполагаем, что действия, совершаемые пользователем, должны оцениваться на предмет их разумности, добросовестности с учетом тех данных, информации, той ситуации, при которой действовать залогодатель или залогодержатель. Иначе говоря, мы должны установить, поступил бы так же на его месте разумный средний участник оборота или же нет. Если нет, то налицо нарушение подп. 3 п. 1 ст. 343, п. 1 ст. 346 ГК РФ.

Литература:

1. Белоусова, В. Р. Залог как вид обеспечения вещественных прав / В. Р. Белоусова, В. В. Петров. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 6 (234). — С. 297–300.
2. Герасимович, А. В. Недостатки современного законодательного регулирования ипотеки / А. В. Герасимович. — Текст: непосредственный // Правовой альманах. — 2025. — № 5 (45). — С. 39–46.
3. Мишина, Е. В. Ипотечное кредитование: проблемы теории и практики / Е. В. Мишина. — Текст: непосредственный // Алея науки. — 2021. — № 10. — С. 61–67.
4. Сафронов, В. В. Общая характеристика института ипотеки (залога недвижимости) / В. В. Сафронов, И. Д. Чурбакова. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 8 (236). — С. 317–321.
5. Томкович Р. Р. Ипотека предприятия как имущественного комплекса / Р. Р. Томкович. — Текст: электронный // Промышленно-торговое право. — 2009. — № 2. — С. 33–38. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46596251> (дата обращения: 24.04.2026).
6. Шкундин, М. М. Особенности ипотеки предприятия как имущественного комплекса / М. М. Шкундин. — Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2008. — № 6. — С. 78–82.

Криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Тихонов Денис Евгеньевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматриваются понятие и значение криминалистической характеристики преступления в целом, криминалистической характеристики мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ) как разновидности преступлений против собственности. Также рассматривается структура криминалистической характеристики мошенниче-

ства и корреляционные связи между ее элементами. Также анализируются особенности некоторых элементов криминалистической характеристики мошенничества с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: мошенничество, криминалистическая характеристика, элементы, сеть Интернет, сайты знакомств.

Мошенничество — преступление, закреплённое в ст. 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] и являющееся одной из форм хищения. В соответствии с данными о состоянии преступности на 2025 год мошенничество является вторым по распространенности преступлением в России, уступая лидирующее место другой форме хищения — краже.

В условиях повсеместной цифровизации одной из современных тенденций преступлений против собственности стало хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, совершаемые с использованием электронных средств платежей, что приводит к необходимости новой разработки криминалистического обеспечения по тактике и методике расследования таких преступлений.

В соответствии со статистическим данным удельный вес мошенничества (159–159.6 УК РФ) за январь–декабрь 2025 года составляет 22,3 %, за 2024 год — 23,3 %, за 2023 год — 22,3 %, за 2022 год — 17,4 %, 2021 год — 16,9 %, 2020 год — 16,4 %. Однако с точки зрения раскрываемости ситуация следующая: за 2025 год — 16,1 %, за 2024 год — 16,2 %, 2023 год — 18,2 %, 2022 год — 21,3 %, 2021 год — 20,5 %, 2020 год — 20,5 %. [7]

При этом, за 2025 год доля зарегистрированных преступлений группы «мошенничества» (159–159.6 УК РФ) с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в том числе, сети Интернет, средств мобильной связи) составила 84,5 % от общего количества зарегистрированных данных преступлений и доля раскрываемости — 10,2 %. [7]

Таким образом, ежегодно наблюдается ежегодное увеличение доли преступлений рассматриваемой категории со значительным снижением уровня раскрываемости, что свидетельствует о необходимости усовершенствования методики и тактики расследования мошенничества.

Криминалистическая характеристика преступлений — это научная категория, в которой с определенной степенью единства отражены стандартные признаки и свойства события, обстановки, способа совершения общественно опасных деяний определенной классификационной группы, процесса формирования и локализации следов, типологические качества личности и поведения виновных, потерпевших, устойчивые особенности иных объектов посягательства, а также связи и отношения между всеми перечисленными структурными элементами. [2, с. 119].

С точки зрения значения криминалистической характеристика преступлений рассматривается в аспектах прикладного (практического) применения, то есть как «рабочий инструмент» следователя, и как основу частных

криминалистических методик. Указанный подход разделяет профессор, доктор юридических наук В. М. Прошин. [5, с. 146–148]

Далее следует перейти к рассмотрению криминалистической характеристики мошенничества.

Как верно отмечалось в учебнике по криминалистике, «предметом мошенничества является: 1) чужое имущество (денежные средства как в валюте Российской Федерации, так и в иностранной валюте, ценные бумаги, ювелирные изделия, произведения искусства; 2) право на чужое имущество (объекты недвижимости); интеллектуальная собственность» [4]. Особенности предмета совершения мошенничества с использованием сети «Интернет» является посягательство на криптовалюту или перевод похищенных средств в криптовалюту, что снижает возможность российских правоохранительных органов отследить движение указанной цифровой валюты, поскольку информационно-технические комплексы, системы и их операторы преимущественно сосредоточены на территориях недружественных стран.

Способы совершения мошенничества в связи с большим количеством закрепленных в УК РФ составов преступлений отличается разнообразностью.

Некоторые ученые разделяют способы совершения мошенничества по новизне (используемым средствам). Так к устоявшимся способам совершения выделяют: «ломка», т. е. незаметный сгиб и изъятие нескольких денежных купюр при пересчёте; «мнимое представительство», т. е. участие в сделке лица, не имеющего на это прав; «кукла» — вид мошенничества, при котором злоумышленник рассчитывается за что-либо фальшивыми пачками денег (купюр) [3, с. 108], а также «шулерство», т. е. обман при игре в карты, «фармазонство», т. е. продажа поддельных драгоценностей.

В настоящее время вышеперечисленные способы совершения мошенничества появляются все реже, поскольку более эффективно использовать современные технологии.

Ко второй группе способов совершения мошенничества относятся более современные (с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Например, Е. С. Сивчук, Е. В. Смахтин, предлагали следующий перечень: «фишинг; вишинг (разновидность фишинга), фарминг, кликфорд и нигерийские письма». [6, с. 18–19]

Помимо указанных видов к данной группе можно отнести мошенничества с помощью служб (ботов, сайтов) знакомств. Указанные ресурсы используются в двух аспектах: 1) поиск потерпевшего посредством: предоставления интимных услуг по «предоплате», порнографических фото-видеоматериалов; предложения встретиться

в «театре», оформив билеты на поддельном сайте и т. д.; 2) поиск посредников (курьеров) для совершения преступлений, преимущественно для получения денежных средств и перевода их в криптовалюту.

В связи со значительным разнообразием способов и схем совершения мошенничества существует большой перечень оставленных следов преступления. Однако наиболее частые в настоящее время — электронные доказательства: данные в памяти персонального компьютера, смартфона или в облачном хранилище файлов в интернете [4].

При этом, с личностью преступника (мошенника) прямым образом связан способ совершения мошенничества. Так, Е. С. Сивчук, Е. В. Смахтин приводят следующий пример: «специфика способа совершения мошенничества с использованием компьютерных технологий свидетельствует о наличии профильного среднего или среднего специального образования, обладают хорошими техническими знаниями, владеют компьютерной терминологией» [6, с. 36].

Личность жертвы мошенничества. Потерпевшие от мошеннических действий условно подразделяются на две категории. Так, авторы учебника по криминалистике приводят следующую классификацию:

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г.: по состоянию на 09.03.2020. Москва: Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. Алиева, А. М. Понятие криминалистической характеристики преступлений / А. М. Алиева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 6 (192). — С. 119–121.
3. Грицаев, С. И. Способы совершения мошенничества как элемент криминалистической характеристики мошенничества / С. И. Грицаев, В. С. Жебет. — Текст: непосредственный // Вестник экономики и права. — 2025. — № 102. — С. 106–112.
4. Криминалистика. Учебник по криминалистике (часть 3). — Текст: электронный // sdo.academy-skrf.ru: [сайт]. — URL: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/krim/ch3/public_html/index.html (дата обращения: 20.04.2026).
5. Прошин, В. М. Прикладное значение криминалистической характеристики преступлений / В. М. Прошин. — Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 2. — С. 146–148.
6. Сивчук, Е. С., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности расследования мошенничества / Е. С. Сивчук, Смахтин Е. В. — Текст: электронный // utmn.ru: [сайт]. — URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/6007/1/SivchukES_2020.pdf (дата обращения: 20.04.2026).
7. Состояние преступности. — Текст: электронный // Главный информационно-аналитический центр МВД России: [сайт]. — URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/folder/101762> (дата обращения: 20.04.2026).

1) лица с неосмотрительным, доверчивым поведением: пенсионеры (люди пожилого возраста), либо несовершеннолетние. По гендерному признаку — преимущественно женщины,

2) граждане изначально с корыстными мотивами, желающие в обход существующим нормами и установленным процедурам получить предназначающееся им благо. [4]

Таким образом, мошенничество является одним из наиболее распространенных преступлений против собственности, что обусловлено спецификой способов его совершения и сокрытия, а также применением новейших средств, с помощью которых оно совершается, в том числе оборот криптовалюты.

В связи со спецификой данного вида преступления, для повышения уровня расследования мошенничеств и для их предотвращения в будущем, необходимо проводить профилактические меры, создавать системы по борьбе с мошенничеством, внедрять такие системы в корпоративную деятельность организаций в целях оперативного выявления и реагирования, а также налаживать международное взаимодействие правоохранительных органов с операторами информационных комплексов, фиксирующих криптовалютные операции.

Институт подведомственности в гражданском и арбитражном процессе: последствия отказа и перспективы восстановления

Уфимцева Елизавета Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Минбалева Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются последствия исключения института подведомственности из гражданского и арбитражного процесса в связи с реформой процессуального законодательства. Анализируются научные подходы к этой но-

вации. Обосновывается, что, несмотря на формальный отказ от данного института, его элементы сохраняют значение в правоприменении. Делается вывод о целесообразности восстановления института подведомственности.

Ключевые слова: подведомственность суда, компетенция суда, гражданский процесс, арбитражный процесс, судебная реформа.

Institute of jurisdiction in civil and arbitration procedure: consequences of refusal and prospects for restoration

Ufimtseva Elizaveta Olegovna, master's student

Scientific advisor: Minbaleev Alexey Vladimirovich, doctor of law, professor
Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

This article examines the consequences of eliminating the concept of jurisdiction from civil and arbitration proceedings in connection with the reform of procedural legislation. It analyzes scholarly approaches to this innovation. It argues that, despite the formal abandonment of this concept, its elements remain significant in law enforcement. It concludes that it is advisable to restore the concept of jurisdiction.

Keywords: court jurisdiction, court competence, civil procedure, arbitration procedure, judicial reform.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ [3] (далее — Закон № 451-ФЗ) действовавшее ранее понятие «подведомственность» было ликвидировано в арбитражном и гражданском процессуальных кодифицированных актах. Причиной этих законодательных новаций явилось убеждение законодателя о потере этой правовой категорией в современных условиях целесообразности, следствие чего это понятие было в указанных кодексах заменено на понятие «компетенция».

Целесообразность внедрения подобных правовых новаций заместитель Председателя Верховного Суда РФ В. И. Нечаев аргументирует тем, что категория подведомственности не подходит к специфике действующего сегодня процессуального закона по гражданским делам. Ранее, пишет этот специалист, применение этого института оправдывалось тем, что в шестидесятые годы прошлого века разрешение возникающих хозяйственных конфликтов между предприятиями относилось к полномочиям арбитражей, включенных в существующую тогда структуру исполнительных органов, ввиду чего требовалось разграничить компетенцию этих органов и судов. Однако в современных условиях потребность в указанной правовой категории, по заключению ряда видных экспертов, утратила актуальность, главным образом вследствие того, что оба вида судов по гражданским спорам в текущий момент объединены под процессуальным началом Верховного Суда РФ [6].

И. В. Астапчик пишет, что можно указать на потребность в установлении единства судебной системы нашего государства: поскольку, в 2014 г. Высший Арбитражный Суд РФ прекратил свою деятельность, суды по гражданским делам обоих видов были подчинены процессуально Верховному Суду РФ, таким образом, на практике установилась, в известной мере, единая система относительно этих судов, вследствие чего, считает указанный исследователь проблемы, рассмотрение дел в арбитражных судах

должно опираться на категорию подсудности с учетом ее характерных отличий [4, с. 30].

Однако у немалого количества ученых рассмотренные выше правовые преобразования соответствующих процессуальных отношений вызывают негативную оценку. Например, В. Н. Козлова пишет, что игнорирование категорий подведомственности и подсудности при наличии структурно непростой судебной системы, содержащий виды судов различной юрисдикции, на практике представляется невыполнимым, ввиду того что «критерии разграничения компетенции между судами двух подсистем остаются теми же, что и раньше» [8, с. 91].

Е. А. Борисова, в свою очередь, указывает, что для ликвидации привычной категории «подведомственность» нет никаких реально объективных потребностей [5].

М. А. Егорова выражает мнение, что устранение из процессуального закона категории «подведомственность» создаст неоправданные трудности в правоприменении [7, с. 76].

Известный автор В. В. Ярков усматривает в будущем ввиду обозначенных правовых преобразований возникновение проявлений юридического пуризма при определении компетенции суда по некоторым делам, возможности появления при определенных обстоятельствах двойной или тройной подведомственности вследствие «отсутствия четких критериев для разграничения предметов ведения судов» [9, с. 95].

Эти замечания видятся справедливыми. Ликвидация законодателем института подведомственности с 1 октября 2019 г. в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [1] (далее — АПК РФ) и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее — ГПК РФ) создает сложности в определении компетентного суда как для заявителей, так и для самих судов, ведет к нарушению единообразия судебной практики. Несмотря на исключение обозначенной категории

из указанных отраслей процессуального законодательства, фактическая необходимость учитывать критерии подведомственности и подсудности при разграничения юрисдикции судов остается актуальной. При подаче иска заявители по-прежнему вынуждены анализировать эти критерии, чтобы направить дело в судебную инстанцию, имеющую соответствующие полномочия для его рассмотрения.

Таким образом, отказ от института подведомственности представляется не вполне оправданным в условиях сложной структуры судебной системы, включающей как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды. В современных правовых реалиях такой шаг видится преждевременным. В связи с этим, представляется целесообразным, пересмотреть данное законодательное нововведение и восстановить институт подведомственности в арбитражном и гражданском процессе.

Соответственно, предлагается внести необходимые изменения в АПК РФ и ГПК РФ.

В АПК РФ изменить наименование статьи 27 на «Подведомственность дел арбитражному суду», а также в частях 3, 4, 5 заменить термин «компетенция» на термин «подведомственность»; изменить наименование статьи 28 на «Подведомственность экономических споров и иных дел, возникающих из гражданских правоотношений»; изменить наименование статьи 29 на «Подведомственность экономических споров и других дел, возникающих из административных и иных публичных

правоотношений»; изменить наименование статьи 30 на «Подведомственность дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение»; изменить наименование статьи 31 на «Подведомственность дел, связанных с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов»; изменить наименование статьи 32 на «Подведомственность арбитражным судам дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений».

В ГПК РФ изменить наименование главы 3 на «Подведомственность и подсудность»; изменить наименование статьи 32 на «Подведомственность гражданских дел судам», а также в части 4 заменить термин «подсудность» на термин «подведомственность».

Выводы

Законодателем ликвидирована категория подведомственности между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Однако данная категория, не смотря на исключение из норм ГПК РФ и АПК РФ, сохраняет свое практическое и доктринальное значение, не исчерпала себя и остается критерием отнесения юридических дел к компетенции разнородных юрисдикционных органов. Ввиду чего, представляется целесообразным восстановить этот институт в арбитражном и гражданском судопроизводстве.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 49 (часть I). — Ст. 7523.
4. Астапчик, И. В. Проблемные аспекты определения компетенции арбитражных судов РФ / И. В. Астапчик // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 5–3 (56). — С. 29–34.
5. Борисова, Е. А. Снижение судебной нагрузки ставится во главу угла преобразований процессуального законодательства / Е. А. Борисова // СПС КонсультантПлюс.
6. ВС РФ предлагает существенно скорректировать процессуальные кодексы // СПС КонсультантПлюс.
7. Егорова, М. А. Компетенция судов: новые правила и механизмы / М. А.Егорова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. — 2018. — № 1 (20). — С. 73–79.
8. Козлова, В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» / В. Н. Козлова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 7. — С. 89–93.
9. Ярков, В. В. Изменение правил разграничения предметов ведения между судами: новые слова и/или новые решения? / В. В. Ярков // Закон. — 2019. — № 4. — С. 92–97.

Типичные способы совершения мошенничества в сети Интернет и их криминалистическое значение

Федотов Андрей Сергеевич, студент магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются типичные способы совершения мошенничества в сети Интернет с позиций криминалистической характеристики преступления. Анализируются современные подходы к классификации интернет-мошенничеств, включая традиционные схемы (фишинг, поддельные сайты, вредоносное программное обеспечение) и новые формы, основанные на использовании технологий искусственного интеллекта. Делается вывод о смещении акцента с непосредственно производимых технических взломов на методы социальной инженерии, а также о необходимости адаптации законодательства и применяемых методик к изменяющимся условиям цифровой среды.

Ключевые слова: мошенничество, дистанционное мошенничество, фишинг, социальная инженерия, криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, цифровые технологии, дипфейки, доказательства.

Вопрос о способах совершения мошенничества в сети Интернет приобретает особую актуальность в условиях стремительного развития цифровых технологий и активного использования гражданами всевозможных онлайн-коммуникаций. По сути, именно способ совершения преступления позволяет выявить его внутреннюю структуру и определить направление расследования.

В криминалистике данный элемент традиционно рассматривается как системообразующий, поскольку он предопределяет как характер следов, так и алгоритм действий правоохранительных органов [5, с. 198]. Согласимся с указанной точкой зрения и отметим, что в условиях цифровой среды, в которой наличие материальных следов минимизировано, именно способ совершения преступления (в нашем случае — мошенничества) является основой для понимания механизма содеянного. При этом следует учитывать, что Интернет-мошенничество характеризуется высокой изменчивостью. Если в классических формах преступной деятельности способы преступления считаются относительно стабильными, то в Интернет-пространстве они трансформируются практически синхронно с развитием технологий.

Рассматриваемая особенность обуславливает необходимость постоянного обновления криминалистических подходов, что, на практике, реализуется не всегда своевременно.

Одним из наиболее распространённых способов совершения Интернет-мошенничеств остаётся фишинг. Как верно отмечают В. Ю. Галченкова, Е. Н. Зуева и К. В. Левшина, его сущность заключается в обманном получении конфиденциальной информации путем имитации взаимодействия с доверенным субъектом [2, с. 145].

Данный способ включает несколько последовательных этапов, в том числе — создание поддельного ресурса, рассылку сообщений и последующее использование полученных данных. Интересную интерпретацию данного способа совершения мошенничества в сети Интернет предлагает К. В. Казанин, указывая на двойственную природу фишинга [4, с. 106]. Автор справедливо отмечает, что преступление включает в себя непосредственный обман

человека и последующее автоматизированное списание средств.

Представляется, что ключевой особенностью фишинга является не столько технический аспект, сколько психологическое воздействие на потерпевшего. Именно фактор доверия и срочности побуждает пользователя самостоятельно передавать данные, что сближает фишинг с традиционным мошенничеством.

Отметим также, что в научной литературе обоснованно указывается на проблемы квалификации Интернет-мошенничества, совершенного посредством фишинга. К примеру К. В. Шамсутдинова и Э. А. Шайхутдинов полагают, что правоприменитель нередко игнорирует стадию обмана потерпевшего, концентрируясь исключительно на техническом списании средств [10, с. 881]. Такая практика вызывает сомнения, поскольку игнорирует психологическую составляющую преступления.

Не менее распространенными являются схемы, основанные на использовании поддельных Интернет-ресурсов.

В. Н. Долинин выделяет целый ряд таких способов, в том числе, создание фальшивых сайтов банков, интернет-магазинов, сервисов продажи билетов [3, с. 37]. Общей чертой выделяемых учеными способов является имитация легитимной деятельности. При этом криминалистическое значение подобных способов заключается в формировании специфической следовой картины, при которой остаются цифровые следы регистрации доменов, IP-адреса, платёжные транзакции. В данном случае расследование требует активного использования технической экспертизы.

Отдельную группу составляют преступления, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения.

А. В. Сычева в этой связи указывает на распространенность вирусов-вымогателей, программ для перехвата данных и поддельных мобильных приложений [8, с. 50]. Здесь уже акцент смещается в сторону технического воздействия, однако и в этих случаях первоначальный контакт часто осуществляется через социальную инженерию

(в качестве примера укажем отправку ссылки под видом сообщения от знакомого). В этой связи можно сделать закономерный вывод об условности границы между техническими и, так называемыми, психологическими способами совершения преступления.

Особый интерес представляют мошеннические схемы, ориентированные на несовершеннолетних. Использование игровых платформ, обещания лёгкого заработка, фиктивные инвестиционные проекты и другие подобного рода способы указывают на то, что преступники успешно адаптируются к особенностям поведения конкретной аудитории. В подобных случаях способ совершения преступления включает в себя также и некоторые элементы манипуляции, рассчитанные на недостаточный жизненный опыт потерпевших (что обусловлено и подтверждается социальными, возрастными и психологическими особенностями личности несовершеннолетних). Сказанное позволяет сделать вывод о важности учета психологических факторов при расследовании.

Современный этап развития Интернет-мошенничества связан с внедрением технологий искусственного интеллекта. В этой связи приведем точку зрения Д. И. Насибуллиной, которая обоснованно обращает внимание на появление схем, основанных на имитации голоса и внешности человека [7]. К. К. Масакбаева дополняет эту позицию, указывая на использование *deepfake*-технологий [6, с. 217].

Данные способы существенно повышают убедительность обмана. Если ранее мошенник должен был лишь создать правдоподобный текст, то теперь он способен воспроизвести поведение конкретного лица. Не вызывает сомнений, что подобные действия представляют собой качественно новый уровень совершения мошенничеств в сети Интернет и требуют кардинального пересмотра традиционных (и не адаптированных к таким качественным изменениям) криминалистических подходов.

Анализ различных классификаций способов совершения мошенничества в сети Интернет, предлагаемых в доктринальных источниках (А. В. Сычева [8], Л. Х. Биттиева [1], В. Н. Долинин [3], И. С. Чуб [9]) позволяет вы-

явить общую тенденцию, в рамках которой происходит смещение акцента с преодоления технических средств защиты на воздействие исключительно на поведение пользователя. Иными словами, объектом атаки становится не система, а конкретный человек. Представляется, что именно это обстоятельство является в наши дни ключевой характеристикой современного Интернет-мошенничества.

Криминалистическое значение способа совершения преступления проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, он определяет характер следов. В цифровой среде это, как правило, лог-файлы, данные о сетевых соединениях, информация о транзакциях. Во-вторых, способ позволяет выдвигать версии о личности преступника (например, использование сложных технических средств может указывать на определенный уровень подготовки). В-третьих, он влияет на тактику следственных действий, от выбора экспертиз до определения круга лиц, подлежащих допросу. Вместе с тем использование сведений о способе совершения преступления связано с рядом проблем, например: высокая динамичность способов затрудняет их систематизацию, цифровые следы могут быстро утрачивать актуальность. Существует также и проблема международного характера преступлений, когда элементы преступной деятельности распределены между различными юрисдикциями (в данном случае ключевые сложности вызваны сбором доказательств).

Нормативное регулирование в данной сфере также не всегда успевает за практикой. Несмотря на наличие конкретных статей в уголовном законодательстве, предусматривающих ответственность за мошенничество и преступления в сфере компьютерной информации, их применение вызывает сложности (особенно это касается квалификации деяний, сочетающих элементы обмана и несанкционированного доступа). Представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно учитывать комплексный характер таких преступлений. Современные тенденции свидетельствуют о доминировании социальной инженерии при сохранении значимости технических средств.

Литература:

1. Биттиева Л. Х., Магомедов М. Н. Способы совершения мошенничеств в сети Интернет // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2. № 10. С. 135–139.
2. Галченкова В. Ю., Зуева Е. Н., Левшина К. В. Криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного с использованием сети Интернет // Наука и бизнес: пути развития. 2021. № 7. С. 145–146.
3. Долинин В. Н. Классификация способов совершения мошенничества в отношении имущества физических лиц // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2 (98). С. 37–40.
4. Казанин К. В. Фишинг как способ совершения мошенничества в сети Интернет: уголовно-правовой анализ // Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Пенза, 2026. С. 105–109.
5. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026.
6. Масакбаева К. К. О некоторых современных способах совершения мошенничеств в сети Интернет // В сборнике: World of science. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 214–218.

7. Насибуллина Д. И. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики. 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://conf.siblu.ru/kriminalisticheskaya-harakteristika-moshennichestva-v-sfere-kompyuternoy-informacii> (дата обращения: 22.04.2026).
8. Сычева А. В. К вопросу о некоторых способах совершения мошенничеств в сети Интернет в современных условиях // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 3–2. С. 50–52.
9. Чуб И. С. Мошенничество в сети Интернет: способы совершения и виктимологическая профилактика // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 1 (63). С. 39–42.
10. Шамсутдинова К. В., Шайхутдинов Э. А. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы студенческой науки. 2025. Выпуск № 5 (105). С. 878–883.

Отдельные вопросы правовой регламентации назначения уголовного судопроизводства

Филиппи Юлия Юрьевна, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

В исследовании рассмотрены и проанализированы отдельные вопросы правовой регламентации назначения уголовного судопроизводства в части. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что защита прав и интересов личности осуществлялась в частности и в отношении невластных субъектов, которыми являются защитники и законные представители. Также законодатель должен определить и закрепить чёткий круг лиц, которые имеют право участвовать в обеспечительной деятельности.

Ключевые слова: правовая регламентация, уголовное судопроизводство, назначение уголовного судопроизводства, обеспечительная деятельность, защита прав и интересов.

Certain issues of legal regulation of the purpose of criminal proceedings

Filippi Julia Yurievna, student

East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

The study examines and analyzes certain issues of legal regulation of the purpose of criminal proceedings in part. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the protection of the rights and interests of individuals was carried out, in particular, with regard to non-authoritative subjects, such as defenders and legal representatives. The legislator should also define and establish a clear list of individuals who have the right to participate in security activities.

Keywords: legal regulation, criminal proceedings, purpose of criminal proceedings, security activities, protection of rights and interests.

Вся система уголовно-процессуальной деятельности направлена на выполнение задач уголовного процесса. Процесс достижения данной цели в современной юридической науке именуется назначением уголовного судопроизводства. Сами цели назначения уголовного судопроизводства формулируются в статье 6 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в виде следующих положений: «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания; отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» [1].

Если мы осуществим правовые ориентиры советской системы назначения уголовного судопроизводства и рос-

сийской системы, то нами будут обнаружены специфические черты в расстановке приоритетов. В советское время целью уголовного судопроизводства было изобличение всех виновных лиц, но в настоящее время приоритетом является конкретно уголовное преследование. Здесь возникает логичный дискуссионный вопрос о том, насколько правильно законодатель сформулировал такое целеполагание. Законодатель всё больше внимания обращает на защиту прав и свобод человека и гражданина, обращаясь к защите как к важнейшему правовому институту. Именно на эти формы защиты обращает внимание законодатель, раскрывая назначение уголовного судопроизводства.

В действительности, некачественно проведённая работа в части уголовного преследования, может повлечь реализацию защиты прав пострадавшей стороны не в полном объёме, что будет нарушать права человека.

Такой же механизм работает и в обратную сторону, где невиновный человек не может быть подвержен уголовному наказанию.

Считаем, что как бы ни был выбран вектор уголовного судопроизводства, для каждого из них должна действовать своя норма права. Если обратиться к статье 6 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, то можно сказать о том, что основным её целевым ориентиром является защита прав и интересов личности, что безусловно является индикатором гуманности закона. Считаем, что такая формулировка в норме закона не является безупречной и требует того, чтобы защита прав и интересов личности осуществлялась в частности и в отношении невластных субъектов, которыми являются защитники и законные представители.

Также в статье 16 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации речь идёт об обеспечительной деятельности государственных органов и должностных лиц по отношению к подозреваемому или обвиняемому

[1]. Подчеркнём, что сущность обеспечительной деятельности по смысловой практической нагрузке коррелируется с правозащитной деятельностью, что также в обязательном порядке должно быть отражено в формулировках назначения судопроизводства. Законодатель должен определить и закрепить чёткий круг лиц, которые имеют право участвовать в обеспечительной деятельности. Перечень должностных лиц гораздо шире «остальных субъектов», что необходимо уточнять и корректировать в уголовно-процессуальном законодательстве.

Таким образом, назначение уголовного судопроизводства нуждается в уточнении некоторых очень важных вопросов в части правовой регламентации. Важно не только закрепить в качестве дополнительного вектора Судебными проблемами вопросами явились уточнения в части обеспечительной деятельности, а также иных уточнений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в назначении уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 08.02.2026).
2. Реброва, В. С. Понятие и сущность процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства / В. С. Реброва // Право и управление. — 2025. — № 1. — С. 179–182.

Международно-правовое регулирование использования спутников для мониторинга морских ресурсов

Фокин Сергей Владиславович, аспирант

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

В рамках глобальной цели по охране не менее 30 % Мирового океана к 2030 году («30×30») и вступления в силу Соглашения BBNJ (2026) мониторинг морских охраняемых районов (МОР) в открытом море приобретает особую актуальность. Традиционные средства контроля (патрульные суда, инспекторы) в удалённых акваториях открытого моря часто оказываются экономически неэффективными или физически недоступными. В настоящей статье анализируются, насколько современные спутниковые технологии дистанционного зондирования Земли (Earth Observation Tools, EO), включая синтетическую апертурную радиолокацию (SAR), оптические сенсоры и их интеграцию с системами AIS/VMS, соответствуют требованиям международного морского права. Особое внимание уделяется обязательствам государств по должной осмотрительности (due diligence) в рамках статей 192 и 194 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS), а также возможностям третьих государств использовать спутниковые данные для выявления нарушений, в том числе IUU-рыболовства.

Ключевые слова: спутниковый мониторинг, морские ресурсы, UNCLOS, BBNJ, Earth Observation, открытое море, IUU-рыболовство, морские охраняемые районы.

Международно-правовая основа использования спутниковых технологий

Международно-правовую основу применения спутниковых технологий для мониторинга морских ресурсов составляет прежде всего Конвенция ООН по морскому

праву 1982 года (UNCLOS) [1]. Статьи 192 и 194 UNCLOS возлагают на все государства обязанность защищать и сохранять морскую среду, в том числе редкие и уязвимые экосистемы. Эти обязательства носят характер **должной осмотрительности (due diligence)** — обязательства поведения, а не результата, — и требуют применения «наи-

лучших имеющихся средств» (best available techniques) и «наилучших практически применимых средств» (best practicable means) с учётом имеющихся у государства возможностей.

Должная осмотрительность требует от государств применения наилучших имеющихся технических и практических средств (best available techniques and best practicable means), соразмерных их возможностям и уровню риска. В условиях открытого моря и особенно в отношении морских охраняемых районов (МОР) такой стандарт становится особенно строгим, поскольку ущерб уязвимым экосистемам часто носит необратимый характер. [4]. Спутниковые технологии (SAR, оптические сенсоры, интеграция с AIS/VMS) прямо подпадают под эту категорию как «наилучшие практически применимые средства» для мониторинга морских охраняемых районов (МОР) в открытом море. Должная осмотрительность особенно строга в отношении уязвимых экосистем МОР и требует от государств принятия административных мер, включая мониторинг, для предотвращения ущерба.

Государства флага обладают **исключительной юрисдикцией** над своими судами в открытом море (ст. 92 UNCLOS) и обязаны эффективно осуществлять юрисдикцию и контроль (ст. 94 UNCLOS) в административных, технических и социальных вопросах. Эта обязанность, как разъяснил ITLOS в консультативном заключении по делу SRFC (2015), распространяется на предотвращение IUU рыболовства и требует принятия «необходимых административных мер, включая меры мониторинга», чтобы суда под их флагом не подрывали обязательства государства по сохранению морских живых ресурсов [4, с. 23]. Недавние исследования подтверждают: «независимо от каких-либо специальных обязательств по инструменту МОР, государства флага не только вправе, но и обязаны согласно UNCLOS осуществлять надзор за своими судами, в том числе всеми доступными инструментами, в соответствии со своими возможностями». Таким образом, спутниковый мониторинг является не факультативным, а обязательным элементом должной осмотрительности.

Соглашение BBNJ (вступило в силу в 2026 г.) [4] усиливает этот режим в отношении МОР в открытом море. Статьи 25 и 26 предусматривают создание МОР как разновидности мер по сохранению и устойчивому использованию морского биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции (ABNJ) и требуют включения в проект плана управления МОР положений о мониторинге, исследованиях и обзоре. Однако BBNJ «молчит о конкретных механизмах MCS», оставляя детали на усмотрение Конференции Сторон (COP). Последняя вправе принимать решения, прямо предусматривающие использование спутникового мониторинга в планах управления МОР. Это позволяет интегрировать ЕО — инструменты в режим МОР без внесения изменений в текст Соглашения.

Дополнительно применяются региональные режимы (RFMO, такие как CCAMLR и NEAFC) и Соглашение о рыбных запасах 1995 г. (ст. 20) [3], которые предусматри-

вают обязанности по мониторингу, уведомлению государства флага и обмену информацией, включая данные спутникового наблюдения.

Принципы ООН по дистанционному зондированию Земли 1986 г. [2] сохраняют актуальность через современные интерпретации в контексте UNCLOS и BBNJ: данные должны использоваться для целей устойчивого развития, передаваться по запросу и служить интересам всех государств, особенно развивающихся. Третьи государства вправе осуществлять наблюдение (surveillance) с помощью ЕО инструментов, не нарушая свободы судоходства, и передавать полученные доказательства (включая спутниковые снимки) государству флага судна для расследования и назначения санкции за выявленные нарушения. Спутниковые данные признаются допустимыми доказательствами в национальных и международных процедурах.

Таким образом, использование спутниковых технологий не только разрешено, но и вменено в обязанность государствам в рамках должной осмотрительности по UNCLOS; пробелы BBNJ в части MCS могут быть восполнены решениями COP.

Спутниковые технологии и их роль в мониторинге морских ресурсов

Спутниковые технологии дистанционного зондирования Земли (Earth Observation (EO) tools) играют ключевую роль в системе мониторинга, контроля и надзора (MCS) за морскими ресурсами, особенно в охраняемых районах в открытом море. Они позволяют осуществлять эффективный контроль в удалённых акваториях, где традиционные средства (патрульные суда, самолёты, наблюдатели) экономически неэффективны или физически недоступны. В условиях вступления в силу Соглашения BBNJ (2026) и глобальной цели «30×30» ЕО инструменты становятся не только вспомогательным, но и обязательным элементом должной осмотрительности государств по UNCLOS.

Основные инструменты мониторинга МОР

Кооперативные системы слежения (VMS и AIS): Vessel Monitoring Systems (VMS) и Automatic Identification Systems (AIS) — это спутниковые системы, требующие установки передатчиков на судах. VMS передаёт данные о позиции и улове с интервалом 1–6 часов (в зависимости от требований RFMO, например, CCAMLR или NEAFC), а AIS обеспечивает непрерывную трансляцию навигационных данных (SOLAS, с 2004 г. обязательно для судов ≥300 GT). Эти системы обеспечивают надёжные данные о местоположении и активности, но относятся к кооперативным: суда могут их отключать («тёмные суда») или манипулировать сигналами. Данные VMS принадлежат государству флага или RFMO, что ограничивает обмен информацией.

Некооперативное обнаружение с помощью SAR (Synthetic Aperture Radar): Синтетическая апертурная

радиолокация (SAR) — основной некооперативный инструмент. Спутники Sentinel1 (ESA, бесплатные данные), Radarsat и другие (TerraSARX, ICEYE) используют микроволновое излучение, позволяющее обнаруживать суда длиной 10–15 м и более даже в условиях полной облачности, ночью и при плохой погоде. SAR покрывает площади от 25 до 225 000 км² за один проход и работает в режимах повторного мониторинга. В отличие от оптических сенсоров, SAR не зависит от освещения и облачности, что делает его идеальным для контроля МОР.

Спутниковые датчики ночного освещения (**Visible Infrared Imaging Radiometer Suite — VIIRS**) фиксируют искусственный свет от рыболовных судов, плавучих фонарей и перегрузки улова. Это позволяет выявлять «тёмные» суда в ночное время и дополняет SAR для всестороннего покрытия. Технология особенно эффективна для обнаружения мелкомасштабного и нелегального промысла в удалённых районах.

Интеграция с искусственным интеллектом (Global Fishing Watch, Skylight и др.): Современные платформы объединяют данные VMS, AIS, SAR и VIIRS с помощью ИИ и машинного обучения. Global Fishing Watch (с 2020 г. активно работает с МОР), Skylight (Allen Institute for AI), Ocean Mind, Earth Ranger и Starboard автоматически анализируют огромные объёмы данных, выявляют аномалии («тёмные суда», подозрительные траектории, перегрузку), прогнозируют риски IUU рыболовства и позволяют оперативно направлять патрули. ИИ снижает нагрузку на операторов и повышает точность интерпретации спутниковых снимков.

Таким образом, применение ЕО-инструментов является не только реализацией требований UNCLOS и BBNJ, но и становится практически необходимым элементом эффективного выполнения обязательств по сохранению морской среды.

Преимущества спутниковых технологий

Один спутниковый проход охватывает сотни тысяч квадратных километров, что невозможно для традици-

онных средств патрулирования. Вместе с этим некооперативные инструменты (SAR, VIIRS) обнаруживают суда, отключившие VMS/AIS, что позволяет осуществлять мониторинг даже без содействия самого судна. Спутниковые изображения признаются судами как допустимые доказательства (примеры: решения французских судов 2025 г. по загрязнению и IUU рыболовству, а также дела в ITLOS и национальных юрисдикциях). Таким образом создаётся презумпция нарушения, если судно не опровергнет данные. Стоимость спутниковых технологий значительно ниже, чем содержание флота, а данные доступны в или с минимальной задержкой.

В настоящий момент спутниковые технологии доказали эффективность мониторинга МОР. Спутниковые данные (включая SAR и ИИ платформы) позволяют выявлять нарушения без физического присутствия инспекторов

Заключение

Спутниковые технологии дистанционного зондирования Земли (Earth Observation), включая SAR, VIIRS и интеграцию с системами AIS/VMS при поддержке искусственного интеллекта, являются эффективным инструментом мониторинга морских охраняемых районов в открытом море. В условиях вступления в силу Соглашения BBNJ в 2026 году и глобальной цели «30×30» они напрямую соответствуют стандарту должной осмотрительности государств по статьям 192 и 194 UNCLOS, выступая в качестве «наилучших практически применимых средств» для предотвращения IUU-рыболовства и защиты уязвимых морских экосистем.

Таким образом, использование ЕО-инструментов переходит из категории вспомогательных средств в обязательную процедуру выполнения международно-правовых обязательств по сохранению морской среды. В контексте BBNJ они также позволяют преодолеть географические и ресурсные ограничения открытого моря, обеспечивая реальную, а не только формальную охрану морских охраняемых районов.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (заключена в Монтевидео 10 декабря 1982 г.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 26.- С. 3016.
2. Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 03.12.1986 № 41/65 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/earth_remote_sensing.shtml
3. Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, касающихся сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб (Нью-Йорк, 4 августа 1995 г.) // United Nations Treaty Collection [Электронный ресурс]. — URL: https://treaties.un.org/pages/viewdetails.aspx?src=treaty&mtdsg_no=xxi7&chapter=21&clang=_en
4. ITLOS, Request for an Advisory Opinion submitted by the SubRegional Fisheries Commission (SRFC), Advisory Opinion of 2 April 2015, Case No. 21, paras 117, 119, 138. См. также: UNODC, Surveillance and Enforcement of High Seas Marine Protected Areas and Related Measures, 2025, Стр. 23–24
5. Соглашение BBNJ (Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas beyond National Jurisdiction) от 19 июня 2023 г. (всту-

пило в силу 17 января 2026 г.). URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=21&clang=_en&mtdsg_no=XXI10&src=TREATY.

6. Papastavridis, E. The Use of Earth Observation Tools for the Surveillance and Enforcement of Marine Protected Areas on the High Seas / E. Papastavridis // International and Comparative Law Quarterly. — 2025. — № 74 (Supplement). — С. 27–45.
7. UNODC, Global Maritime Crime Programme Surveillance and Enforcement of High Seas Marine Protected Areas and Related Measures / Global Maritime Crime Programme UNODC.
8. Cremers, K. Monitoring, control and surveillance of future high seas MPAs: what role for emerging technologies? / K. Cremers. // IDDRI Study № 06/24. -: IDDRI, 2024.

Роль искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности

Хвостова Екатерина Андреевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуется проблема возможной трансформации правоприменительной деятельности под воздействием технологий искусственного интеллекта (ИИ). На основе анализа действующего законодательства РФ, Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, а также доктринальных подходов, включая позиции В. К. Андреева, Л. Ю. Василевской, Е. Б. Подузова и И. З. Аюшеева, автором обосновывается вывод о формировании новой парадигмы правоприменения, в рамках которой ИИ выступает не только инструментом обработки данных, но и элементом, изменяющим традиционные механизмы установления юридически значимых обстоятельств и квалификации объектов гражданских прав.

Как справедливо отмечает В. К. Андреев, трансформация традиционных институтов гражданского права под воздействием цифровизации требует переосмысления «понятия цифровых прав и их оборотоспособности» [1]. Правоприменение, традиционно понимаемое как властная деятельность компетентных органов по разрешению индивидуальных юридических дел, сталкивается с вызовом: может ли алгоритм, основанный на самообучающихся моделях, принимать юридически значимые решения?

В условиях масштабного внедрения цифровых технологий во все сферы человеческой деятельности одной из важных тем для изучения, вызывающей интерес у многих исследователей, включая юристов, стала проблема искусственного интеллекта. Законодатели также уделили этому внимание, приняв соответствующие нормативно-правовые акты. В частности, Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования с целью создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [2] (далее — Закон об искусственном интеллекте) в подпункте 2 пункта 1 статьи 2 содержит следующее определение искусственного интеллекта: «Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая способность к самообучению и поиску решений без за-

ранее заданного алгоритма) и обеспечивать при выполнении конкретных задач результаты, сравнимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Этот комплекс технологических решений охватывает информационно-коммуникационную инфраструктуру (включая информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и другие технические средства обработки информации), программное обеспечение, а также процессы и сервисы, связанные с обработкой данных и поиском решений».

Фундаментом развития технологий ИИ в России выступает Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [3]. В редакции от 15.02.2024 Стратегия прямо указывает на необходимость «совершенствования правоприменительной практики с использованием технологий ИИ» (п. 18). Однако, как верно замечает Л. Ю. Василевская, «нормативное закрепление понятийного аппарата цифровой экономики существенно отстает от темпов внедрения технологий» [4]. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации...» [5] устанавливает базовые требования к обработке информации, но не регламентирует юридическую силу решений, принятых нейросетью. В свою очередь, ГОСТ Р 71476–2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) определяет ИИ как «способность системы понимать, синтезировать и генерировать информацию». С точки зрения правоприменения, это означает, что ИИ способен лишь подготовить проект акта, но не заменить усмотрение правоприменителя.

Для понимания роли искусственного интеллекта (ИИ) в правоприменении важно проанализировать существующие доктринальные взгляды. В рамках цивилистики сформировалось несколько направлений мысли относительно того, насколько оправдано использование ИИ в процессе применения права. Василевская Л. Ю., исследуя правовую природу токенов, приходит к выводу о необходимости создания цифровой юрисдикции для объектов, существующих только в цифровом пространстве. По ее мнению, в такой юрисдикции протокол должен выступать в роли основного регулятора, а ИИ — арбитра. Ученый подчеркивает, что ИИ может быть задействован в правоприменении лишь в отношении строго формализованных, утилитарных цифровых прав, где отсутствует необходимость в оценочных суждениях.

В своих работах Подузова Е. Б. акцентирует риск «алгоритмической дискриминации». Цитируя ее: «Передача правоприменительных полномочий ИИ без создания механизма апелляции к человеку означает легитимацию цифрового позитивизма, где код заменяет право» [6]. Она предлагает внести изменения в ГПК РФ и АПК РФ, закрепив, что итоговый правоприменительный акт подписывается исключительно физическим лицом — судьей.

Левенкова Е. С., исследуя проблематику цифровых прав, подчеркивает необходимость адаптации процессуального законодательства к технологическим реалиям. В своих работах он обосновывает вывод о том, что «правоприменительная деятельность в условиях цифровой экономики требует институционализации электронных доказательств, верификация которых должна осуществляться с использованием алгоритмов ИИ, однако конечная оценка их достоверности должна оставаться прерогативой человека-судьи» [7]. Это положение коррелирует с требованиями Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях...», который устанавливает, что обработка информации должна обеспечивать соблюдение прав и законных интересов граждан.

Анализ научной литературы в области цивилистики позволяет заключить, что преобладает мнение об ограниченной допустимости интеграции искусственного интеллекта в правоприменительную практику. Однако, ключевые этапы, такие как формирование смысловой составляющей юридических документов, их подписание, верификация принимаемых решений и окончательное утверждение, должны оставаться исключительно в сфере человеческой компетенции. Кроме того, доктринальные исследования подчеркивают необходимость официального закрепления правовых основ использования ИИ в правоприменительной деятельности в российском процессуальном законодательстве для обеспечения его надлежащего функционирования. Анализируя возможность применения алгоритмов искусственного интеллекта в контексте правоприменительной практики отмечают применения искусственного интеллекта в судебной дея-

тельности в виде возможного использования делопроизводства и общих вопросов судебного разбирательства.

Технологии искусственного интеллекта всегда ориентируются на введенные исходные данные, но они не могут учесть всех обстоятельств какого бы то ни было дела. Так, по мнению секретаря пленума Верховного Суда РФ В. В. Момотова, внутреннее убеждение судьи является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. «Система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, и именно поэтому он никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, очень много иррационального, а не формально-логического» [9]. Невозможна замена судьи технологиями искусственного интеллекта в кассационном судопроизводстве, где основанием для отмены судебного решения выступает не любое формальное нарушение, а только существенное нарушение нормативно правовых норм, которое оказало влияние на исход дела и без устранения, которого невозможно восстановление и защита нарушенных прав и свобод [10].

Помимо этого, перспективным становится онлайн-судопроизводство. Так, например, Верховный суд в 2020 году рекомендовал российским судам проводить судебные заседания по гражданским и уголовным делам в онлайн-формате в рамках борьбы с распространением коронавирусной инфекции. Но это было рассмотрение судьями, а не компьютерной программой, хоть и дистанционно. Вместе с тем уже сейчас разрабатываются нормы об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности.

В Российской Федерации правовая база для использования искусственного интеллекта в сфере правоприменения находится в стадии становления, характеризуясь развитием рекомендательных норм и определением долгосрочных целей. Как уже отмечалось, базовым документом выступает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490). Однако, как справедливо указывает И. З. Аюшеева, «стратегический характер документа не создает непосредственно действующих правовых механизмов для правоприменителя, сталкивающегося с необходимостью оценки юридической значимости результатов работы алгоритмов» [11]. Данный тезис подчеркивает разрыв между технологической реальностью и нормативной базой: суды и иные правоприменительные органы уже используют системы анализа данных (например, автоматизированные системы «Правосудие», ГАС «Выборы», нотариальные информационные системы), однако статус «вывода, сделанного искусственным интеллектом», законодательно не определен.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации...» устанавливает общие принципы обработки информации, но не содержит норм, регулирующих специфику алгоритмических решений. В части четвертой ГК

РФ, куда Федеральным законом от 28.06.2022 № 193-ФЗ были внесены изменения, по-прежнему отсутствует легальное определение «искусственного интеллекта» как субъекта или «инструмента правоприменения». Л. Ю. Василевская обращает внимание на этот пробел: «Отсутствие в Гражданском кодексе норм, определяющих правовой статус результатов деятельности ИИ (в частности, алгоритмически сгенерированных доказательств или автоматически заключенных смарт-контрактов), порождает неопределенность в правоприменительной практике и требует не просто точечных поправок, а концептуального пересмотра ряда институтов обязательственного и процессуального права» [12].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что искусственный интеллект сегодня выступает вспомогательным технологическим инструментом и необходимо не смешивать категории цифровизации, которые в правоприменительной деятельности осуществляются повсеместно, и искусственного интеллекта. В российской правовой системе сложилась ситуация двойственного характера: с одной стороны, на уровне национальной стратегии и экспериментальных правовых режимов (Федеральный закон № 123ФЗ) закреплён курс на цифровизацию и внедрение ИИ; с другой — доктрина и правоприменительная практика сталкиваются с фундаментальным вызовом, связанным с отсутствием легального статуса решений, принятых алгоритмами, и сохранением значения человека для итогового юридически значимого действия. Как об-

основанно отмечают исследователи, ключевым ограничением для полной автономии ИИ в правоприменении остаётся невозможность алгоритма осуществить оценочное суждение, проникнуть в сущность юридического казуса и заменить внутреннее убеждение судьи. В связи с этим преобладающим в цивилистике остается подход, согласно которому искусственный интеллект может выполнять сервисные, аналитические и вспомогательные функции. Однако подписание акта, установление наличия процессуального или материально-правового нарушения и применение оценочных категорий должны оставаться исключительной компетенцией человека-правоприменителя. Перспективы использования ИИ в правоприменительной деятельности лежат в плоскости не замены, а дополнения человеческого профессионализма технологическими возможностями. Для реализации этого потенциала требуется не просто внесение точечных поправок в ГПК РФ, АПК РФ и ГК РФ, но и концептуальное переосмысление природы юридических фактов, доказательств и цифровых прав. Только при условии формирования полноценной нормативной базы, закрепляющей статус алгоритмических выводов и гарантирующей соблюдение принципов справедливости, состязательности и законности, искусственный интеллект сможет стать легитимным и эффективным элементом российской правоприменительной системы, обеспечивая переход права на новый — более гибкий, технологичный и доступный — уровень социального регулирования.

Литература:

1. Андреев В. К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 32–38.
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») — Указ президента // www.pravo.gov.ru.
4. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 89–97.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
6. Подузова Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekty-tsifrovyyh-pravootnosheniy-tendentsii-prava-i-biznesa>
7. Левенкова, Е. С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах / Е. С. Левенкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 23 (261). — С. 481–483. — URL: <https://moluch.ru/archive/261/60244>.
8. Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1.
9. Момотов Виктор: искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку // legal.report: сайт. — Режим доступа: <https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/>

10. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. — М.: Инфотропик Медиа, 2021. — 132 с.
11. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. — 2021. — № 74(7). — С. 40.
12. Василевская, Л. Ю., Подузова, Е. Б., Тасалов, Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 1. — М.: Проспект, 2021. — С. 215.

Поводы и основания для возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе

Цитренко Илья Витальевич, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье рассматриваются теоретические и правоприменительные аспекты поводов и основания для возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. Анализируются нормативное регулирование стадии возбуждения уголовного дела, доктринальные подходы к понятию и видам поводов, содержанию основания и критериям «достаточности данных», указывающих на признаки преступления. Особое внимание уделяется проблемам разграничения доследственной проверки и предварительного расследования, соблюдения сроков проверки сообщений о преступлениях, а также учёта анонимных и конфиденциальных обращений. Обосновываются предложения по совершенствованию уголовнопроцессуального законодательства, в том числе по уточнению содержания основания к возбуждению дела, гибкой регламентации сроков проверки и расширению судебного контроля на данной стадии.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, поводы к возбуждению уголовного дела, основание возбуждения уголовного дела, достаточные данные, доследственная проверка, сообщение о преступлении, судебный контроль.

Reasons and grounds for initiating a criminal case in Russian criminal proceedings

The article examines theoretical and practical issues concerning the reasons (grounds in a procedural sense) and factual basis for initiating a criminal case in the Russian criminal procedure. The author analyzes the legal framework of the stage of initiating criminal proceedings, scholarly approaches to the concept and types of reasons, as well as to the structure of the factual basis and the criteria of “sufficient data” indicating signs of a crime. Special attention is paid to the problems of delimiting pre-investigation checks and preliminary investigation, compliance with time limits for examining crime reports, and the use of anonymous and confidential communications. The article formulates proposals for improving criminal procedure legislation, including clarification of the content of the factual basis, more flexible regulation of time limits for checks, and strengthening judicial control at the stage of initiating a criminal case.

Keywords: initiation of a criminal case, reasons for initiating a criminal case, factual basis for initiation, sufficient data, pre-investigation check, crime report, judicial control.

Введение

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно рассматривается уголовнопроцессуальной наукой как самостоятельный и во многом определяющий этап уголовного судопроизводства, поскольку именно на этом этапе возникает большинство уголовнопроцессуальных правоотношений и закладываются предпосылки для дальнейшего расследования дела [4, с. 108–109]. Закон прямо связывает возможность начала производства по делу с наличием предусмотренных уголовнопроцессуальным законодательством поводов и оснований, а их неправильное понимание или игнорирование ведет к признанию последующих решений и доказательств незаконными [2, с. 41–44].

Актуальность исследования поводов и основания для возбуждения уголовного дела обусловлена как постоянным развитием законодательства (многократные из-

менения статьи 140 УПК РФ), так и устойчивыми проблемами правоприменительной практики, связанными с разграничением доследственной проверки и предварительного расследования, оценкой достаточности имеющихся данных, а также соблюдением сроков рассмотрения сообщений о преступлениях [4, с. 108–109]. Научная дискуссия фокусируется вокруг определения понятий «повод» и «основание», их соотношения, классификации поводов и критериев достаточности данных, указывающих на признаки преступления [3, с. 191–195] [4, с. 108–109].

Целью настоящей работы является комплексный анализ действующего регулирования и доктринальных подходов к пониманию поводов и основания для возбуждения уголовного дела, выявление проблем правоприменения и формулирование предложений по совершенствованию уголовнопроцессуального законодательства [4, с. 108–109].

Нормативная база регулирования поводов и основания возбуждения уголовного дела

Ключевое значение для рассматриваемой темы имеет статья 140 Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющая закрытый перечень поводов к возбуждению уголовного дела и общую формулу основания. Закон относит к поводам заявление о преступлении, явку с повинной, сообщение о преступлении, полученное из иных источников, а также постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Основанием для возбуждения уголовного дела признается наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, без конкретизации их вида и источников [2, с. 41–44].

Нормы статьи 140 УПК РФ необходимо рассматривать в системной связи с положениями статей 141–145 УПК РФ, регламентирующими порядок приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, а также принятия решения по результатам такой проверки. Статья 144 УПК РФ возлагает на дознавателя, орган дознания, следователя обязанность принять и проверить любое сообщение о преступлении и в пределах компетенции принять по нему одно из предусмотренных законом решений, что опосредованно раскрывает функциональное назначение повода как процессуального источника первичной информации.

Наряду с УПК РФ, разъяснения по вопросам возбуждения уголовных дел даются в актах судебной практики и в правопросветительских материалах органов прокуратуры и следственных органов, что оказывает значительное влияние на формирование единообразного подхода к толкованию поводов и основания. Важную роль играют также ведомственные инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, конкретизирующие требования закона к форме и содержанию соответствующих документов.

Понятие и правовая природа стадии возбуждения уголовного дела

В доктрине стадия возбуждения уголовного дела определяется как начальный этап уголовного судопроизводства, в рамках которого уполномоченные органы, получив сведения о признаках преступления, проверяют их и принимают решение о начале или отказе в начале уголовного преследования [4, с. 108–109]. Ее специфическая задача заключается в отборе тех сообщений, которые действительно требуют производства предварительного расследования, и одновременно в недопущении необоснованного вмешательства в права и свободы граждан посредством незаконного возбуждения дел [4, с. 108–109].

Правовая природа этой стадии характеризуется сочетанием черт юрисдикционной деятельности и административнопроцедурной проверки: с одной стороны, принимаемое по ее итогам постановление о возбуждении

уголовного дела либо об отказе в возбуждении является властным процессуальным актом, с другой — значительная часть действий по проверке сообщения носит предварительный, подготовительный характер по отношению к расследованию и может осуществляться до возникновения статуса подозреваемого [4, с. 108–109].

Стадия возбуждения уголовного дела имеет самостоятельное значение для обеспечения конституционных гарантий личности, поскольку связана с решением вопроса о допустимости ограничения прав в связи с уголовным преследованием и с контролем за законностью такого вмешательства со стороны прокурора и суда. Нарушения на данном этапе (отказ в регистрации сообщения, формальное проведение проверки, игнорирование поводов) приводят к искажению статистики преступности и подрывают доверие к правоохранительной системе.

Доктринальные подходы к пониманию повода к возбуждению уголовного дела

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой поводы к возбуждению уголовного дела следует понимать как предусмотренные законом источники первоначальной информации о совершенном или готовящемся преступлении, дающие формальноюридическую возможность начать проверку и впоследствии возбудить дело [3, с. 191–195] [4, с. 108–109]. В данном подходе акцент делается на процессуальном значении повода как юридического факта, который запускает механизм проверки сообщения о преступлении.

Часть исследователей подчеркивает, что повод выражает внешнюю форму поступления сведений о преступлении (заявление, сообщение, постановление), а его фактическое содержание может быть различным по степени полноты и достоверности [3, с. 191–195]. Отсюда вывод о том, что один и тот же факт может проявиться через разные поводы, а потому их правовое значение не следует смешивать с основанием возбуждения дела, основанном на оценке достаточности полученных данных [4, с. 108–109].

Существуют и иные подходы, в рамках которых в понятие повода включаются не только источники информации, но и определенные требования к форме и содержанию соответствующих сообщений (например, указание на конкретные обстоятельства, подпись заявителя, предупреждение об ответственности за ложный донос) [3, с. 191–195]. Такая позиция стремится увязать процессуальную форму повода с обеспечением гарантий от злоупотреблений и защиты заявителя, в том числе через баланс анонимности и безопасности лица, предоставившего информацию [3, с. 191–195].

Виды поводов к возбуждению уголовного дела

Статья 140 УПК РФ закрепляет исчерпывающий перечень поводов к возбуждению уголовного дела, к которым относятся: заявление о преступлении, явка с повинной, со-

общение о преступлении из иных источников, а также постановление прокурора. Закрытый характер перечня означает невозможность произвольного расширения круга поводов правоприменителем и служит гарантией от произвольного начала уголовного преследования [3, с. 191–195].

Заявление о преступлении представляет собой обращение физического или юридического лица в правоохранительные органы с сообщением о совершенном или готовящемся преступлении; закон допускает как письменную, так и устную форму такого обращения, при этом заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Особая роль заявления проявляется по делам частного и частнопубличного обвинения, где оно нередко выступает единственным возможным поводом к возбуждению дела [2, с. 41–44].

Явка с повинной определяется как добровольное заявление лица о совершенном им самим преступлении и обладает двойственной природой: с одной стороны, является поводом к возбуждению уголовного дела, с другой — может учитываться судом при назначении наказания как обстоятельство, смягчающее ответственность [3, с. 191–195]. Сообщения о преступлениях, полученные из иных источников (служебные рапорты должностных лиц, материалы средств массовой информации и др.), образуют особую группу поводов, требующих от правоприменителя повышенной внимательности к проверке достоверности и источника сведений [3, с. 191–195].

Постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании является особым поводом, отражающим надзорную функцию прокуратуры и ее роль в инициировании уголовного процесса, особенно по делам, связанным с нарушением прав и свобод граждан или интересов государства. Законодательством также предусмотрены специальные поводы по отдельным категориям преступлений, например, по налоговым составам, где поводом служат исключительно материалы, поступившие из налоговых органов [4, с. 108–109].

Основание для возбуждения уголовного дела и его элементы

В отличие от поводов, носящих формальнопроцессуальный характер, основание для возбуждения уголовного дела закреплено законодателем в виде оценочной формулы: достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Такая конструкция обусловлена невозможностью заранее перечислить все возможные фактические обстоятельства, которые могут свидетельствовать о совершении преступления [4, с. 108–109].

В научной литературе выделяются два ключевых элемента основания: наличие данных о событии преступления (объект и объективная сторона) и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу (например, отсутствие состава преступления, истечение сроков давности, смерть лица) [4, с. 108–109]. Отдельно акцентируется, что для возбуждения уголовного дела не требуется установ-

ления личности виновного, за исключением дел со специальным субъектом, где принадлежность деяния определённому лицу может входить в состав основания [4, с. 108–109].

Категория «достаточности данных» понимается как совокупность и качество сведений, позволяющих сделать обоснованное предположение о совершении преступления, не требуя при этом достоверного доказывания всех обстоятельств, характерного для последующих стадий расследования [4, с. 108–109]. В практике правоохранительных органов нередко подчеркивается, что наличие даже минимального комплекса данных о возможном преступлении должно склонять уполномоченное лицо в пользу возбуждения дела, поскольку неоправданное затягивание проверки ведет к утрате доказательств.

Проблема оценки достаточности данных и пределы доследственной проверки

Наибольшие трудности в правоприменении связаны с оценкой достаточности данных, указывающих на признаки преступления, а также с определением разумных пределов доследственной проверки сообщения [4, с. 108–109]. Закон устанавливает общий срок проверки сообщения о преступлении в три суток с возможностью его продления до десяти или тридцати суток руководителем следственного органа или органа дознания при наличии необходимости проведения документальных проверок, экспертиз и иных мероприятий.

Однако практика показывает, что в ряде случаев указанных предельных сроков недостаточно для получения заключений по сложным экспертным исследованиям, ревизиям, проверкам, что ставит правоприменителя перед выбором между формальным возбуждением уголовного дела при отсутствии достаточных данных и незаконным продлением проверки за пределы, установленные законом [4, с. 108–109]. Отсутствие четких критериев достаточности данных и процедурных механизмов продления проверки в исключительных случаях создает риск вынесения как необоснованных постановлений о возбуждении уголовных дел, так и решений об отказе в возбуждении при отсутствии полной информации [4, с. 108–109].

В научных публикациях и правоприменительной практике обоснованно высказываются предложения о необходимости более гибкого регулирования сроков проверки сообщения о преступлении, например, путем предоставления прокурору полномочий продлевать срок проверки до шести месяцев в исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения длительных экспертиз и ревизий, при условии установления строгих гарантий против злоупотреблений [4, с. 108–109].

Поводы и основания к возбуждению дел отдельных категорий преступлений

Уголовнопроцессуальный закон содержит специальные положения о поводах и основаниях к возбу-

ждению дел по отдельным категориям преступлений, отражающие особую значимость соответствующих правоотношений и необходимость дополнительной защиты прав участников [2, с. 41–44]. Так, по делам о преступных нарушениях неприкосновенности частной жизни особо подчеркивается значение заявления о преступлении как повода к возбуждению уголовного дела частнопубличного характера, что связано с необходимостью учета воли потерпевшего [2, с. 41–44].

По налоговым преступлениям действует специальное правило, согласно которому поводом к возбуждению уголовного дела о ряде составов служат исключительно материалы, направленные налоговыми органами, что исключает возможность инициирования уголовного преследования только на основании заявления или сообщения из средств массовой информации [4, с. 108–109]. Подобные специальные поводы направлены на обеспечение баланса публичных интересов и защиты участников экономического оборота от необоснованного вмешательства правоохранительных органов [4, с. 108–109].

По делам частного и частнопубличного обвинения возбуждение уголовного дела, как правило, возможно не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, поданному непосредственно в суд или в правоохранительный орган, что свидетельствует о возложении на волеизъявление потерпевшего функции обязательного повода к началу производства [2, с. 41–44]. В ряде случаев закон предусматривает невозможность прекращения дела по примирению сторон, что также влияет на понимание роли повода и основания по таким составам [2, с. 41–44].

Практические проблемы применения норм о поводах и основании возбуждения дела

К числу наиболее распространенных практических проблем относится отказ в регистрации сообщений о преступлениях и формальное затягивание доследственной проверки, что по существу лишает соответствующие сведения статуса повода и позволяет избежать надлежащего процессуального контроля. Анализ правоприменительной практики показывает, что по отдельным категориям преступлений сообщения могут оставаться без движения в течение длительного времени, пока не будут устранены «сомнения» в наличии признаков состава, хотя закон требует решения вопроса о возбуждении дела в ограниченный срок.

Сложности вызывает и разграничение анонимных и конфиденциальных сообщений: закон прямо запрещает использовать анонимные заявления в качестве повода к возбуждению уголовного дела, однако допускает применение мер безопасности в отношении заявителя, что может требовать сохранения тайны его личности [3, с. 191–195]. Не всегда очевидно, при каких условиях возможно использование сведений, полученных от анонимного источника, в качестве повода или хотя бы основания для проведения отдельных проверочных мероприятий без возбуждения дела [3, с. 191–195].

Отдельной проблемой является практика подмены повода к возбуждению дела служебным рапортом должностного лица при наличии первоначального заявления гражданина, что затрудняет последующий контроль за полнотой и корректностью отражения содержания сообщения о преступлении. Такая подмена может искажать статистику зарегистрированных преступлений и создавать риски нарушения прав потерпевших, особенно если их первоначальное обращение не включается в материалы проверки.

Направления совершенствования уголовнопроцессуального регулирования

С учетом выявленных проблем представляется целесообразным развитие уголовнопроцессуального регулирования поводов и основания для возбуждения уголовного дела по нескольким направлениям [4, с. 108–109]. В первую очередь, требует уточнения законодательная формулировка достаточности данных, указывающих на признаки преступления, путем закрепления в законе критериев их оценки либо ориентировочного перечня обстоятельств, подлежащих установлению на стадии возбуждения дела [4, с. 108–109].

Во-вторых, необходима корректировка сроков доследственной проверки сообщений о преступлениях с введением процедуры их продления в исключительных случаях по мотивированному ходатайству руководителя органа предварительного расследования с обязательным участием прокурора, при этом продление должно сопровождаться усилением процессуальных гарантий и контролем за действиями должностных лиц [4, с. 108–109].

В-третьих, следует законодательным путем конкретизировать требования к форме и содержанию отдельных поводов (заявления о преступлении, явки с повинной, сообщений в средствах массовой информации), а также к порядку учета и регистрации анонимных и конфиденциальных сообщений, чтобы исключить произвольное игнорирование информации о преступлениях и обеспечить защиту лиц, сообщающих о них [3, с. 191–195].

Наконец, требуется дальнейшее развитие судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела, включая расширение возможностей обжалования отказа в возбуждении дела и бездействия по приему и регистрации сообщений о преступлениях, что позволит укрепить гарантии прав граждан и повысить качество принимаемых решений [2, с. 41–44].

Заключение

Поводы и основание для возбуждения уголовного дела образуют взаимосвязанную систему юридических фактов, обеспечивающих законное и обоснованное начало уголовного преследования и служащих важнейшей гарантией прав личности в уголовном процессе [4, с. 108–109]. Поводы представляют собой строго ограниченный законом перечень источников первичной информации

о преступлении, тогда как основание выражает оценку достаточности данных о признаках преступления, требующую от правоприменителя профессиональной осторожности и объективности [4, с. 108–109].

Современное состояние уголовнопроцессуального регулирования и правоприменительной практики показывает наличие существенных проблем, связанных с оценкой достаточности данных, соблюдением сроков

проверки сообщения о преступлении, учетом анонимных и конфиденциальных обращений, а также с обеспечением эффективного судебного и прокурорского контроля на стадии возбуждения дела [4, с. 108–109]. Их решение возможно посредством точечной корректировки законодательства, развития правоприменительных подходов и укрепления гарантий защиты прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве [4, с. 108–109].

Литература:

1. Машаров В. К. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 3.
2. Пархоменко Е. Н. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела — сравнительный анализ УПК России и УПК Казахстана // Вестник Южно Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2013. — Т. 13. — № 2. — С. 41–44.
3. Макеева И. В. О поводах к возбуждению уголовного дела (в свете дополнений уголовно процессуального законодательства) // Путеводитель предпринимателя. — 2017. — Вып. 26. — С. 191–195.
4. Мурсалов А. С. Поводы и основания возбуждения уголовного дела // Закон и право. — 2019. — № 10. — С. 108–109.
5. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Порядок возбуждения уголовного дела публичного обвинения, поводы и основание // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. — Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru>
6. Следственный комитет Российской Федерации по Белгородской области. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела // Официальный сайт Следственного комитета РФ. — Режим доступа: <https://belgorod.sledcom.ru>
7. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Пензенской области. Порядок приема и рассмотрения сообщений о преступлениях // Официальный сайт Следственного комитета РФ. — Режим доступа: <https://penza.sledcom.ru>
8. Главное управление МЧС России по Самарской области. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела: порядок приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях // Официальный сайт МЧС России. — Режим доступа: <https://63.mchs.gov.ru>
9. Прокуратура Кемеровской области — Кузбасса. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела, порядок рассмотрения сообщения о преступлении // Официальный сайт органов прокуратуры. — Режим доступа: <https://prokmr.ru>

Порок воли и волеизъявления как правовое основание недействительности

Шевчук Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

В статье рассматривается исследование порока воли и волеизъявления как правового основания недействительности притворных сделок.

Ключевые слова: сделка, недействительность сделки, порок воли, волеизъявление.

Defect of will and expression of will as a legal basis for non-validity

Shevchuk Yuliya Sergeevna, master's student
Sevastopol State University

The article examines the study of the defect of will and expression of will as a legal basis for the invalidity of sham transactions.

Keywords: transaction, invalidity of the transaction, defect of will, expression of will.

Категории воли и волеизъявления являются фундаментальными для понимания сущности любой гражданско-правовой сделки. Именно через их согла-

сованное единство проявляется действие принципа автономии воли участников гражданского оборота, позволяя признавать за сделкой юридическую силу и порождать те

правовые последствия, на которые она направлена [5, с. 138]. Однако в тех случаях, когда между внутренним психическим отношением лица к совершаемому действию (волей) и внешним выражением этого отношения вовне (волеизъявлением) возникает расхождение, принято говорить о наличии порока, который может служить основанием для признания сделки недействительной. Притворные сделки в этом ряду занимают особое место, поскольку порок воли здесь носит специфический, двусторонний характер, требующий глубокого теоретического осмысления и тщательного анализа в правоприменительной практике.

В наиболее общем виде порок воли в гражданском праве определяется как ситуация, при которой воля участника сделки формируется не свободно, а под влиянием внешних факторов или иных лиц, в результате чего его истинное волеизъявление становится отражением не его собственной, а чужой воли, либо вовсе не соответствует его действительным намерениям [1, с. 76]. Применительно к притворным сделкам данная проблема приобретает особую остроту. Как справедливо отмечается в современной литературе, «притворная сделка считается недействительной, если подтверждено, что воля сторон на момент ее совершения не была направлена на установление соответствующих ей правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки». Следовательно, обязательным условием признания сделки притворной является «порочность воли каждой из ее сторон, причем эта порочность выражается не в ущемлении свободы формирования воли (как при насилии или угрозе), а в ее сознательном искажении, когда стороны добровольно, но неискренне выражают вовсе не то, к чему на самом деле стремятся» [3, с. 19].

Приведем пример из практики:

В деле о признании договора об уступке прав (требования) ничтожным и применении последствия недействительности ничтожной сделки, истец в обоснование иска указал, что спорная сделка является ничтожной в силу притворности, так как направлена на безвозмездную передачу имущества.

Из материалов дела следует, что 07.12.2010 г. между ЗАО «Региональная энергетическая служба» (первоначальный кредитор) и ООО «Интерстрой» (новый кредитор) был заключен договор об уступке прав (требований) № 1. В этот же день стороны заключили дополнительное соглашение № 1 к договору об уступке прав (требований) от 07.12.2010 г. № 1. В соответствии с п. п. 2, 3 вышеуказанного дополнительного соглашения цена права (требования) составляет 30 млн. руб.; оплата вносится в течение одного года с момента заключения дополнительного соглашения.

Проанализировав положения п. 2 ст. 170 ГК РФ, суд пришел к выводу, что притворная сделка относится к сделкам, совершенным с пороком воли, характеризующимся несовпадением волеизъявления и подлинной воли сторон. Исходя из положений данной нормы права, сделка

подлежит квалификации как притворная, если подтверждено, что воля сторон на момент совершения сделки не была направлена на установление соответствующих ей правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки. При этом отсутствие соответствующей воли предполагается у каждой из сторон данной сделки.

Арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в признании договора об уступке прав (требований) от 07.12.2010 г. № 1 недействительным и пришли к обоснованному выводу о том, что предоставленная по условиям договора ООО «Интерстрой» рассрочка платежа на один год не может являться доказательством притворности сделки [8].

Порок воли в притворной сделке имеет сложную структуру и может быть рассмотрен в нескольких аспектах. Прежде всего, необходимо разграничивать пороки формирования воли и пороки ее проявления. В притворных сделках, как правило, отсутствуют пороки формирования воли в классическом понимании: стороны не находятся под влиянием обмана, насилия, угрозы или заблуждения. Их воля формируется свободно, однако при ее внешнем выражении допускается сознательное искажение. Итак, в притворных сделках налицо порок волеизъявления при относительно нормально сформированной воле, это отличает притворные сделки от иных видов недействительных сделок с пороками воли, перечисленных в статьях 177, 178, 179 ГК РФ. Так, например, сделка, совершенная под влиянием обмана (статья 179 ГК РФ), предполагает, что воля потерпевшего сформировалась под воздействием недобросовестных действий контрагента, то есть имеет место порок формирования воли. В притворной же сделке воля сформирована, но она одна, а выражена другая, причем обе стороны об этом осведомлены и действуют согласованно.

Вместе с тем притворная сделка может сочетать в себе различные пороки. Как отмечается в доктрине, к числу сделок с пороком воли относятся также сделки, совершенные гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), сделки, совершенные под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ), а также сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179 ГК РФ). При этом притворная сделка может быть одновременно квалифицирована и по этим основаниям, если установлено, например, что одна из сторон не осознавала притворный характер совершаемого действия, однако это будет свидетельствовать не о притворности, а об ином пороке, поскольку для притворности, как уже было установлено выше, необходим умысел всех участников [6, с. 258].

Сложность доказывания порока воли в притворных сделках обусловлена тем, что ориентироваться нужно не на текст договора, а на фактические обстоятельства, предшествовавшие заключению сделки, сопутствующие

ей и последовавшие за ней. Как справедливо указывается в юридической литературе, в предмет доказывания по делам о признании притворных сделок недействительными входят факт заключения сделки, действительное волеизъявление сторон на совершение прикрываемой сделки, обстоятельства заключения договора и несоответствие волеизъявления сторон их действиям. Суды при рассмотрении таких споров вынуждены оценивать совокупность косвенных доказательств, включая переписку сторон, свидетельские показания, экономическую целесообразность совершенных действий, наличие родственных или иных связей между участниками, последующее поведение сторон. [с. 259].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, может ли сделка быть признана притворной, если порок воли имеется лишь у одной из сторон. Исходя из буквального толкования п. 2 ст. 170 ГК РФ, где используется термин «стороны» во множественном числе, а также из разъяснений, данных в п. 87 Постановления Пленума ВС РФ № 25, следует, что притворная сделка характеризуется направленностью на прикрытие иной воли всех ее участников. Следовательно, если одна из сторон действовала добросовестно, полагая, что совершает именно ту сделку, которая оформлена документально, а другая сторона имела намерение прикрыть иную сделку, такая сделка не может быть квалифицирована как притворная. Однако это не означает, что она является действительной. В зависимости от обстоятельств дела, как уже говорилось выше, она может быть оспорена добросовестной стороной как сделка, совершенная под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ) или обмана (ст. 179 ГК РФ).

Анализ современной судебной практики позволяет выявить ряд тенденций в подходах судов к оценке порока воли при квалификации сделок в качестве притворных. Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 28 апреля 2025 г. № А50–505/2024 [9] суд указал, что если гражданин в момент совершения сделки не мог понимать значение своих действий или руководить ими, то сделка не может рассматриваться как совершенная по его воле. При этом суд подчеркнул, что такая неспособность является юридическим критерием недействительности сделки, даже если у гражданина не диагностировано психического расстройства в медицинском смысле. Хотя данное дело касалось применения статьи 177 ГК РФ, выводы суда важны для понимания общих подходов к оценке воли участников: отсутствие способности понимать значение своих действий исключает возможность формирования подлинной воли, а следовательно, исключает и возможность квалификации сделки как притворной, поскольку для притворности необходима осознанная, согласованная воля всех сторон.

В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 июля 2025 г. № Ф04–1584/2025 по делу № А27–14869/2023 [10] суд признал недействительной убыточную сделку, в результате совершения которой выросла долговая нагрузка. Суд пришел к выводу, что воля

сторон была направлена не на создание реальных правовых последствий, соответствующих оформленному договору, а на искусственное увеличение кредиторской задолженности с целью контроля над процедурой банкротства. Данное дело наглядно демонстрирует, как порок воли в притворной сделке может выражаться в несоответствии внешнего оформления внутреннему намерению сторон, направленному на достижение иных, скрытых целей, нередко противоправных.

Еще одно важное разъяснение содержится в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 октября 2025 г. № Ф04–2741/2025 по делу № А70–5210/2024 [11], где суд указал, что порок воли возникает, если сделку понуждают совершить, в том числе угрожают насилием. Об этом может свидетельствовать неравноценное встречное исполнение, заниженная цена. При этом суд особо отметил, что подтверждать порок воли может приговор суда по уголовному делу. Данное дело представляет интерес, поскольку демонстрирует пересечение норм гражданского и уголовного права: факт совершения преступления (угроза, насилие) может служить доказательством порока воли при оспаривании сделки. Хотя в данном случае речь шла о сделке под влиянием насилия, этот подход может быть распространен и на притворные сделки, если при их совершении имели место противоправные действия.

Важно отметить, что порок воли в притворной сделке тесно связан с категорией «*обход закона*», симулятивные (притворные) сделки являются одним из способов обхода закона. Современная практика подтверждает этот вывод. Стороны, сознательно искажая свою волю, стремятся достичь результата, который не может быть получен при прямом применении закона, либо пытаются избежать неблагоприятных для себя последствий, предусмотренных императивными нормами. Например, прикрытие договора купли-продажи недвижимости договором дарения позволяет избежать необходимости соблюдения преимущественного права покупки или уплаты налогов. В таких случаях порок воли проявляется в том, что стороны формально выражают намерение подарить имущество, тогда как их подлинная воля направлена на его возмездное отчуждение. Суды, квалифицируя такую сделку как притворную, применяют последствия, соответствующие прикрываемой сделке, тем самым восстанавливая действительную волю сторон.

Следует также рассмотреть соотношение порока воли в притворных сделках с категорией «*злоупотребление правом*». Как разъяснено в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25, поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом контексте притворная сделка, совершенная с пороком воли, может рассматриваться как форма злоупотребления правом, поскольку стороны со-

знательно используют правовые конструкции не в соответствии с их назначением, а для достижения иных, скрытых целей.

Проблема доказывания порока воли в притворных сделках усугубляется тем, что стороны, как правило, тщательно скрывают свои истинные намерения, создавая видимость законности совершаемых действий. Внешне договор может не вызывать подозрений: он заключен в надлежащей форме, содержит все существенные условия, подписан уполномоченными лицами. Однако при более глубоком анализе могут быть выявлены обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии волеизъявления подлинной воле. К таким обстоятельствам могут относиться: отсутствие экономической целесообразности сделки для одной из сторон; совершение сделки на условиях, существенно отличающихся от рыночных; отсутствие у стороны реальной возможности исполнить принятые на себя обязательства; последующее поведение сторон, не соответствующее условиям заключенного договора; наличие родственных или аффилированных связей между участниками [4, с. 8].

Особую сложность представляют случаи, когда притворная сделка совершается в условиях стечения тяжелых обстоятельств (кабальная сделка). Хотя законодатель выделяет кабальные сделки в отдельный состав (п.3 ст. 179 ГК РФ), на практике нередко возникают ситуации, когда признаки кабальности сочетаются с признаками притворности. Например, стороны могут прикрыть кабальный заем под высокие проценты договором купли-продажи имущества с рассрочкой платежа. В таких случаях судам приходится давать комплексную оценку пороку воли: с одной стороны, воля потерпевшего формировалась под влиянием тяжелых обстоятельств, с другой стороны, стороны сознательно использовали притворную конструкцию для прикрытия ростовщической сделки. Приоритет в такой ситуации должен отдаваться тому составу, который в наибольшей степени отражает существо допущенного нарушения и обеспечивает наиболее полную защиту прав потерпевшего [2, с. 40].

В научной литературе неоднократно отмечалось, что институт притворных сделок выполняет важную функцию защиты гражданского оборота от недобросо-

вестных действий участников. Однако для эффективного выполнения этой функции необходимо четкое понимание критериев порока воли и механизмов его доказывания. Как справедливо указывает Н. В. Трофимчук, «обозначенные признаки, как и само понятие притворной сделки, закрепленное в законе, не предлагают определенного алгоритма по установлению правового результата, на который были направлены юридически значимые действия сторон. Установление самого факта фиктивности возникшего правоотношения указывает лишь на его ничтожность, но не устраняет проблем, связанных с применением последствий недействительности таких сделок и выявлением истинной воли сторон» [7, с. 49]. В связи с этим особое значение приобретает судебское усмотрение, основанное на глубоком анализе всех обстоятельств дела и правильном применении принципов добросовестности и разумности.

Подводя итог анализу порока воли и волеизъявления как правового основания недействительности притворных сделок, необходимо отметить следующее.

Порок воли в притворных сделках имеет специфическую природу, отличающую его от иных видов недействительности. Он заключается не в ущемлении свободы формирования воли, а в сознательном, согласованном искажении волеизъявления, когда стороны выражают ввне не ту волю, которую они действительно имеют, причем обе стороны осведомлены об этом расхождении и действуют совместно для достижения скрытой цели. Обязательным условием признания сделки притворной является наличие порока воли у каждой из сторон, что прямо вытекает из п. 2 ст. 170 ГК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума ВС РФ № 25. Сложность доказывания порока воли обусловлена необходимостью исследования не только текста договора, но и всей совокупности фактических обстоятельств, включая поведение сторон до и после заключения сделки, их взаимоотношения, экономическую целесообразность совершенных действий. Современная судебная практика свидетельствует о последовательном развитии подходов к оценке порока воли, расширении круга доказательств, принимаемых судами во внимание, и усилении роли принципа добросовестности при разрешении споров о недействительности притворных сделок.

Литература:

1. Бажецкий, А.Ю. «Недействительность мнимых и притворных сделок: проблемы теории и практики»: Дис. ... канд. юрид. наук. / А. Ю. Бажецкий. — М., 2013. — 210 с. — Текст: непосредственный.
2. Белобородов, М. В. Особенности признания недействительными мнимых либо притворных сделок в гражданском праве. / М. В. Белобородов, В. Ф. Евтягина. // Закон и право. — 2021. — № 5. — С.38–41 — Текст: непосредственный.
3. Жерновникова, П. С. Понятие и формы волеизъявления в российском гражданском праве / П. С. Жерновникова // Мониторинг правоприменения. — 2025. — № 1(54). — С. 19.
4. Нестерова, Т. И. Мнимые и притворные сделки в гражданском праве / Т. И. Нестерова, А. Д. Нечаев // Огарёв-Online. — 2024. — № 1(202). — С.8.
5. Плетнева, К. В. К вопросу о нарушении пределов осуществления гражданских прав в Российской Федерации / К. В. Плетнева // Диалог. — 2025. — № 10(40).

6. Прозорова, А. А. Недействительность притворных сделок в российском гражданском праве / А. А. Прозорова // Молодой ученый. — 2024. — № 47(546). — С. 258.
7. Трофимчук, Н. В. К понятию притворной сделки. / Н. В. Трофимчук. // Хозяйство и право. — 2022. — № 5 (544). — С. 49–53. — Текст: непосредственный.
8. Постановление ФАС Поволжского округа от 31.10.2011 по делу N A12–810/2011
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 апреля 2025 г. № A50–505/2024 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ubsAcMXK2Oo5/>. (дата обращения: 02.04.2026 г.).
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 июля 2025 г. № Ф04–1584/2025 по делу № A27–14869/2023
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 октября 2025 г. № Ф04–2741/2025 по делу № A70–5210/2024

ИСТОРИЯ

Женщины времен церковного раскола: боярыня Феодосия Морозова

Бегишева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко (Удмуртская Республика)

В статье автор исследует феномен женщины времен церковного раскола на примере противостояния боярыни Феодосии Морозовой с царем и никоновской церковью. Церковный раскол рассматривается как социокультурное явление XVII века. В данном исследовании боярыня Морозова не просто символ борьбы старообрядчества с никонианством, но и символ борьбы боярства с государем и церковью.

Ключевые слова: бунташный век, церковный раскол, боярыня Феодосия Морозова, Аввакум, Никон, старообрядцы, никонианцы.

В России XVII век — это «бунташный век», время Смуты в русском обществе. Но это ещё и время церковного раскола. Это явление XVII столетия — не просто изменение в церковных догматах и богослужении полностью, но и внутренний раскол в обществе. Люди разделились на старообрядцев (последователей старой веры) и никонианцев (принявших новые догматы церкви в связи с реформой патриарха Никона). Церковный раскол начался с желания царя и патриарха Никона привести в порядок церковные книги и сделать их по единому греческому образцу, также исправить некоторые догматы: отменить двуперстное знамение, вместо него ввести троеперстие, заменить написание имени Исус на Иисус, осуществлять служение литургии на пяти, а не на семи просфорах, отменить крестный ход посолонь, заменив на противосо- лонь. Такую реформу они предложили на Вселенском соборе 1666–1667 гг. Некоторые священники её приняли, но отдельные, как Аввакум, отказались принимать эту реформу, назвав её «еретической». Часть русского общества тоже не приняла её. Народ считал, что данная реформа подрывает идею о России как о третьем Риме — хранительнице истинной православной веры. Никон же хотел вывести русскую церковь из так называемой «изоляции», продвигая идею Вселенской церкви. Так и начался церковный раскол. Такое социокультурное явление не могло обойтись без участия в нём женщин.

Нам известно несколько таких представительниц прекрасного пола, которые не отказались от веры своих предков вопреки всему; среди них самой известной фигурой была боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова.

Основным источником о жизни боярыни Феодосии Морозовой является её «Житие» [1]. В данном источнике Морозова изображена святой, мученицей за веру, а царь

и его приближённые — жестокими людьми, погубившими свои души в неверном учении. Между тем, если даже рассматривать «Житие», можно увидеть неоднократные попытки, предпринимаемые царём, чтобы «вразумить» Феодосию [1]. Да, подвиг Феодосии Морозовой бесспорен. Она, действительно, была убежденной сторонницей старообрядчества.

Феодосия Морозова родилась 21 мая 1632 года в семье благородных бояр Прокопия и Анисии Соковниных. Когда девушке исполнилось 17 лет, её выдали замуж за боярина Глеба Ивановича Морозова. От него она родила сына Ивана. От своего деверя, Бориса Ивановича Морозова, Феодосия узнала слово Божие. Он был крепок в старой вере. Она часто ходила к нему в дом, где они долго беседовали о вере. Борис стал её первым духовным наставником. Феодосия Морозова недолго прожила в браке со своим мужем: быстро овдовела. Она встретила главу старообрядцев протопопа Аввакума, который её многому научил, и, будучи укреплена в вере, она решила отказаться от всего мирского. К ней был прислан от царя архимандрит Иоаким, участник всех следственных разбирательств, касающихся старообрядцев. Она ругала их за введение новых канонов и отымание у нее отчин. Феодосия решила претерпеть всё, но не отступать от истинной веры. Благодаря милости и заступничеству перед государем царицы Марии, которая любила Феодосию за добродетель, боярыне Морозовой были возвращены отнятые отчины.

Феодосия Прокопьевна занималась благотворительностью, что было положено по Домострою для каждой женщины из высшего общества. Будучи богатой вдовой и владея всем состоянием своего покойного мужа, боярыня Морозова помогала неимущим, должникам, ко-

торым было положено телесное наказание, выплачивая за них долги, жертвовала свои отчины монастырям.

Феодосия, узнав об инокине Мелании, позвала её к себе в дом и, послушав её речи, решила сделать своей наставницей. Она полностью покорилась её воле и стала самой верной послушницей. Феодосия Прокопьевна стала крепка в своей вере. Начала жить постами и молитвами и обличать никонианцев, считая, что они приняли римлянолатинскую веру. Однажды к ней пришли родственники: двоюродный дядя Михайло Алексеевич Ртищев со своей дочерью Анной Михайловной Вельяминовой. Они приняли реформу царя, а Анна была самой близкой сподвижницей Никона, и начали хвалить церковную реформу. Они надеялись, что она примет её, но боярыня Морозова была непреклонна, называла Никона «врагом Божиим и отступником», а Аввакума — «истинным учеником Христовым» [1]. Предостережение от Анны о том, что, если царь разгневется за её непослушание, то отберёт у неё всё имущество, и сын её останется нищим, на неё не подействовало. Феодосия была и тут непреклонна: она сказала, что любит своего сына и непрестанно о нём молится, но не хочет губить свою душу и предавать Бога, потому что «Христа любит больше сына!» [1]. С одной стороны, её слова можно было расценить как эгоизм, но с другой стороны, Феодосия Прокопьевна хотела тем самым подать нравственный пример своему сыну. Михайло и Анна были удивлены её мужеству и непреклонному разуму и не стали больше спорить. Вскоре боярыня Морозова приняла иноческий чин от отца Досифея с именем Феодора. Она полностью отошла от мирских дел и отдала все свои помещичьи дела своим верным людям.

Окончательной точкой в конфликте с царём стал отказ Морозовой прийти на свадьбу к государю с Натальей Кирилловной Нарышкиной, сказавшись больной. Феодосия должна была во время церемонии стоять в первых рядах и говорить титул царский. Из данного примера видно, что женщины XVII века, вопреки всем представлениям, были вхожи в общество и принимали участия в важнейших церемониях наравне с мужчинами. Царь сильно разгневался: он не мог простить обиды, нанесённой ему второй раз, поэтому собрал совет бояр, на котором решила судьба Морозовой. Феодосия Прокопьевна знала, что за ней придут и была спокойна. 15 ноября, во втором часу ночи, за ней пришли. Морозова легла на свой пуховик рядом с иконой Пресвятой Богородицы Феодоровской. Первым к боярыне вошел архимандрит Чудова монастыря — Иоаким и, увидя, что Феодосия так дерзновенно его встречает, сказал, что её зовет к себе царь держать ответ и, если она не захочет пойти, её понесут. Морозова и с места не сдвинулась, тогда архимандрит спросил её, как она крестится. Она показала два перста по старому обычаю. Ей велели собираться. Идти она не хотела, поэтому её понесли в кресле.

На следующий день её понесли слуги до Чудова монастыря на допрос. Несмотря на высокие чины допрашивающих, Феодора не встала для разговора, отвечала сидя.

Морозова была непоколебима: она считала, что идёт по «истинному пути Христову» [1]. На вопросы: хочет ли она принять реформу и будет ли уважать Никона, Феодора отвечала отрицательно, называя новое учение «завлуждением», а Никона — еретиком. Все дивились мужеству и непоколебимости этой женщины. На Морозову надели цепи со стульями (цепи в виде ошейника с длинными концами, к которым прикреплялись тяжёлые колоды (стулья)), посадили на возок и повезли мимо Чудова монастыря под царскими переходами. Она сидела на возке гордо, положив рядом с собой стулья и подняв правую руку в крестном двуперстном знамении. Ф. Морозова думала, что царь смотрит на переходе на её победу; она радовалась оковам. Судя по всему, Феодосия была яркой фанатичкой.

В конце 1671 года или в начале 1672 года боярыню Морозову постигло ещё одно испытание: умер её сын, Иван Глебович. После смерти сына Феодосии, Ивана, все отчины Морозовых со скотиной были конфискованы и розданы боярам, а драгоценная утварь была распродана. Вопреки гневу на Феодосию Морозову, царь был поражён её мужеством и стойкости. Морозову привозили в Чудов монастырь во Вселенские палаты, её пытались склонить к принятию новых канонов, но Феодосия Прокопьевна была непреклонна. Когда Патриарх Питирим хотел помазать ей лоб священным елеем, она оттолкнула его руку и сказала: «Не губи меня грешницу, отступным своим маслом!» [1]. Ф. Морозова не хотела причащаться по новым канонам, потому как не могла нарушить обетов, данных своей вере. Патриарх был в ярости: он назвал Морозову «исчадием ехидниным», грешницей, «вражей дочерью», и велел заточить её в сруб. Феодосия укоряла его в неправоте его слов [1].

Патриарх посетовал царю на Морозову, после чего они вынесли ей приговор. На следующий день ночью её увезли на Земский двор, посадили в общую людную избу ждать пыток. Когда её привели к огню и спросили о том, знает ли, в чем повинна, она начала говорить об истинном учении Божьем. Феодосия вытерпела все пытки и кричала своим палачам, что разве это может быть христианством, если людей мучают.

Патриарх просил у царя сжечь Феодосию, но бояре посчитали это слишком: Морозова была представительницей одного из самых знатных и древних боярских родов. В 1673 году царь прислал к Феодосии главу стрельцов, он просил признать троеперстие, говорил, что царь её помилует, если она укажет своей рукой на три перста, что будет означать признание нового крестного знамения. Морозова отвечала, что она не будет признавать троеперстия, ибо это «печать антихристов» [1]. Она была даже готова сгореть в срубе. Все попытки государя были тщетны. Феодосия была непреклонна. Ей придумали новое испытание по приказу царя: её привезли в Новодевичий монастырь, запретили приносить ей то, что она попросит, наказали стеречь под крепким надзором, влачили к службе. Она же не изменила своему слову и иноческому чину. Царь отправил Феодосию в Боровск, в жестокое заточение и за-

претил к ней пускать посетителей. Перед запретом царя к Феодосии пришла её мать попрощаться с ней. Вскоре в Боровск прислали дьяка Стрелецкого и Сыского приказов Фёдора Кузмищева, он посадил Феодосию в земляную темницу. Там было голодно, темно, душно. От риз, которые у неё были для тепла, донимали вши и черви. Когда ей давали пищу, не давали пить; когда давали пить, еды не давали.

Боярыня Морозова, предчувствуя свою смерть, попросила стражника вымыть её сорочку, чтобы предстать пред Богом чистой, он согласился. Ему было одновременно жалко бедную вдову, идущую на такие жертвы ради веры, и в то же время он восхищался её подвигом. 2 ноября 1675 года боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова умерла в земляной темнице. Она так и осталась верна вере своих отцов до конца. Её похоронили, как она и завещала, рядом с её сестрой [1].

Из писем протопопа Аввакума к Феодосии Морозовой мы можем увидеть не просто женщину, преданную своей вере, но и хорошую помещицу. Так, например, Аввакум был недоволен тем, что Феодосия морила голодом вместе с собой его сторонников, которые нашли приют и убежище в ее доме. Укорял он её и за то, что та радовалась, когда ей вернули отчины, и писала ему: «Есть на что жить» [2]. То есть была рада земным благам и богатствам. Из писем протопопа следует, что Феодосия вовсе не была отшельницей, как показано в её «Житии»; к ней приходили знатные бояре, что не нравилось Аввакуму. Также видно, что Морозова хорошо следила за своими отчинами, заботилась об их прибылях и достатке. Судя по тому, как протопоп Аввакум укорял Феодосию Прокопьевну: «...Лише печосся ... как славы нажить больше...», она не всегда его слушалась [2]. В письмах Морозовой к жене Аввакума, Настасье Марковне, мы видим: она пишет, что занята домашними и помещичьими заботами, поэтому так долго не писала ей [2].

Судя по тем обращениям, которые Аввакум применял по отношению к Феодосии: «мати моя», «государыня моя», «друг мой сердечный», он её очень уважал и признавал её высокое происхождение. Он упоминал и то, что она была приближенной царя и царицы, так как была женой боярина [3, с. 98].

Литература:

1. Житие боярыни Морозовой. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-17/7 (дата обращения: 03. 03. 2025)
2. Переписка боярыни Ф. П. Морозовой с протопопом Аввакумом и его семьёй. С. 91. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-17/8 (дата обращения: 03. 03. 2025)
3. Протопоп Аввакум. Житие. Челобитные. Переписка. URL: <https://djvu.online/file/O5dx3cRAqLW1M?ysclid=ml250z7wb7106567459> (дата обращения: 03. 03. 2025)

Она сама называла себя его сестрой, конечно, духовной. Из её писем жене и детям Аввакума видно, что Морозова посылала им деньги в ссылку «...пятнадцать рублёв денег...», тем самым кормила их [3, с.110]. То есть и в духовной жизни Феодосия помнила о своём высоком происхождении и статусе.

Также в письмах Морозовой к Аввакуму четко отражена тема материнства: вопреки своему высказыванию, что она любит Бога больше, чем сына, как это описано в её «Житии», она заботилась о нём и не бросила его даже в ссылке [1]. Так, в одном из писем к своему учителю Аввакуму она просила, чтобы он помог организовать брак ее сына. Феодосия Прокопьевна советовалась со своим духовным отцом, какую жену ей для сына выбрать: из богатого сословия или из бедного, и замечала, что бедные девушки лучше характером [2]. Так, забота о будущем своего сына не оставляла Феодосию даже во время ареста. Когда Иван умер, Аввакум отправлял письмо Морозовой, где утешал её, уговаривал сильно не горевать о его кончине, а молиться о его душе.

Феодосия Морозова не просто была фанатичной женщиной: её позицию и сопротивление царской воле можно характеризовать и как социальный мотив: неподчинение знатной боярыни царю; она была не только убеждена в том, что её вера единственно правильная, но и в том, что имеет право по древности и знатности своего рода спорить с государем. То есть в XVII веке мы видим ещё и социальное явление: борьба боярства с царём; знатные роды, считавшие себя чуть ли не равными царю, сопротивляются ему. Боярыня Морозова не просто была вдовой знатного боярина, она была главой рода, представительницей высшей знати, очень богатой и влиятельной.

Таким образом, боярыня Феодосия Морозова — это не просто символ старообрядчества, женщина, пошедшая на всё ради веры, но и символ борьбы боярства с царем. Это богатая и влиятельная помещица, входящая в царский круг, добродетельная вдова и мать, олицетворение идеала домостроевской Руси и одновременно женской непокорности. Она, безусловно, феномен XVII века. Защищая старину и Домострой, эта женщина сама не заметила, как в своей борьбе вышла за их рамки.

Избирательная система России в начале XX века

Донских Павел Петрович, аспирант
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Статья посвящена комплексному анализу избирательной системы Российской империи в начале XX века. Рассматриваются законодательные акты периода 1905–1907 гг., куриальная система, многоступенчатые выборы, роль либеральных и социалистических партий и итоги реформы 3 июня 1907 года. Автор демонстрирует, что российская избирательная система сочетала элементы модернизации с попытками сохранить порядок в стране, что указывает на ее компромиссность.

Ключевые слова: избирательная система, Государственная дума, куриальная система, сословное представительство, Российская империя, политические реформы.

Начало XX века в России было временем глубоких социальных, экономических и политических перемен. Поражение в Русско-японской войне (1904–1905 гг.), рост революционных настроений и экономический кризис сделали очевидной необходимость политических реформ. Разнородные политические силы требовали расширения гражданских свобод и участия в управлении страной.

Манифест 17 октября 1905 года стал шагом вперед, провозгласив «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» и создание Государственной думы. Однако, несмотря на создание представительного органа, часть населения оставалась исключена из избирательного процесса: женщины, военнослужащие, студенты и значительная часть рабочих не имели права голоса.

Экономическая ситуация в начале XX века характеризовалась ростом промышленности и урбанизации, но социальное неравенство оставалось высоким. Крестьяне составляли большинство населения, но обладали наименьшими электоральными возможностями [1].

Многие политические партии того времени, включая либеральных кадетов и социал-демократов, выступали за расширение электоральных прав. Либеральные партии ориентировались на реформу и постепенную демократизацию, тогда как социалисты стремились мобилизовать массы и использовать избирательный процесс как инструмент политической борьбы.

Первое «Положение о выборах в Государственную думу» (6 августа 1905 г.) и последующая редакция от 11 декабря 1905 г. установили основные принципы куриальной системы:

- **Многоступенчатые выборы:** избиратели выбирали делегатов через несколько уровней;

- **Устанавливались сословия. Выделялись четыре курии:** землевладельцы, крестьяне, городские избиратели и рабочие;

- **Имущественные цензы:** доступ к голосованию зависел от уровня дохода или владения землей;

- **Устанавливались категории лиц, не имевших избирательных прав. К ним относились:** женщины, лица моложе 25 лет, обучающиеся в учебных заведениях, воин-

ские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе, бродячие инородцы, иностранные подданные, а также лица, подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, и другие.

Согласно Положению от 6 августа 1905 года, Государственная дума задумывалась как законосовещательный орган, то есть она не имела права принимать законы, а лишь могла обсуждать законопроекты, подготовленные правительством [2]. Окончательное решение по-прежнему оставалось за императором.

Избирательная система строилась на куриальном принципе, то есть население делилось на группы (курии) в зависимости от социального и имущественного положения. Основными куриями были землевладельцы, городские жители и крестьяне. Выборы носили многоступенчатый характер.

Некоторая часть населения была лишена избирательных прав. В выборах не участвовали: женщины, военнослужащие и учащиеся; рабочие фактически не были представлены, а участие населения зависело от имущественного и сословного ценза.

Проект Думы, известный как «Булыгинская дума», фактически не был реализован, поскольку политическая ситуация в стране резко изменилась осенью 1905 года. Под давлением массовых выступлений был издан Манифест 17 октября 1905 года, который провозгласил гражданские свободы и расширение прав представительного органа.

В новых условиях потребовалось изменить избирательное законодательство. В результате 11 декабря 1905 года была принята новая редакция Положения о выборах в Государственную думу.

Главным отличием новой редакции стало расширение круга избирателей. Впервые в выборах получили возможность участвовать рабочие, для которых была создана отдельная рабочая курия. Это увеличило представительность будущей Думы и расширило социальную базу выборов.

Куриальная система была многоступенчатой и сословно ориентированной:

- 1. Землевладельческая курия:** состояла из крупных и мелких землевладельцев, голос которых имел наибольший вес;

2. Крестьянская курия: голос крестьян был представлен через выборщиков;

3. Городская курия: включала представителей торгово-промышленного класса и мелких предпринимателей;

4. Рабочая курия: устанавливала влияние промышленных рабочих на формирование Думы [3].

Однако при этом сохранялись ключевые особенности прежней избирательной системы. Избирательное право по-прежнему оставалось неравным, поскольку разные курии имели различный «вес» голосов. Преимущество сохранялось за землевладельцами и обеспеченными слоями населения. Выборы также оставались многоступенчатыми и непрямыми, что ограничивало влияние избирателей на конечный результат.

Таким образом, если Положение от 6 августа 1905 года представляло собой попытку создать ограниченный совещательный орган при сохранении самодержавной власти, то редакция от 11 декабря 1905 года стала шагом к расширению представительства и формированию более широкого парламентарного института.

Вместе эти акты заложили правовую основу для создания Государственной думы, которая начала свою работу в 1906 году, и стали важным этапом в развитии российской государственности начала XX века.

Либеральные партии (кадеты, октябристы) стремились использовать новые институты для продвижения реформ. Они выступали за расширение прав парламента и усиление роли Думы в законодательной системе.

Социалисты (эсеры, социал-демократы) мобилизовывали крестьян и рабочих через агитацию и политические организации. Их деятельность включала создание местных комитетов, агитацию в сельских округах и подготовку кандидатов.

Фракционная борьба внутри Думы проявлялась в противостоянии между правыми и оппозицией, особенно по вопросам бюджета, реформ образования и земельной политики.

Реформа 3 июня 1907 года радикально изменила избирательное законодательство:

- Уменьшено представительство крестьян;
- Снизилось количество депутатов с 524 до 442;
- Усилено влияние землевладельцев и буржуазии;
- Усилено цензовое и сословное ограничение групп избирателей.

Реформа 3 июня 1907 года связана с изменением избирательного законодательства Российской империи и стала важным этапом в развитии государственного строя начала XX века. Она была проведена императором Николаем II и фактически означала частичный пересмотр ранее введенных принципов представительства.

Поводом для реформы стал политический кризис, связанный с деятельностью Второй Государственной думы, которая действовала с 20 февраля по 3 июня 1907 года. В её составе было значительное число представителей оппозиционных и левых политических сил, что затрудняло взаимодействие с правительством.

3 июня 1907 года Николай II распустил Вторую Государственную думу и одновременно утвердил новый избирательный закон. Основной целью реформы было изменение состава представительного органа за счёт перераспределения избирательных прав.

Реформа 3 июня 1907 года привела к формированию Третьей Государственной думы, которая начала работу 1 ноября 1907 года. В отличие от предыдущих созывов, её состав оказался более устойчивым и ориентированным на сотрудничество с правительством.

В исторической науке события 3 июня 1907 года часто рассматриваются как завершение революции 1905–1907 годов. Само изменение избирательного закона некоторые историки называют «третьеиюньским переворотом» и утверждают, что оно было проведено без соблюдения ранее установленных процедур. Однако другие — приводят доводы об отсутствии осуждения роспуска I Государственной Думы со стороны общества и партийных кругов, наличии аналогичных решений в других государствах, логично доказывая, что «государственного переворота в подлинном смысле этого слова 3 июня 1907 г. не было, а законодатель, приняв новый избирательный закон, создал условия для создания новой политической системы, при которой было установлено взаимодействие между верховной властью, российским парламентом и Советом Министров, что позволило перейти к реформированию страны» [4].

Таким образом, реформа 3 июня 1907 года означала переход к новой модели взаимодействия власти и представительных органов, при которой сохранялись элементы парламентаризма, но усиливался контроль со стороны верховной власти. Она оказала значительное влияние на дальнейшее развитие политической системы Российской империи в начале XX века.

В начале XX века в Российской империи были приняты последовательные шаги по формированию избирательной системы и созданию представительного органа власти. Эти процессы разворачивались в условиях масштабных общественных изменений и сопровождались поиском оптимальной модели взаимодействия между государством и обществом.

Избирательная система России начала XX века была продуктом компромисса между стремлением к реформам и желанием сохранить порядок в государстве. Сословные ограничения и куриальная система ограничивали голосование части населения, а реформа 1907 года закрепила консервативный характер избирательной системы.

В целом, в период 1905–1907 годов в Российской империи была сформирована система выборов в Государственную думу, основанная на сочетании элементов представительства различных социальных групп и сохранении значительной роли верховной власти в политической системе. Эти преобразования стали важным этапом в развитии государственных институтов и заложили основы функционирования представительного органа в условиях начала XX века.

Литература:

1. Ромашов Р. А., Рыбкина М. В. Избирательная система России: от думских выборов 1906 г. к президентским 2024 г. — Ленинградский юридический журнал, 2024. — № 1 (75). — С. 174–197. DOI: 10.35231/18136230_2024_1_174.
2. Баев В. А. Развитие избирательного права России в начале XX века — CyberLeninka, 2011. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-izbiratel'nogo-prava-rossii-v-nachale-xx-veka>.
3. Белов С. А. Выборы членов государственной Думы Российской империи в 1905–1912 гг. — Ленинградский юридический журнал, 2006. — С. 98–107.
4. Кабытов П. С. П. А. Столыпин и третьеиюньская монархия — Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2011. т. 13 № 3 (2) — С. 386–390.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века) — СПб: Изд-во СПбГУ, 2023.
6. Панкратов В. В. Избирательная система России как результат правового регулирования выборов — Дис. канд. юр. наук, Москва, 2023.

Быт и занятия женщин на Боспоре

Метелева Татьяна Александровна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Женщины на Боспоре как выходцы из разных родов, живущие на периферии античного мира, имели свои особенности во внешности, быте и занятиях, образе жизни по сравнению с общепринятыми нормами [5, 156].

Что касается одежды боспорянок, то их костюм можно реконструировать по изображениям и рельефам, особенно на надгробиях. Как указано выше, женщины носили длинные хитоны, в которые были задрапированы. На всех надгробиях женщины завернуты в длинные хитоны, скрывающие обувь. Также сверху накинуты плащи, которые покрывали голову. Можно предположить, что покрытие головы было одним из атрибутов изображения умершей женщины. Хитон ниспадал равномерно и симметрично по краям, иногда для равновесия к нему привешивались грузики. Это придавало стройность фигуре. Также женщины использовали высоко поднятые пояса, они помогали фиксировать бюст. Позже появились туники, которые имели простой способ кроя. Обычно из равных отрезков ткани, которые сшивались по бокам и рукавам. Туники были как длиннорукавные, так и короткорукавные. Вырез горла был достаточно широк, чтобы не использовать застёжек. Тунику всегда носили с другим видом одежды.

На голове женщины часто изображены в шапочках — калафах. Это головной убор, напоминающий тюрбейку, расширяющийся сверху, имевшая трапецевидную форму и завершавшаяся закругленными выступами. Также иногда применялась шляпа с полями, а также диадема, которая скрепляла волосы [6, 89].

Женщины проводили большую часть времени дома и следили за хозяйством. Они жили отдельно в гинекеях и не могли принимать участия ни в каких мероприятиях мужчин: ни в симпозиях, ни в вечеринках, ни в спор-

тивных состязаниях [2, 98]. Не могли женщины участвовать и в мужских религиозных обществах — фиасах. Исследователи не обнаружили ни одного упоминания женщин в списках членов таких обществ на Боспоре [9, 252].

На Боспоре нравы могли быть свободнее. В частности, греческий писатель II в. Лукиан Самосатский в своем сочинении «Скиф, или гость. Токсарис, или дружба» сообщает, что на Боспоре был обычай, что во время симпозиума мужчины могли просить руки девушки, перечисляя свои достоинства и недостатки и соревнуясь друг с другом. Это могло быть возможным, если девушка присутствовала за столом.

Главным занятием женщины было домашнее хозяйство и ткачество. Находки ткацких грузил и их количество в боспорских городах указывает на то, что домашнее ткачество было широко распространено в боспорском обществе. Им занимались женщины [3, 110]. Также были многочисленные находки веретен, на которые надевались пряслица. Веретена в большинстве случаев были деревянными, утолщенными посередине и заостренными с концов. В Северном Причерноморье часто находят прялки из слоновой кости. Их часто ложили в женские погребения как атрибут их основных занятий. Прялки были как простые, так и искусно выделанные, богато украшенные, покрытые золотом или серебром [8, 46]. Прялки также посылали женщинам в виде дара. Например, древнегреческий поэт III в. до н. э. Феокрит, автор «Идиллий», посвятил отдельное стихотворение прялке, где сообщает о том, что дарит некоей красивой женщине Никии прялку из слоновой кости, чтоб она ткала женскую и мужскую одежду. Если веретено и прялки были легкими, то ткацкий станок был тяжелым и размещался на женской половине

дома. Он был практически весь деревянный, к нему находилось много грузил весом от 6 до 460 грамм на Боспоре. Они могли быть керамическими и металлическими и привешивались к вертикальным нитям. Их вес колебался в зависимости от назначения изделия [1, 395].

Женщины также занимались сельским хозяйством, переработкой зерна, заготовкой еды и припасов. Это тоже было важным атрибутом женщин. В частности, женские костяки на некоторых некрополях посыпаны зерном и семенами в области таза. Также это символизировало плодородие. На надгробных рельефах умершие женщины часто сопровождаются служанками-рабынями. Именно в обществе служанок свободные женщины чаще всего проводили свой досуг. Обычно женщины не получали образования, поскольку это считалось нецелесообразным. Среди всех найденных надписей и граффити в Северном Причерноморье находятся единицы, подписанные женщинами [10, 81].

Из досуга женщины могли развлекаться также играми. Например, на Боспоре часто находят астрагалы — специальные кости, которые подкидывали или выбивали в игре. На изображениях встречаются и женщины, игравшие в кости. Их партнерами в этих развлечениях были подруги. Вряд ли женщины играли в коттаб, где надо было выплеснуть вино в сосуд, так как им запрещено было пить вино. Зато они могли играть в шашки, кубики или камешки. Античные шашки, в том числе из раскопок Северного Причерноморья, часто делались в виде фигурок богов, героев или людей. Они хранились в специальных сосудах или нанизывались на нити [7, 77].

Также женщины следили за модой в античном мире. Для боспорянок своеобразным журналом мод могли служить привозные аттические сосуды с изображениями. Одежда и прическа боспорянок мало отстают от трендов в главных греческих городах. На некоторых пантикапейских вазах встречаются изображения, где молодая девушка занимается своим туалетом в гинекее или невеста готовится к свадьбе в окружении подруг. Если мужчины получали различную информацию, отправляясь в порты и торговые лавки, то женщины могли посылать туда служанок, которые все пересказывали хозяйке.

При таком замкнутом и однообразном образе жизни выдающимся событием и по сути единственным праздником, где женщина была в центре внимания, а в дом приглашались гости, была свадьба. В богатых семьях этот праздник растягивался на 3 дня, в бедных семьях обычно ограничивался одним днем. Перед подготовкой к свадьбе к девушке приходили подруги, которые ей помогали. Есть изображения, где обнаженная боспорянка моет волосы

в лутерии, а другая девушка поливает её водой. Затем невесту одевали в праздничную одежду и вместе с подружками она выходила к гостям, но лицо было закрыто, виден был только разрез глаз. Так подчеркивалось целомудрие новобрачной. На одной вазе (кальпиде) из Горгиппии изображен свадебный поезд, где жених и невеста едут на колеснице, а их сопровождает девочка с ритуальным сосудом-лутрофором. Один юноша из друзей жениха ведет под уздцы пару коней свадебного кортежа, другой освещает путь факелом. Весь кортеж сопровождается песнями и танцами: одни девушки играют на аулосе, другие — на лире. Также есть женщина, которая несет ритуальный треножник. Жених и невеста одеты в праздничные наряды, в частности, на картине сохранились остатки зеленоватой и золотистой краски на наряде невесты. На третий день невеста принимала подарки. На изображениях на вазах она восседает на троне посреди композиции. Она в праздничной одежде с цветной богато украшенной каймой, в диадеме, серьгах, на руках кольца и браслеты. Она принимает подарки от других девушек, также в богатых нарядах. Это ткани, шкатулки с украшениями, различные сосуды: леканы, пиксиды, арибаллы, — с душистыми маслами и благовониями. Кто-то держит треножник, кто-то играет на лире [4, 39].

Брак был очень важным и серьёзным шагом в жизни как мужчин, так и женщин Древней Греции. И он тщательно обдумывался и выверялся — это была большая ответственность. В упоминаемой речи Демосфена «Против Неэры» о браке говорится, что жить в браке — значит, не только сожительствовать, но и заводить детей, сыновей включать в фратрию и число демотов, а дочерей выдавать замуж как своих детей. Если гетер заводят для наслаждения, наложниц — для удовлетворения телесных потребностей, то жен — как тех, от кого будут законные дети, а также кто будет охранять имущество.

Боспор был полиэтническим и поликонфессиональным. Быт и занятия женщин Боспора во многом воспроизводили условия материковой Греции. Девушки и замужние женщины были ограничены гинекеем: вели домашнее хозяйство, воспитывали детей, занимались ткачеством, не участвуя в мероприятиях мужчин, в то же время они могли участвовать в религиозных таинствах и исполнять должность жриц. Особой категорией были гетеры, которые могли вести свободный образ жизни, но расплачивались тем, что были ограничены в правах. Самые тяжелые условия жизни были у рабынь, но на Боспоре воспроизводилась модель патриархального рабства, что облегчало положение боспорских рабынь по сравнению с классическими полисами.

Литература:

1. Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1952. — № 25. — С. 395–414.
2. Журавлев Д. В. Женщина в античном мире // Любовь и Эрос в античной культуре. Каталог выставки Государственного исторического музея. — М., 2006. — С. 98–115.

3. Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории / Боспорские исследования. — 2006. — № 12. — С. 110.
4. Кинжалов Р. В. К реконструкции древнегреческого свадебного обряда // Астарта. — Вып. 1. — СПб., 1999. — С. 39–95.
5. Кузьмина Т. А. Женщина на периферии античного мира: к вопросу о влиянии варварского фактора (на примере Боспора) // Из истории античного общества. — Вып. 12. — Нижний Новгород, 2009. — С. 156–163.
6. Матковская, Т. А. Образ боспорянки (по материалам Керченского лапидария) Т. А. Матковская // Боспорские исследования. — 2002. — № 2. — С. 89–102.
7. Скржинская М. В. Досуг жителей античных государств Северного Причерноморья / М. В. Скржинская // Боспорские исследования. — 2014. — № 30. — С. 77–151.
8. Скржинская, М. В. Женщины в античных государствах Северного Причерноморья (по материалам Боспора, Херсонеса и Ольвии) / М. В. Скржинская // Боспорские исследования. — 2008. — № 19. — С. 46–82.
9. Смирнова Н. В. Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2001. — № 10. — С. 252–267.
10. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. — М.-Л., 1953. — С. 81.

Мистерияльные культы (Митры, Иисиды, Кибелы) в условиях христианизации Римской империи: стратегии выживания и ассимиляции

Шиповский Игорь Алексеевич, студент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Мистерияльные культы — одна из самых загадочных страниц позднеимперской религиозности. Образы Митры, убивающего быка, Иисиды с младенцем Гором, Кибелы на колеснице, запряжённой львами, до сих пор вызывают интерес исследователей. Долгое время считалось, что христианство победило «языческие суеверия» исключительно силой императорских указов. Однако современные историки всё чаще задаются вопросом: почему восточные культы сопротивлялись христианизации столетиями? Какие стратегии выживания и ассимиляции они выработали? В данной статье исследованы механизмы адаптации мистерияльных культов в период IV–VI вв. н. э.

Ключевые слова: митраизм, культ Иисиды, культ Кибелы, христианизация, религиозный синкретизм, позднеимперская империя.

Mystery cults (Mithras, Isis, Cybele) in the context of christianization of the Roman Empire: strategies of survival and assimilation

Shipovsky Igor Alekseevich, student
Belgorod State National Research University

Mystery cults are one of the most enigmatic pages of late Roman religiosity. The images of Mithras slaying the bull, Isis with the infant Horus, and Cybele on a chariot drawn by lions continue to fascinate researchers. It was long believed that Christianity conquered «pagan superstitions» solely through the power of imperial decrees. However, modern historians increasingly ask: why did Eastern cults resist Christianization for centuries? What strategies of survival and assimilation did they develop? This article examines the mechanisms of adaptation of mystery cults during the 4th–6th centuries CE.

Key words: Mithraism, cult of Isis, cult of Cybele, Christianization, religious syncretism, late Roman Empire.

Уже несколько столетий минуло с того момента, как христианство стало государственной религией Римской империи, но дискуссии о том, как именно происходило вытеснение мистерияльных культов, не утихают до сих пор. Исследователи изучили огромный массив эпиграфических, археологических и литературных источников. Вот и мы попробуем углубиться в механизмы, позволявшие культам Митры, Иисиды и Кибелы сохранять своё присутствие в империи даже после запретов и гонений.

Мистерияльные культы всегда являлись для историков камнем преткновения. Сложно себе представить, как религии, требующие от адептов кровавых жертв (тавроболий у кибелистов) или эзотерических посвящений, по-другому — семь ступеней митраизма, могли сосуществовать с быстро растущим христианством, а затем — сопротивляться его натиску. Суть проблемы заключается в том, что долгое время исследовали «это» явление исключительно через призму «победы» христианства, не уделяя

внимания стратегиям адаптации самих мистериальных культов.

Первоначальная гипотеза о полном исчезновении мистерий к концу IV века н. э. основывалась на законодательных актах Феодосия I (391–392 гг.), запрещавших языческие культы под страхом смерти. Однако ни на монетах позднеримской чеканки, ни в надписях из восточных провинций, ни в материалах археологических раскопок мы не встретим ничего, что могло бы надежно подтвердить эту точку зрения о мгновенном и тотальном уничтожении митраизма, «исиадизма» и «кибелизма». На сегодняшний день ученые обнаружили достаточное количество материала, чтобы опровергнуть предположение о быстром и бесследном исчезновении мистериальных культов после императорских эдиктов.

Новая гипотеза гласит, что идея выживания восточных культов заключалась не в открытом сопротивлении, а в гибкой адаптации. Такую-то стратегию мы называем «религиозным синкретизмом» — заимствованием христианской символики, ритуалов и даже святых мест. Первые упоминания о том, что адепты Митры переосмысливали свои мистерии в христианском ключе, были зафиксированы археологами при раскопках митреума в Сан-Клементе (Рим), где прямо поверх языческого святилища была возведена христианская базилика, причём нижний слой продолжал использоваться для ритуалов вплоть до VI века [1].

С течением времени исследователи выявили несколько стратегий выживания.

– **Во-первых**, это топографическая преемственность: священные пещеры Митры, храмы Исиды и святилища Кибелы часто оказывались на месте будущих христианских церквей.

– **Во-вторых**, иконографическое заимствование. Мы можем утверждать, что образ Богородицы с младенцем имеет прямую иконографическую связь с изображениями Исиды, кормящей Гору [2]. Такая преемственность обеспечивала психологический комфорт для неофитов, переходивших из одного культа в другой.

– **В-третьих**, это календарная ассимиляция: день рождения Митры (25 декабря) был позже принят христианами как Рождество Христово [3].

Резонным будет вопрос: а как происходила трансформация самих ритуалов, и чем она отличалась от простого заимствования образов? Особое внимание в исследованиях уделяется культу Кибелы и её возлюбленного Аттиса. Обряд тавроболий — крещение кровью забитого быка — имел значимость очищения и возрождения для

посвящённых. Исследовали это явление и обнаружили, что в IV–V веках этот обряд трансформировался: вместо реального убийства животного всё чаще использовалась символическая имитация, а само таинство осмыслялось как «второе рождение», что невероятно сближало его с христианским крещением [4].

Помимо ритуальных изменений, мистериальные культы использовали и социальные стратегии. Адепты Митры, традиционно рекрутировавшиеся из военных и купцов, после запретов стали уходить в частные дома и виллы. Археологи узнали, что небольшие митреумы III–IV веков часто располагались в подвалах богатых особняков, а не в отдельно стоящих зданиях [5]. Такая конспирация позволяла сохранять культ десятилетиями. Можно сказать, что от степени скрытности зависела сама жизнь митраистов в эпоху доминантного христианства.

Кратко разобрав стратегии выживания, мы можем выделить основные аспекты. Во-первых, все три культа продемонстрировали удивительную пластичность. Во-вторых, они не исчезли мгновенно, а постепенно растворились в христианском контексте, передав ему значительную часть своей обрядности и символики.

По ходу рассуждений мы неоднократно упоминали о сходствах между мистериальными культами и христианством. Сходства, в основном, заключались в наличии таинств (крещение, евхаристия — у христиан; тавроболий, посвящение — у мистерий), вере в загробное воздаяние и спасителя (Митру, Исиду, Аттиса). Но тут же есть и отличия. Христианство, в отличие от элитарного митраизма или оргиастического культа Кибелы, было открыто всем слоям населения — женщинам, рабам, беднякам [6]. Эту-то особенность исследовали как главный фактор победы христианства. Другим ярким отличием было то, что митраизм требовал сложной и долгой иерархии посвящений, тогда как христианство предлагало спасение через веру без многолетних эзотерических практик [7].

Подводя итог нашим рассуждениям, хочется процитировать слова современного историка религий Ф. Кюмона: «Митраизм был самым опасным соперником христианства, но он же и подготовил для него путь, создав понятие личного спасения через таинство» [8]. Этим выражением можно обозначить судьбу мистериальных культов. Несомненно, они являлись глубокими и сложными религиозными системами, но только у каждой оказалась своя судьба: одни — Митры и Кибелы — ушли в подполье и постепенно исчезли, другие — Исида — растворились в почитании Богородицы, передав ей свои атрибуты и любовь верующих.

Литература:

1. Клаусс, М. Римский культ Митры. Бог и его мистерии / М. Клаусс. — М : Касталия, 2022. — 250 с.
2. Штаерман, Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима / Е. М. Штаерман. — АН СССР. — М : Наука, 1987. — 318 с. — Текст : непосредственный.
3. Санчурский, Н. В. Римские древности: учеб. пособие для гимназий, прогимназий и самообразования / Н. В. Санчурский. — АН СССР. — М : Издательство Московского Ун-та, 1995. — 208 с.

4. Энгус, С. Тайные культы древних. Религии мистерий / С. Энгус. — М : Центрполиграф, 2013. — 413 с.
5. Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Том V. Религия Римской империи / Ф. Ф. Зелинский. — М. : Алетейя, 2020. — 784 с.
6. Фрейзер, Д. Золотая Ветвь: Исследование магии и религии / Д. Фрейзер. — М : АСТ, 2023. — 800 с.
7. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. — 4-е изд., испр. и доп. — М : Политиздат, 1986. — 576 с.
8. Кюмон, Ф. Мистерии Митры / Ф. Кюмон. — М : Наука, 1994. — 201 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Романтизация антигероев в кино: механизмы оправдания насилия на примере образов Данилы Багрова и Тони Монтаны

Фролова Василина Вячеславовна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге

Автор исследует психологические и социокультурные механизмы романтизации антигероев в кино, объясняющие, почему зрители склонны оправдывать насилие и идеализировать персонажей с «серой» моралью на примере образов Данилы Багрова и Тони Монтаны.

Ключевые слова: романтизация, антигерой, кинематограф, Данила Багров, Тони Монтана, криминальная эстетика, психология восприятия.

Статья посвящена феномену романтизации антигероев в кинематографе. На примере культовых персонажей Данилы Багрова (дилогия «Брат») и Тони Монтаны («Лицо со шрамом») рассматриваются причины, по которым зритель склонен оправдывать насилие и проецировать положительные качества на носителей «серой» морали. Эмпирическую базу составляют результаты моего студенческого исследования о восприятии криминальной эстетики 1990-х годов, а также серия глубинных интервью с респондентами и клиническим психологом. В работе выявлены когнитивные и психоаналитические механизмы идентификации с антигероем, а также обозначены социокультурные риски романтизации антисоциального поведения.

Обзор источников

Основу анализа составили художественные фильмы, закрепившие архетипы антигероев в массовой культуре: «Лицо со шрамом» (реж. Б. Де Пальма, 1983) и дилогия «Брат» / «Брат 2» (реж. А. Балабанов, 1997–2000). В качестве эмпирического материала использованы данные исследования «Девяностые. Восприятие исторического периода Санкт-Петербурга молодого поколения жителей города», проведенного мною в 2024 году. Методологическим дополнением служат экспертные комментарии клинического психолога Анастасии Сергеевны Малых (ИМЧ РАН), интерпретирующей образы антигероев с позиций психоанализа, когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) и экзистенциальной психологии.

Методология

Исследование носит качественный междисциплинарный характер. Применялись следующие методы:

1. Нарративный анализ образов Данилы Багрова и Тони Монтаны с выявлением амбивалентных черт, способствующих их романтизации.
2. Вторичный анализ данных социологического опроса (всего респондентов — 119), направленного на выявление ассоциаций с криминальной эстетикой и периодом 1990-х годов.
3. Глубинные интервью с респондентами, имеющими непосредственный опыт проживания 1990-х годов (Иван, 43 года; Мария, 47 лет).
4. Экспертное интервью с клиническим психологом (А. С. Малых) для верификации психологических механизмов восприятия.

Результаты

Романтизация как процесс идеализации

Романтизация определяется как придание объекту (персонажу, эпохе) эмоционально привлекательных, бунтарских черт при игнорировании негативных последствий и аморальности поступков. В кинематографе этот процесс достигается за счет наделения преступника «кодексом чести», семейными ценностями или ролью «защитника слабых».

Амбивалентность образов Данилы Багрова и Тони Монтаны

Анализ показал, что оба персонажа используют насилие как основной инструмент достижения целей, однако их романтизация строится на разных основаниях.

— Тони Монтана воплощает архетип целеустремленного иммигранта, ведомого страстью и жадой власти.

Его «очеловечивание» происходит через гипертрофированную любовь к сестре и матери, что создает у зрителя иллюзию глубины чувств и оправдывает жестокость как издержки большого пути.

— Данила Багров романтизируется через архетип «справедливого воина» и «всадника без страха». Отсутствие корыстных мотивов (он не стремится к обогащению) и наличие четкого внутреннего «морального кодекса» (защита «своих» и наказание «чужих») позволяют зрителю идентифицировать его скорее как героя, нежели преступника, несмотря на совершаемые убийства.

Восприятие криминальной эстетики: данные опроса

Согласно исследованию, период 1990-х годов прочно ассоциируется у респондентов с бандитизмом (92,9 %), нестабильностью (91,1 %) и страхом (60,7 %). При этом 43,8 % опрошенных отметили, что им «нравится» эстетика криминального мира, транслируемая в кино, что свидетельствует о разрыве между рациональным осуждением насилия в реальной жизни и эмоциональным принятием его на экране. Примечательно, что 73,2 % не хотели бы жить в ту эпоху, однако испытывают ностальгический интерес, подпитываемый медиапродуктами.

Психологические механизмы оправдания (экспертное мнение)

Клинический психолог А. С. Малых выделила несколько ключевых механизмов, объясняющих привлекательность антигероев:

1. Проекция Тени (по К. Г. Юнгу). Антигерой позволяет зрителю безопасно прожить подавленные агрессивные импульсы и желание власти.

2. Гало-эффект и «справедливость без выгоды». Конвенционально привлекательная или «своя» внешность (особенно у Данилы Багрова) запускает когнитивное искажение — если персонаж приятен визуально и бескорыстен, его преступления воспринимаются как вынужденная мера.

3. Когнитивная рационализация. Зритель изменяет внутреннюю установку «убивать — плохо» на «в его си-

туации это был единственный выход», чтобы сохранить эмоциональную связь с персонажем.

4. Гендерные различия. У женщин чаще активируется комплекс «спасательницы» и эротизация агрессора; у мужчин — идентификация с антигероем как компенсация кризиса мужественности и чувства бессилия в реальном мире.

Культурная близость как фактор искажения морали

Результаты интервью подтверждают, что культурная и национальная идентичность усиливает толерантность к насилию. Данила Багров воспринимается отечественным зрителем как «свой», человек из народа, говорящий на понятном языке и живущий в узнаваемых реалиях 1990-х. Это создает эффект психологического комфорта и снижает критичность оценки его противоправных действий по сравнению с зарубежным гангстером Тони Монтаной.

Выводы

Проведенный анализ позволяет заключить, что романтизация антигероев в кино является сложным психосоциальным феноменом, в основе которого лежит сочетание художественной выразительности образов, проекции темных аспектов личности зрителя и культурно-исторической ностальгии. Антигерой с «серой» моралью, действующий согласно внутреннему кодексу (Данила Багров) или наделенный трагической уязвимостью (Тони Монтана), предоставляет аудитории возможность символического бунта против норм без реальных последствий.

Однако, как подчеркивается в экспертном заключении, массовая романтизация подобных персонажей несет в себе риски размывания моральных ориентиров, нормализации насилия и роста недоверия к правовым институтам в долгосрочной перспективе. Кинематограф, будучи безопасным пространством для исследования темных сторон человеческой природы, одновременно формирует ложные модели поведения, особенно в молодежной среде, где идентификация с «сильным нарушителем правил» может переходить из области сублимации в реальные социальные установки.

Литература:

1. Балабанов А. О. Брат [Кинолента]. — Россия: СТВ, 1997.
2. Балабанов А. О. Брат 2 [Кинолента]. — Россия: СТВ, 2000.
3. Гудков Л., Дубин Б. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2001. — №. 2. — С. 31–45.
4. Де Пальма Б. Лицо со шрамом [Кинолента]. — США: Universal Pictures, 1983.
5. Ершов Ю. М., и др. Человек в мире медиа: пространственно-временные и социографические характеристики // Издательство Уральского университета. — 2024. — С. 48–161.
6. Мальцева Д. А. и др. Политическая репрезентация 90-х годов в массовой культуре российской молодежи: стратегические риски и угрозы устойчивости социальной системы (опыт социологического анализа новых медиа) // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. — 2021. — С. 240–244.
7. Под. ред. Е. В. Сальниковой. Старые и новые медиа: формы, подходы, тенденции XXI века // Издательские решения. — 2019.

8. Симпура Ю., Еремичева Г. В. От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населением Санкт-Петербурга // Мир России. Социология. Этнология. — 1997. — Т. 6. — №. 2. — С. 163–182.
9. Сунгуров А. Ю. Память о 1990-х в современном Санкт-Петербурге: Анатолий Собчак и Галина Старовойтова // Tempus et Memoria. — 2021. — Т. 2. — №. 3. — С. 50–59.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Театральный комикс как феномен современной театральной культуры

Максимов Ярослав Андреевич, студент магистратуры
Крымский университет культуры, искусств и туризма (г. Симферополь)

Статья посвящена исследованию феномена театрального комикса в контексте современной театральной культуры и проблеме коммуникации театра с цифровым поколением.

Ключевые слова: театральный комикс, современная театральная культура, визуальный нарратив, молодёжная аудитория.

Введение

Актуальность проблематики данного исследования определяется наличием коммуникативного разрыва в системе «театр — зритель» и возрастающей ролью визуальной культуры в молодёжной среде, что формирует необходимость поиска нового языка для успешного диалога между театром и молодым зрителем, сформированным в условиях цифровой культуры. Также актуальность работы обусловлена необходимостью поиска новых эффективных методов обучения и воспитания, отвечающих вызовам современного информационного общества.

Как показали данные опроса школьников старших классов средней школы № 8 г. Симферополя, 70 % респондентов предпочитают визуальные виды искусства, 65 % школьников заявляют о своей заинтересованности в посещении театра, однако, традиционные формы коммуникации театра со зрителями, в виде обычной бумажной афиши или рекомендации старшего поколения, перестали быть для них привлекательными. Основным барьером здесь выступает несоответствие традиционных форм особенностям восприятия поколения, выросшего в визуальной и цифровой среде.

Опираясь на теоретические работы исследователей в области теории комикса (С. Макклауд, У. Эко), театральной коммуникации (В. Немирович-Данченко, В. Мейерхольд), на современные исследования в области особенностей медиаграмотности молодежи, мы разработали творческий проект, задача которого — формирование интереса школьников к театру и классической драматургии через создание ребятами театральных комиксов к просмотренному спектаклю.

Проект «Скрепка», реализованный на базе школы № 8 г. Симферополя в сотрудничестве с ежемесячным школьным журналом «Скрепка» и Симферопольским

академическим русским драматическим театром им. М. Горького, продемонстрировал эффективность данной модели. Участники проекта (учащиеся 8–10 классов) под руководством куратора проекта создавали театральные комиксы по мотивам просмотренного спектакля «Вишнёвый сад» А. П. Чехова. Работа над комиксами помогла ребятам глубже понять произведение, проанализировать его особенности и творчески переосмыслить драматический материал. Готовые работы были опубликованы в специальном выпуске школьного журнала «Скрепка», что обеспечило не только публичную легитимацию творчества участников, но и создало новый культурный повод для диалога о театре и классическом искусстве внутри школьного сообщества.

Изложение основного материала

Театральный комикс представляет собой современный вид искусства, корни которого уходят в наскальную живопись, средневековые миниатюры и русскую лубочную живопись — народные картинки с пояснительным текстом, популярные в XVII–XIX веках. В советский период традиция визуального нарратива для детей продолжилась в журналах «Мурзилка» и «Весёлые картинки». Сегодня комикс стал универсальным визуальным языком, который легко воспринимается поколением, выросшим на графических романах, мемах и социальных сетях.

Театр и комикс имеют общее происхождение, так как оба ориентированы на визуальное восприятие и последовательное развёртывание сюжета. Комиксы создают историю через цепь последовательных графических изображений, театр — через движение, свет, звук и сценическое действие. Объединение этих форм искусства может стать эффективным способом преодоления разрыва между традиционными формами и новыми художественными форматами.

В современном театроведении и искусствоведении нет чёткого определения театрального комикса как самостоятельного жанра. Чаще всего комикс воспринимается либо как рекламный материал (афиша, буклет), либо как иллюстрация к спектаклю. Однако, как показывает практика проекта «Скрепка», театральный комикс может выполнять более глубокую функцию: выступать инструментом интерпретации, анализа и творческого переосмысления драматического материала.

Принципиальное отличие театрального комикса от традиционной иллюстрации заключается в его нарративной природе. Если иллюстрация фиксирует один момент действия, то комикс воспроизводит временную последовательность, что роднит его с театральным спектаклем. Как отмечает С. Макклауд в работе «Понимание комикса» [1, с. 2], комикс — это «последовательное искусство», где пространство между кадрами (гуттер) становится местом активной работы воображения читателя, аналогичной «четвёртой стене» в театре.

В этом контексте театральный комикс выступает не просто как продукт, а как процесс: школьник, создающий комикс по мотивам спектакля, вынужден анализировать характеры героев, понимать их поступки, выделять ключевые сцены, находить скрытые смыслы. Как справедливо утверждают исследователи в области театральной педагогики, перевод драматического действия в последовательность кадров требует от автора навыков раскадровки, понимания крупности планов, ритма, композиции и работы с текстовыми элементами (речь, мысли, звуки). Таким образом, театральный комикс становится не развлечением, а инструментом глубокого погружения в материал.

Следует отметить, что театральный комикс как жанр активно развивается и за рубежом. В Европе и США существуют фестивали графического театра, где комикс и театр встречаются в перформативных форматах: от рисованных спектаклей до лайв-дроиинга. В российской практике этот жанр только формируется, и наш проект «Скрепка» является одним из опытов внедрения театрального комикса в образовательно-культурный процесс.

Однако внедрение театрального комикса требует тщательного анализа, учёта культурных особенностей ауди-

тории и сохранения баланса между театральной традицией и новыми визуальными формами, чтобы не нарушить эмоциональную глубину классических произведений. Как показывает опыт проекта «Скрепка», наиболее эффективной оказывается модель, при которой созданию комикса предшествует полноценное погружение в материал: совместное чтение пьесы, анализ структуры, выделение конфликтов и тем, а затем коллективный поход в театр и аналитическая сессия «После спектакля». Только после этого участники приступают к раскадровке, созданию визуальных образов персонажей и компоновке страниц.

Итоговая диагностика показала положительную динамику в отношении участников к классической литературе и театральному искусству: снизился барьер восприятия («это скучно», «это не про меня»), сформировалась личная, эмоциональная и интеллектуальная связь с материалом. Ключевым результатом стало не столько создание комиксов как таковых, сколько трансформация самого подхода: школьник перестал быть пассивным зрителем и стал активным интерпретатором классического произведения. Проект «Скрепка» продемонстрировал, что театральный комикс может быть эффективно интегрирован в образовательно-культурный процесс, выступая мостом между классическим наследием и визуальным мышлением цифрового поколения.

Заключение

Театральный комикс представляет собой уникальный феномен современной театральной культуры, формирующий новую модель коммуникации между театром и молодёжной аудиторией. В отличие от традиционной иллюстрации, театральный комикс обладает нарративной природой, что роднит его со сценическим искусством и позволяет использовать его как инструмент анализа, интерпретации и творческого переосмысления драматического материала. Театральный комикс — это не просто новый жанр, это новый язык диалога, способный вернуть классическому искусству статус живого, востребованного пространства для творчества и эмоциональных переживаний.

Литература:

1. Макклауд, С. Понимание комикса: невидимое искусство / С. Макклауд, пер. В. Шевченко — М.: Белое яблоко, 2016. — 216 с.
2. Немирович-Данченко, В. И. О творчестве актёра, хрестоматия / В. И. Немирович-Данченко, сост. В. Виленкин — Изд. 2-е, доп. — М.: Искусство, 1984. — 624 с.
3. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: Симпозиум, 2006. — 432 с.

ПРОЧЕЕ

Применение методов искусственного интеллекта в автоматизации управления наземным обеспечением полётов

Тимофеева Мария Максимовна, студент

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова

В статье рассматриваются современные подходы к автоматизации управления наземным обеспечением полётов с использованием методов искусственного интеллекта (ИИ). Обосновывается необходимость внедрения интеллектуальных систем для повышения эффективности, безопасности и сокращения затрат на наземные операции в авиации. Анализируются ключевые технологии ИИ, включая машинное обучение, методы прогнозирования и интеллектуальные агентные системы, а также их интеграция в существующие системы управления аэропортами и авиакомпаниями. Приводятся примеры успешного применения ИИ в автоматизации планирования наземных операций и распределении ресурсов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизация, наземное обеспечение полётов, интеллектуальные системы, управление ресурсами, прогнозирование.

1. Введение

Наземное обеспечение полётов является критическим компонентом авиационной инфраструктуры, включающим планирование и координацию заправки, технического обслуживания, обработки багажа, посадки и высадки пассажиров, а также управления наземным транспортом. С ростом интенсивности воздушного движения и усложнением логистики традиционные методы управления оказываются недостаточно эффективными.

Использование методов искусственного интеллекта позволяет решать задачи планирования и оптимизации наземных процессов с учетом большого количества переменных и непредсказуемых факторов. Автоматизация таких процессов способствует повышению точности операций, сокращению времени обработки рейсов и снижению человеческого фактора в управлении.

2. Методы и технологии

В рамках автоматизации наземного обеспечения полётов применяются следующие методы ИИ:

Машинное обучение (ML)

Прогнозирование времени прибытия и убытия рейсов.

Оптимизация расписаний наземного персонала и техники.

Обнаружение аномалий в работе оборудования и наземной инфраструктуры.

Интеллектуальные агентные системы

Координация работы различных подразделений аэропорта в режиме реального времени.

Автоматическое распределение ресурсов (например, буксировочные средства, трапы, топливозаправщики).

Методы прогнозирования и оптимизации

Алгоритмы оптимизации маршрутов для наземного транспорта.

Моделирование сценариев задержек и автоматическая корректировка расписания.

Интеграция с системами больших данных (Big Data)

Анализ исторических данных о рейсах для улучшения прогнозных моделей.

Обработка потоков данных от сенсоров и IoT-устройств на территории аэропорта.

3. Применение и результаты

Применение ИИ в автоматизации наземного обеспечения позволяет:

Сократить время оборота самолета на стоянке на 15–25 %.

Уменьшить количество ошибок при распределении ресурсов на 30–40 %.

Повысить точность прогнозов времени прибытия рейсов до 95 %.

Примеры успешных внедрений включают интеллектуальные системы управления аэропортами, которые используют алгоритмы машинного обучения для прогнозирования загруженности стоянок и автоматического назначения трапов и буксиров.

5. Обсуждение и анализ вызовов

Несмотря на очевидные преимущества и подтверждённые экономические эффекты, широкомасштабное внедрение технологий ИИ в сфере НОП сопряжено с рядом фундаментальных вызовов.

— **Технологическая гетерогенность и интеграция.** Как отмечается в отраслевых обзорах, авиационная отрасль характеризуется высокой степенью фрагментации ИТ-систем и процессов. Разрозненность данных и отсутствие стандартизированных интерфейсов обмена информацией между различными участниками (аэропорт, авиакомпания, хендлинговые компании) являются серьёзным препятствием для создания сквозных интеллектуальных систем управления. Преодоление этого барьера требует реализации событийно-ориентированных стратегий интеграции и внедрения отраслевых стандартов обмена данными.

— **Качество и репрезентативность данных.** Эффективность моделей машинного обучения напрямую зависит от объёма и качества обучающих выборок. В условиях реальной эксплуатации данные могут быть неполными, зашумлёнными или содержать систематические искажения, что может приводить к некорректной работе алгоритмов и ошибкам в прогнозировании.

— **Безопасность и киберустойчивость.** Переход к автономным системам управления и широкое использование сетевых технологий повышают уязвимость аэропортовой инфраструктуры перед кибератаками. Системный обзор проблем безопасности автономных транспортных средств подчёркивает критическую важность разработки надёжных механизмов защиты от несанкционированного доступа и деструктивных воздействий.

— **Нормативно-правовое регулирование и сертификация.** Внедрение автономных систем, особенно в такой высокорегулируемой отрасли, как гражданская авиация,

требует разработки новых нормативных документов и процедур сертификации, гарантирующих безопасность полётов и наземных операций. Отсутствие чёткой регуляторной базы сдерживает инвестиции и замедляет масштабирование инновационных решений.

6. Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что применение методов искусственного интеллекта в автоматизации управления наземным обеспечением полётов переходит из стадии экспериментальных разработок в фазу практического промышленного внедрения. Ведущие мировые и российские аэропорты уже получают измеримые экономические и операционные эффекты от использования технологий компьютерного зрения, предиктивной аналитики и интеллектуальной диспетчеризации.

Ключевые результаты внедрения ИИ включают сокращение времени оборота воздушного судна на 15–25 %, снижение операционных затрат за счёт оптимизации использования ресурсов, повышение точности прогнозирования до 95–99 % и, как следствие, улучшение пунктуальности выполнения рейсов. Дальнейшее развитие данного направления будет определяться успешностью решения задач межсистемной интеграции, обеспечения кибербезопасности и совершенствования нормативно-правовой базы.

Перспективными векторами научных исследований представляются: разработка гибридных моделей прогнозирования, сочетающих физически-информированные и чисто data-driven подходы; создание многоагентных систем координации действий всех участников наземного обслуживания на основе принципов децентрализованного ИИ; а также углублённое изучение вопросов доверия человека к автономным системам и разработка человеко-ориентированных интерфейсов для операторов и диспетчеров.

Литература:

1. Dubai Airports introduces AI-powered turnaround management system at DXB // Airports Alliance. — 2025. — URL: <https://www.airportsalliance.com/dubai-airports-introduces-ai-powered-turnaround-management-system-at-dxb/> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Аэропорт Шереметьево представил революционную ИИ-экосистему для аэропортов на ЦИПР-2025 // Ru-Bezh.ru. — 2025. — URL: <https://www.ru-bezh.ru/аэропорт-шереметьево-представил-революционную-ии-экосистему-для-аэропортов-на-ципр-2025> (дата обращения: 10.04.2026).
3. «Билайн» разработал ИИ-систему для контроля обслуживания самолетов // IXBT.com. — 2026. — URL: <https://www.ixbt.com/news/2026/04/01/bilajn-razrabotal-iisistemu-dlja-kontrolja-obslužhivanija-samoletov.html> (дата обращения: 10.04.2026).
4. «Пулково» станет первой воздушной гаванью России, внедрившей пилотную ИИ // CNews. — 2026. — URL: https://www.cnews.ru/news/top/2026-04-01_pulkovo_stanet_pervoj_vozdushnoj (дата обращения: 10.04.2026).

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

На защите будущего: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

Кройтор Анна Алексеевна, воспитатель

ГБУСО Владимирской области «Комплексный центр социального обслуживания населения Кольчугинского района» (Владимирская область)

Статья посвящена 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и отражает подвиг защитников Отечества, внесших неоценимый вклад в достижение этой великой победы. Особое внимание уделяется героизму советских солдат, офицеров и гражданского населения, проявленному в условиях жесточайших боевых действий и тягот войны. В статье также рассматривается преемственность боевой славы, в том числе заслуги участников современной специальной военной операции, которые продолжают традиции защиты Родины в наше время. Анализируется историческая память, роль воспитания патриотизма и сохранения героического наследия для будущих поколений.

Ключевые слова: Родина, Великая Отечественная Война, специальная военная операция, герои, патриотизм, Победа.

Defending the future: on the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic war of 1941–1945

The article is dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 and reflects the feat of the defenders of the Fatherland, who made an invaluable contribution to achieving this great victory. Special attention is paid to the heroism of Soviet soldiers, officers and the civilian population, manifested in the conditions of the most severe hostilities and hardships of the war. The article also examines the continuity of military glory, including the merits of participants in a modern special military operation who continue the traditions of defending the Motherland in our time. The article analyzes historical memory, the role of fostering patriotism and preserving heroic heritage for future generations.

Keywords: Motherland, Great Patriotic War, special military operation, heroes, patriotism, Victory.

В 2025 году наша страна отмечает знаменательную дату — 80-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Этот памятный юбилей — не только дань уважения героизму и самоотверженности миллионов советских людей, но и призыв сохранить память о трагических событиях и уроках той войны. Великой Победой мы обязаны защитникам нашей Родины, которые в неимоверно трудных условиях сражались с фашистским нашествием, проявляя мужество, стойкость и героизм.

Но защитники Отечества — это не только ветераны Великой Отечественной. История страны неоднократно подтверждала, что в разное время, в самых разных обстоятельствах наши солдаты и офицеры стояли на страже мира и безопасности Родины. Сегодня, спустя восемьдесят лет после победы над фашизмом, современные защитники продолжают служить и, в том числе, участвовать в специальных военных операциях, защищая интересы и безопасность нашего государства.

Великая Отечественная война — одна из самых масштабных и трагичных страниц мирового и отечественного прошлого. Более 27 миллионов советских граждан отдали свои жизни на фронтах и в тылу. Эта война стала проверкой на прочность всей страны, её единства и готовности к самоотверженному труду ради общей Победы.

Сражения 1941–1945 годов отличались невероятной жестокостью и кровопролитностью. Бои на Курской дуге, Сталинградская битва, освобождение от немецкой оккупации — всё это имена великих подвигов советских солдат и офицеров. Сталинградская битва стала переломным моментом в ходе войны, показав всему миру мощь и волю к Победе Советского народа [2, с. 153].

Не менее важен и труд миллионов людей в тылу — на заводах, в колхозах, на железных дорогах. Без их неустанного труда было бы невозможно обеспечить фронт всем необходимым. Женщины, дети, старики стали участниками общей борьбы.

Память о Великой Отечественной — это напоминание не только о страшных испытаниях, но и о мощи духа и единстве народа. Именно это единство и самоотверженность позволили одержать победу, которая стала основой мирного развития страны в последующие десятилетия.

Подвиги советских солдат и офицеров не поддаются счёту. Каждый солдат, каждый командир делал всё возможное и невозможное ради того, чтобы сдержать натиск врага и освободить родную землю.

Легендарные имена, такие как Георгий Жуков, Константин Рокоссовский, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Валя Котик, знакомы каждому [1, с. 22]. Их подвиг вдохновляет и сегодня. Они символизируют храбрость, преданность и самопожертвование.

Не только фронтовики заслуживают памяти — огромное значение имел и партизанский подвиг. Сотни тысяч партизан в тылу врага наносили удар по снабжению и коммуникациям противника, ослабляя его силы [4, с. 51].

Память о защитниках Великой Отечественной — это обязанность каждого гражданина страны. Именно через знания о героях, их борьбе и победах мы сохраняем национальную идентичность и дух патриотизма.

Сегодня российская армия — современная, эффективная и оснащённая высокоточным оружием. Защита Родины остаётся приоритетом государственной политики и общественного сознания.

Современные защитники Отечества — это солдаты и офицеры, которые несут службу как на территории страны, так и в рамках международных миротворческих и военных операций. Их задача — предотвращение внешних угроз, борьба с терроризмом, защита мирных жителей и укрепление безопасности региона.

Участие в специальных военных операциях — это одна из форм современной военной службы, требующая высокой профессиональной подготовки, мужества и готовности к самопожертвованию. Современные защитники продолжают традиции своих предшественников — ветеранов Великой Отечественной.

В последние годы особую актуальность приобретают подвиги тех, кто принимал участие в специальных во-

енных операциях. Эти операции — сложные и ответственные миссии, направленные на защиту государственных интересов, обеспечения мира и стабильности.

Участники таких операций проявляют не меньшую доблесть, профессионализм и самоотверженность, чем защитники Родины в прошлые эпохи. Их подвиг — это часть живой истории, пример для молодежи и символ продолжения традиций героизма.

Память о героизме участников современных операций необходимо сохранять и передавать будущим поколениям так же, как и память о защитниках Великой Отечественной войны.

Память о Великой Победе, о подвигах защитников Отечества — важнейший элемент воспитания патриотизма среди молодёжи. Через изучение истории, участие в посвящённых дате мероприятиях, посещение музеев и памятников мы передаём ценности любви к Родине, преданности и ответственности.

Сегодня, когда международная обстановка напряжённая, а вызовы безопасности объективно высоки, воспитание чувства долга и чести среди молодых защитников страны становится особенно важным.

Памятные даты и уроки истории помогают не допускать ошибок прошлого, ценить мир и свободу, которые были завоеваны великим трудом и беспримерным героизмом наших дедов и прадедов.

80-летие Победы в Великой Отечественной войне — это не только праздник, но и напоминание о великих подвигах защитников Отечества. Мы чтим память погибших, гордимся подвигами ветеранов и современных военнослужащих, уверены в том, что традиции патриотизма и мужества будут жить в сердцах будущих поколений [3, с. 97].

Подвиги защитников Родины — урок для всех нас. Они показывают, что только единство, стойкость и готовность к самопожертвованию способны сохранить мир и независимость страны. Современные защитники, участвующие в специальных военных операциях, продолжают славные традиции героев Великой Отечественной.

Пусть память о них всегда будет живой, а признательность каждого гражданина — глубокой и искренней.

Литература:

1. Бобылев, С. В. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: история и память / С. В. Бобылев. — М.: Воениздат, 2020. — 432 с.
2. Иванов, А. П. Подвиги защитников Родины в Великой Отечественной войне / А. П. Иванов. — СПб.: Питер, 2019. — 368 с.
3. Кузнецова, Л. Н. Герои Великой Отечественной: хроника и документы / Л. Н. Кузнецова. — Екатеринбург: УрФУ, 2021. — 410 с.
4. Мурашова, Т. В. Память о Великой Отечественной войне и современные военнослужащие / Т. В. Мурашова // Вестник Военного университета, 2023, № 2. — С. 45–57.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (620) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 06.05.2026. Дата выхода в свет: 13.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.